КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ДЕВЯТНАДЦАТЫЙ.

ТОМЪ LXX.

1900 г.

СЕНТЯБРЬ.

КІЕВЪ.
Типографія Императорскаго Университета св. Владиміра
Н. Т. Корчакъ-Новицкаго, Меринговская улица.
1900.

СОДЕРЖАНІЕ.

ОТДѢЛЪ I.

I. ЛѢСНАЯ ЛУБЕНЩИНА. В. **Милорадовича** . . . . . 247—296

II НОВЫЕ МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ БІОГРАФІИ ШЕВЧЕНКА. **Н. Стороженка** . . . . . 297—326

III. ВЪ НАЧАЛѢ РЕФОРМЫ БУРСЫ. (Изъ воспоминаній). **П. Борзаковскаго** . . . . . 327—357

IV. ПОКУПКА. **Б. Гринченка**. . . . . 358—362

V. ИЗЪ ИСТОРІИ МАЛОРУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ 20-хъ и 30-хъ ГОДОВЪ XIX ВѢКА. II. **Вл. Каллаша**. . . . 363—374

VI. ИДЕАЛЬНЫЙ БАТЬКО. **Л. Яновской** . . . . . 375—403

ОТДѢЛЪ II.

I. ДОКУМЕНТЫ, ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Празднество 8-го сентября въ Холмѣ. **А. Ирпенскаго**; б) Печатное дѣло въ Малороссіи въ началѣ XIX ст. **В. Д.**; в) Варьянтъ пѣсни про голоту. Сообщ. **В. Милорадовичъ**; г) Варьянтъ пѣсни про дурня; д) Два неизвѣстныя письма И. П. Котляревскаго; е) Глуховская сатира. Сообщ. **В. Н**; ж) Подписка на памятникъ И. П. Котляревскому въ Полтавѣ . . . . 77—98

Текущія извѣстія . . . . . 99—100

II. БИБЛІОГРАФІЯ: а) Протоколы Верховнаго Тайнаго Совѣта, какъ матеріалъ для исторіи Малороссіи XVIII в. **В. Василенка**; б) А. Лотоцкій. Народное образованіе въ Подоліи въ его прошломъ и настоящемъ. **В. Д.**, в) Обзоръ журналовъ текущаго года; г) Извѣстія о новыхъ книгахъ и журнальныхъ статьяхъ . . . . . 101—135

Археологическая лѣтопись. . . . . 136—147

Дозволено цензурою. Кіевъ, 26 іюля 1900 года.

Въ книжномъ магазинѣ редакціи

журнала

„Кіевская Старина“

поступили для продажи слѣдующія книги.

Андріевскій. Изслѣдованіе текста пѣсни Игорю Святославичу. Ч. 1-я гл. I и III-я, ч. II гл. IV. Ц. 1 р. за часть.

Антоновичъ В. Къ вопросу о галицко-русской литературѣ (оттискъ изъ журн. Кіевской Старины). Кіевъ, 1900 г., ц. 15 к.

Барвинокъ. Молодыча боротьба. С.-Пб. 1899 г., ц. 1 коп.

— Вирна пара С.-Пб. 1900 г., ц. 3 коп.

Бидай. Пѣсни Кубанскихъ козаковъ. Выпуски 1-й, 2-й, 3-й, 4-й, 9-й и 10-й. Екатеринодаръ, 1898 г., ц. за вып. 1 руб.

Бѣляшевскій. Археологическая лѣтопись Южн. Россіи, Т. I-й, Кіевъ, 1899 г., ц. 2 руб.

Вервиловъ. Очерки торговли Южной Руси. Черниговъ, 1898 г., ц. 50 коп.

Вовчокъ. Выкупъ (на русскомъ языкѣ). Кіевъ, 1899 г., ц. 50 к.

— Данило Гурчъ. Кіевъ, 1899 г., ц. 3 коп.

— Максымъ Гримачъ. Выкупъ и др. оповидання. Кіевъ, 1900 г., ц. 4 коп.

— Свекруха, Отець Андрій. 1900 г., Кіевъ, ц. 2 коп.

Василевскій. Современная Галиція. Петерб., 1900 г., ц. 80 коп.

Викъ. Збирникъ поэзій (1798—1898). Кіевъ, 1900 г., ц. 2 р., въ переплетѣ 3 руб.

Гринченко. Народные спектакли. Черн., 1900 г. ц. 25 коп.

Грабына. Дивоче серце. Кіевъ, 1899 г., ц. 25 коп.

Демченко. Образованіе и сочетаніе словесныхъ звуковъ. Кіевъ, 1900 г., ц. 25 коп.

Дашкевичъ. Описаніе Черноморья. Кіевъ, 1891 г., ц. 40 коп.

— Вопросъ о литературномъ источникѣ И. П. Котляревскаго. Кіевъ, 1893 г., ц. 40 коп.

Дашкевичъ. Новѣйшіе домыслы о Болоховѣ и Болоховцахъ. Кіевъ 1884 г. ц. 40 коп.

— Еще разысканія и вопросы о Болоховѣ и болоховцахъ. Кіевъ, 1899 г., ц. 60 коп.

— 25-лѣтіе историч. общества Нестора Лѣтописца. Кіевъ, 1899 г., ц. 60 коп.

— Средневѣковая греко-славянская литература (преимущественно поэтическая) и ея отношеніе къ западно-европейской поэзіи. Кіевъ, 1887 г., ц. 30 коп.

— Міровая скорбь, мрачное міровоззрѣніе и пессимизмъ. Кіевъ, 1895 г. 40 к.

— Приднѣпровье и Кіевъ по нѣкоторымъ памятникамъ древне-сѣверной литературы. 1886 г., ц. 30 к.

— Зезенгеймская идиллія. Эпизодъ изъ исторіи юношескихъ стремленій, увлеченій и творчества Гёте. Кіевъ, 1897 г., ц. 50 коп.

— Литература св. Граселя за послѣдніе годы (1876—1888 г.). Кіевъ, 1888 г., ц. 50 к.

— Романтика круглаго стола въ литературахъ и жизни запада. Кіевъ, 1890 г. 2 р.

Дикаревъ. Малорусское слово «Паляныця» и греческое «πέλανος». Ц. 10 к.

Житецкій. Энеида Котляревскаго и древній списокъ ея. Кіевъ, 1900 г., ц. 2 руб.

— Описаніе Пересопницкой рукописи. К., 1876 г., ц. 1 р.

Зиневичъ. Панъ Штукаревичъ, або оказія якои нибувало. Каменецъ-Подол. 1900 г., ц. 50 коп.

Землякъ. Отъ тоби й монополія! Сцена въ 1-мъ дѣйствіи. Одесса, 1899 г., ц. 15 коп.

Кропивницкій. Передъ волею. Драма въ 5-діяхъ. Оттискъ изъ Кіевск. Стар. Кіевъ, 1900 г. 20 коп.

Кулишъ. Оповиданнѣ. Бахмутъ 1900 г. ц. 50 коп.

— Чорна рада. Выданнѣ друге. Одесса, 1900 г., 50 коп.

— Драмована трилогія. Харьковъ, 1900 г., ц. 2 руб.

— Орыси (С.-Пб.) 1900 г. ц. 2 коп.

— Воспоминанія дѣтства. Повѣсть. Бахмутъ, 1899 г., ц. 1 р. 25 коп.

Конопницкая. Христа. Кіевъ, 1899 г., ц. 6 коп.

Комаровъ. Нова збирка прыказокъ. Одесса, 1900 г., ц. 50 коп.

— Къ біографіи Стороженка. Кіевъ, 1900 г. ц. 15 к

Конисскій. Грошолюбка. Черкассы, 1900 г., ц. 5 к. и на лучшей бумагѣ ц. 10 коп.

— Творы, т. Ш-й. Ялта. 1900 г. ц. 1 руб. и на веленевой бумагѣ ц. 1 р. 50 коп.

Каневецкій. Изъ былого Черноморіи. Екатеринодаръ, 1900 г., ц. 1 руб.

Конощенко. Украинськи писни зъ нотамы. Одесса, 1900 г., ц. 30 к.

Мачтетъ. Смотрины. Кіевъ, 1899 г., ц. 3 коп. Изд. Ком. грамотности.

— Два «міра». Кіевъ, 1899 г., ц. 10 к. Изд. Ком. грам.

— Въ святое утро. Кіевъ, 1899 г., ц. 3 к. Изд. Ком. грам.

— Пять тысячъ. Кіевъ, 1899 г., ц. 5 коп. Изд. Комит. грамотности.

Макаровскій. Наталя. Черн. 1899 г., ц. 5 коп.

Немоловскій. Про бжилныцтво. С.-Пб. 1900 г., ц. 8 коп.

Науменко. Рѣшенъ-ли проф. Т. Д. Флоринскимъ вопросъ о книжной малорусской рѣчи? Кіевъ, 1900 г., ц. 15 к.

Осадчій. Козацкій батько Палій. Кіевъ, 1900 г., ц. 8 коп.

Пихно. Бесѣда сельского хозяина. Кіевъ, 1899 г. ц. 40 коп.

Р. С. Братства въ юго-западной Руси. 1895 г., Харьк., ц. 4 коп.

Степовыкъ. Про городыну. С.-Пб. 1899 г., ц. 5 коп.

Станюковичъ. Человѣкъ за бортомъ. Кіевъ, 1899 г., ц. 5 к. Изд. Комитета грамотн.

Тобилевичъ. По-надъ Днипромъ. Черк., 1900 г. ц. 10 коп.

Толстой. Воскресеніе. Романъ, ч. І-я и ІІ ч. С.-Пб. 1900 г., ц. 60 к.

Угадько. Харьк., 1900 г., ц. 5 коп.

Фотографическіе портреты Т. Г. Шевченка. С.-Пб. ц. 65 к. и 80 коп.

Хвыля за хвылею. Збирныкъ. Черн., 1900 г., ц. 1 руб.

Чикаленко. Розмова про сельське хозяйство. Сіяни травы, кукуруза та бурякы. Кн. Ш. Одесса, 1900 г., ц. 8 коп.

Щыри слёзы надъ могылою П. О. Кулиша, 1900 г., Бахмутъ, ц. 15 к.

Яновская. Смерть Макарыхы. Кіевъ, 1900 г., ц. 10 к. (Оттискъ «Кіевск. Стар.»).

— На зеленый клынъ. Кіевъ, 1900 г., ц. 15 к. (Оттискъ «Кіевск. Стар.»)

Ясинскій. Кара Божа. Луцкъ, 1899 г., ц. 6 коп.

ЛѢСНАЯ ЛУБЕНЩИНА.[1]

Глава 1-я.

Тишковская волость.

С. Крутой Берегъ, Хи'тцы. Преданія о войнахъ, кладахъ, разбойникахъ, о старинномъ привольи. Рыбацкая деревня Лучники. С. Тишки, Тишковскій богатырь. Бывшія монастырскія владѣнія: Заудай, Лука, Мгарь, лубенской волости; историческія о нихъ воспоминанія.

Противъ м. Городища, лохвицкаго у., виднѣющагося на нижней террасѣ рр. Удая и Многи, расположилось на песчаной площадкѣ, входящей острымъ угломъ въ болото, пограничное лубенское село Крутой Берегъ—нѣсколько небольшихъ помѣ-

[1]) Настоящіе историко-этнографическіе очерки сѣверной лѣсной части лубенскаго у., занятой Тишковской, частью Лубенской и Тарандинцовской волостями, ограниченной съ сѣверной и сѣверо-восточной сторонъ рр. Удаемъ и Сулой, а съ остальныхъ—сливающейся со степью, составляютъ продолженіе «Снѣтинской Старины», напечатанной въ IX и X книгахъ «Кіев. Стар.» 1897 г., и также основаны преимущественно на народныхъ разсказахъ. Лѣсной участокъ входитъ въ представленіе о Лубенщинѣ такъ тѣсно, что почти отожествляется съ ней. Онъ особенно типиченъ для уѣзда, геологическій, археологическій, этнографическій интересъ котораго соединенъ главнымъ образомъ съ этимъ участкомъ.

щичьихъ усадьбъ, разбросанныхъ среди садовъ, группъ итальянскихъ тополей и крестьянскихъ хатъ. Берегъ Удая, невысокій, только мѣстами обрывистый, не оправдываетъ названія села. Осадчимъ послѣдняго былъ козакъ Голубъ. „Винъ оселывсь коло церквы, а потимъ набралось чымало мыра“—разсказываютъ старожилы. Осадивъ село, Голубъ ушелъ въ степь, а землю продалъ двумъ братьямъ Ирклѣнкамъ, по уличному Бережнымъ, оставивъ воспоминаніе о себѣ только въ названіи части рѣки (Заголуба). У каждаго изъ покупщиковъ было по нѣсколько сыновей, и размножившійся такимъ образомъ родъ занялъ „Затинъ“, старѣйшій кутокъ села, у церкви. Ирклѣенки, судя по имени, фамильнымъ преданіямъ и ремеслу предковъ—дубленію кожъ, происходятъ отъ горожанъ м. Ирклѣева, золотоношск. у., одно время (въ XVII ст.) бывшаго полковымъ городомъ. За Затиномъ слѣдуютъ: Пичкуривка, жительство Пичкуривъ, Кушнирка, Дубогріевка, гдѣ поселился многочисленный козачій родъ Дубогріевъ, и два кутка угасшихъ древнѣйшихъ родовъ, пришедшихъ за Голубомъ: Крыкунивщына, жилье Крыкунивъ, и Ребидивщына, теперь Засилье-Ребидей. Отъ послѣднихъ двухъ козачьихъ родовъ ничего не осталось, кромѣ названій. Козаки составляютъ четвертую часть жителей Крутого Берега; остальное населеніе—крестьяне, прежде ранговые, а съ 1773 года подаренные императрицей Екатериной II статскому совѣтнику Якову Павловичу Козельскому, въ числѣ 60 дворовъ, вмѣстѣ съ крестьянами д. Потерюхъ, лохвицкаго уѣзда. Указъ о пожалованіи сгорѣлъ, устныя же преданія повѣствуютъ о дарѣ такъ: „Якивъ Козельскій бувъ учытель царськои фамыліи, и царыця Катерына подарувала ёму Крутый Берегъ и Вязивець. [1]) Винъ бувъ на службы у Глухови, и нашы батьки преставлялы ему провіантъ: бочку рыбы и

[1]) Вязивець или Козловщына—хуторъ за Лубнами. О пожалованіи его Козельскимъ въ дворянскомъ протоколѣ послѣднихъ не упоминается. Якову Козельскому пожалованы были также императрицей перстень и портретъ, но гдѣ они, неизвѣстно. О Яковѣ Козельскомъ извѣстно, какъ о переводчикѣ книгъ во 2-й половинѣ XVIII в. (Кіевск. Стар. 1891 г., IV, 97)

бочку олiи. Одробитокъ бувъ: два дни въ недилю зъ кожной симьи. Мирка мукы зъ симьи у годъ. Винъ не прынуждавъ людей, утишався имы, якъ дитьмы". Впослѣдствiи князь Кудашевъ, зять Козельскихъ, получивъ по раздѣлу часть Крутого Берега, выселилъ изъ него 300 душъ въ Екатеринославскую г. въ слободы: Софiевку, Николаевку, Кудашевку и Жовту, чѣмъ ослабилъ село настолько, что въ немъ и теперь только 1105 душъ. Жизнь крестьянъ у преемниковъ Якова Козельскаго изображается народомъ такими чертами: крестьяне работали панамъ 3 дня въ недѣлю, если сами платили подушное, а 4—въ противномъ случаѣ; женщины пряли по 6 мотокъ въ годъ; толкли по 4 мѣрки проса въ день; пшеницу на пасхи мололи въ ручныхъ жорнахъ по 1 пуду или около того въ день, а въ перiодъ жатвы должны были нажинать по 2 копы ежедневно.

Крутой Берегъ, не смотря на близость Городища, прежнюю отъ него административную зависимость [1]) и постоянное обще-

---

[1]) Эта зависимость видна между прочимъ изъ книги «Метрическiя записи, веденныя съ 1716 г. пресвитеромъ Мироновъ Ивановичемъ, веси Крутого Берега, уѣзду Городиского». Въ этихъ метрическихъ записяхъ невѣсты-крестьянки обычно называются *панами*. Напр. «сталы до шлюбу молодыкъ Журавленка съ панною Анною Удайскою». Между старинными мѣстными козачьими и крестьянскими фамилiями, кромѣ перечисленныхъ выше, встрѣчаются: Чайки, Соколы, Журавленки, Сывокони, Ведмiди, Чернокуны, Каракаши, Перервы, Чорнышенки, Болюченки, Багнюки, Мозоленки, Ляшенки, Бревусы, Усы и др. Къ концу метрической книги подшитъ краткiй рукописный учебникъ подъ такимъ названiемъ «Первое ученiе отрокомъ, въ немъ же букви и слови таже краткое толкованiе законного Десятословiя, молитвы Господни, символа вѣры и десяти Блаженствъ, повелѣнiемъ Царскаго Пресвѣтлаго Величества Перваго Всерос. Императора второе напечатася при С. Петербурхѣ, в Троецкомъ Ал. Невск. Монаст. 20 мая 1721 г.». Кромѣ этихъ книгъ, въ мѣстной церкви хранятся еще: Рукописный Требникъ 29 октября 1672 г., въ немъ заглавныя буквы написаны киноварью; Нотное пѣнiе 1759 и небольшая плащаница Пинской iезуитской Радзивиловской колле-

ніе жителей на городисскихъ базарахъ въ настоящее время, успѣлъ сохранить свои лубенскія этнографическія особенности. Въ Городищѣ, какъ и вообще въ южной части лохвицкаго у., мужская и женская одежда длинная, сзади въ плоскихъ складкахъ („до днища"); цвѣтъ женскихъ свитъ (юбокъ) бѣлый. Очипки круглые, ровные, видны посединѣ на повязанной платкомъ головѣ. И дѣвичьи головы открыты посединѣ, платокъ обернутъ только вокругъ головы („въ кружки", „соняшникомъ"). Въ Крутомъ Берегу моды лубенскія: одежды короче, со сборами сзади („до фантивъ"), очипки низкіе, переломленные посединѣ; женскія и дѣвичьи головы плотно закрыты платкомъ („клапономъ"). Головныя повязки, впрочемъ, гораздо ниже и шире снѣтинскихъ и волчковскихъ, [1]) такъ что похожи на чалму и не такъ надвинуты на лобъ. Крутобережцы худощавы, средняго и вышесредняго роста, лица продолговатыя, глаза и волосы темные. Особенность мѣстной рѣчи выражается въ произношеніи буквы *е*, наклоняющемся къ среднему *и*, почему сосѣдніе хитцяне, выговаривающіе букву *е* очень открыто, дразнятъ крутобережцевъ: „гличикъ", „пирившсло", „динь". Мѣстный весильный ритуалъ, какъ всей Тишковской и частью Тарандинцовской волостей, разнясь отъ обряда степной Лубенщины, приближается къ кіевскому. Здѣсь, какъ и въ кіевской губ., во время domum deductio, молодыхъ переводятъ черезъ огонь. Въ понедѣльникъ свекоръ дразнитъ молодую кускомъ сала на палочкѣ, а родителей молодой обманываютъ, подводя имъ чужую женщину въ одеждѣ молодой съ завѣшеннымъ лицомъ. [2]) Населеніе

гіи 15 іюля 1705 г., плохой живописи, на блѣдно-желтой шолковой матеріи, съ оранжевой бахрамой. Быть можетъ, плащаница эта принадлежала предкамъ Козельскихъ, католикамъ изъ Сѣдлецкой губ.

[1]) См. Снѣт. Старину. Кіевъ, 1897 г., 18.

[2]) См. Nowosielski. Lud Ukr. I, 229—232, и мои Нар. Обр. и пѣсни Луб. у. 124, 125. Послѣдній обычай—обманъ родителей молодой встрѣчается еще и въ Волынской губ., о чемъ см. у Потебни. Объясненіе Малор. и сходныхъ пѣсенъ, II, 327, со ссылкой на Свадебн. Обряды. Н. Ѳ. Сумцова.

Крутого Берега земледѣльческое, земля супесчаная, подзолистая. [1])

—

Въ верстѣ отъ Крутого Берега по прямому направленію чрезъ Удай разбросаны по длинному, узкому оврагу Хитцы, самое значительное и интересное село Тишковской волости. Въ старыхъ документахъ ихъ называютъ то *Хищь*, то *Хъщи* и прибавляютъ *Чернечи*, въ отличіе отъ другихъ Хитцовъ—Сенецкихъ, [2]) близъ м. Сенчи, лохвицкаго у. Хитци-Чернечи, притаясь въ оврагѣ, замѣтны лишь съ горъ, обнаженныхъ и печальныхъ, годныхъ развѣ для вальпургіевыхъ ночей. Эти горы стоятъ со всѣхъ сторонъ надъ селомъ, раздвигаясь только къ востоку въ долину Удая. Основаніе села приписывается мѣстными преданіями сказочному разбойнику. „Якыйсь Хыць (Хытець, Хытцянынъ), розбійныкъ, воръ, забравсь у яръ и ставъ тамъ жыть у землянци. До ёго прыставъ другый, третій, и стало село. Ту балку, де винъ жывъ, зовуть Одмилкивщына. Хыць бувъ вояка, выскочыть изъ яру зъ сёма сынамы и обижа людей, а потимъ ёго прытиснылы, стало народу бильшъ. Винъ бувъ хытрый, хытрякъ здоровый“. Древнѣйшими кутами признаются: Силовка, гдѣ сѣлъ старинный размножившійся родъ Мартюки, Западня, занятая Билимами, на которой старѣйшіе и лучшіе сады, Зуивка, гдѣ церковь св. евангелиста Іоанна. [3]) За-

---

[1]) Сб. Хоз. стат. Полт. губ. Полт. 1885 г., IV, Лубенскій у., 228; Мат. оц. зем. Полт. губ. Спб. 1889, II, Луб. у. 31.

[2]) Описанію послѣднихъ посвящена ст. В. П. Горленка «Заholустье» (Южно-рус. очерки и портреты. Кіевъ, 1898 г., 202—211). Это описаніе въ рецензіи Полт. Губ. Вѣдомостей (1898 г., № 7, 3.) неправильно отнесено къ Хитцямъ-Чернечимъ. Основателемъ Хитцовъ-Сенецкихъ былъ запорожецъ Хитько. Никакой связи между этими двумя селами въ настоящее время установить невозможно.

[3]) Время основанія церкви неизвѣстно, но въ 1722 г. она уже была. Въ церковномъ архивѣ хранится рукопись: «Экстрактъ з книги Статуті малороссійскихъ правъ 1767 г.», а изъ иконъ обращаютъ на себя вниманіе древностью: земная жизнь Спасителя, Іисусъ Христосъ,

тѣмъ слѣдуютъ куты по именамъ жителей: Кордивка, жилье Кордивъ, Глушкивъ, Путривъ. Корды—крѣпкій народъ; дѣдъ ихъ жилъ, говорятъ, 140 лѣтъ [1]) и всю зиму ходилъ босымъ; Карпыливка, жилище козаковъ Карпенкивъ; Ризныкивка—казенныхъ крестьянъ Ризныкивъ, пришедшихъ изъ монастыря, какъ и другіе казенные крестьяне; Коречына въ глубокомъ яру, гдѣ живутъ Дудки. На горѣ къ западу живутъ козаки Велички, изъ нихъ Темишъ обладалъ необыкновенной физической силой. Разъ сваливъ на возъ 15 четвертей уголья, онъ вскатилъ потомъ возъ на гору; 15 верстъ носилъ по 6 пуд. хлѣба, а вязанку сѣна въ 5 пуд. несъ однажды 35 верстъ.

Вокругъ Хитцовъ есть много остатковъ старины. Важнѣйшій изъ нихъ Городище, въ верстѣ отъ села, на выступающей въ долину Удая горѣ, съ трехъ сторонъ почти отвѣсной, съ

сидящій на тронѣ, и Вознесеніе. По преданію, иконы эти, съ наивнымъ рисункомъ, блѣдными красками и выразительными лицами, взяты изъ бывшей Онуфріевской мужской пустыни, основанной архимандритомъ Мгарскаго монастыря Іоасафомъ Горленкомъ въ 1744 году, имѣвшей двѣ церкви: Св. Онуфрія и св. Захаріи, и числившейся за Мгарскимъ монастыремъ до упраздненія указомъ Екатерины II 10 апрѣля 1786 г. (Полт. Епархіальн. Вѣд. 1898 г. №№ 20 и 21, 794; Арендаренко. Зап. о Полт. губ. Ш., 41). О пустыни въ народѣ говорятъ такъ: «Перва гора одъ Тышкивъ на Лубни зветься Онопривська; на ій бувъ манастырь св. Онопрія. Такъ винъ той святый зійшовъ звидтиль и труну покынувъ,—чогось не понравылось. Де престолъ, такъ тамъ и теперъ обгорожено мисто и горбъ и хрестъ зъ цеглы зробленый». По другому сказанію: „у великимъ лиси бувъ Онофрій. Тоди винъ зійшовъ, якъ святытель Афанасій объявывсь. Нихто не знае, куды винъ зійшовъ. Тамъ, де бувъ Онофрій, тамъ бувъ дворецъ. Тамъ колысь бувъ и ставъ. Вербы въ обыймыще“. Говорятъ, еще «Манастырь разбойныкъ Третякъ розорывъ».

[1]) До ста и болѣе лѣтъ жили еще въ Хитцахъ: дидъ и баба Рѣзниковъ, Сиротъ, дидъ Федора Копаня, а отецъ его 90 лѣтъ, и Сегеда.

четвертой—примыкающей къ плоской возвышенности, господствующей надъ Хитцами. На немъ валъ и три кургана. По остаткамъ кирпича и костей въ почвѣ видно, что здѣсь было жилье, по предположенію мѣстной церковной лѣтописи, какого-нибудь польскаго пана или князька. Мнѣ показалось это городище гораздо болѣе древнимъ. Вблизи его расположены Саливоновы могилы. Удайская низина у самаго городища называется „головою", а дальше къ рѣкѣ—„великою лукою". По лукѣ извивается ручей Грешайка, часть котораго называется Казанокъ. Къ этимъ мѣстамъ пріурочены слѣдующія народныя преданія: „Надъ Хытцямы йе урочыще Салывоново и тамъ городыще: гора зъ валамы. Лѣхы тамъ и покійни ховани, найшлы чоловика чотыри аршынъ зъ каменемъ круглымъ въ руци. Якъ прыйшлось копать канаву, такъ рушена земля; пройшлы 5 аршынъ, колы впять нерушена. Зачалы копать и докопалыся до кости,—хованый на схидъ сонця, пальци на ногахъ по четверти, цивкы по 5 четвертей. Захованный милко чы такъ розсунулася земля. Стегна не обіймешъ и двома рукамы. И руки такъ до ликтя одъ кисточкы дви четверти, самого пальця 5 вершкивъ. Сурени (до плеча) аршынъ, пивтора аршына въ плечахъ. Вынялы голову—шисть четвертей кругомъ обмиралы. Мижъ очима мало не дви четверти. Шисть вершкивъ самого лоба. [1])

У городыщи жылы шведы, чы якись велыкгоны. Якъ пидйихалы запорозци, чы козакы, чы що, такъ не моглы ніякимъ прымиромъ звоювать,—крипость страшна. Прыспособлять пушку, то або перелетыть зарядъ, або не долетыть, въ землю вгрузне. И козакы до самои воды докопалыся и воду спустылы. Тоди давай велыкгоны погыбать. Такъ воны повкыдалы въ колодезь

---

[1]) О такихъ великанахъ въ лубенскомъ у. упоминается въ моей Снѣт. Стар., 3; въ переяславскомъ у.—Арендар. Зап. Ш, 374; за границей — у Is. Teirlinck. Le folklore flamand. Въ Гаммѣ, напр., сохраняютъ, какъ святыню, кости великана: бедро 4 фут. 1 дюймъ длины, 13 дм. ширины. Улицу, на которой жили великаны, называютъ Reusenstrate (151—153).

дзвоны и орудія, загорнулы землю и заклялы. И такъ осталася середъ городыща яма одъ колодязя. Пробувалы копать, такъ неможна: земля сунется на нызъ. Тилько й выкопалы дви грошыны старихъ. Велыкгоны вывезлы казанъ зъ деньгамы, золотомъ и серебромъ, и вкынулы въ Удай на яму. Биля городыща йе Салывонови могылы. Зъ тихъ могылъ воювалы городыще, щобъ выще кыдать черезъ стины, изъ ихъ выкыдалы хлагъ.

Розсказують, шо надъ Удаимъ высило на дрюку не знать що. Козакы щыталы—непрыятель страшный, колы одынъ проконавъ пидъ землею погребъ, долизъ,—колы высыть кичка зъ хомута. Знявъ и прынисъ, каже: „ось шо мы воювалы тры годы". Мижъ могыламы йе ходъ, щобъ чоломкалысь и на тимъ свити. Въ тихъ могылахъ Тышкивській мужыкъ выкопавъ ящыкъ спражнёго намыста, а Снитыньци выкопалы ратыще, зализный бочонокъ, мидну тарилку и кускы миди. У Салывоновій йе крынычка и кущъ бузыны и пидъ тіею бузыною погребъ, а въ погреби складена зброя, зелени сукна, ружжя, шабли. Одынъ старыкъ знайшовъ биля Салывоновыхъ могылъ хрестыкъ изъ шнуркомъ; ставъ брать, ажъ шнурокъ у земли. Почавъ тягнуть, вытягнувъ шисть аршынъ, показалось ёму важко, позвавъ товарыша, такъ тилько загуло.

Въ ричци Грешайци мовъ-бы дзвинъ золотый та срибный укотылы и човенъ зъ гришымы прыкованый на дни, а дали де Казанокъ, тамъ мидный казанъ упущенный зъ гришымы на дно,— и все те закляте. Одынъ батюшка зъ давнихъ давенъ одправыть було службу и полизе по ямахъ, и найшовъ той дзвинъ, де саме у ями, у води, и той човенъ, который обкованый, понаходывъ, а тамъ оказалось: „шо ты не становывъ тутъ, такъ ты и не возьмешъ, бо воно закляте, ажъ передъ концемъ вика, якъ вода высхне—тоди найдется, времена пидійдуть у послидныхъ годахъ. Есть кладови лёхы пидъ симъ городыщемъ и тамъ йе у тихъ лёхахъ усячына: сребро, золото, сукни, ружжа. Отамъ шукай, а тутъ зъ воды не возьмешъ ты". Пастухъ пасъ коней проты страснои пьятныци на Велыкій луци. Ставъ у ночи иты дощъ. Пишовъ винъ заховаться у лёхъ

пидъ горою. Увійшовъ у лѣхъ, колы дывытся—стоить плугъ изъ усіею снастю, зеленый. Винъ хотивъ взять той плугъ у рукы, ну самъ побоявсь. Тамъ було ще два товарыши. Винъ выйшовъ, гукае: „идить, братци, сюды!“ Ти два сталы иты до ёго, такъ винъ тилько почувъ, що загремило. Прыйшлы, не вглядилы ничого. Пастухы паслы скотъ коло рудкы, колы йиде два чоловика парою киньмы и шарабаномъ зеленымъ и пытаютъ тихъ пастухивъ: „чы не можна-бъ тутъ переночувать?“ Пастухы звелилы переночувать. Ти люде выпряглы кони, сталы огонь класты, а пастухы погналы скотъ до дому. Гонять у ранци скотъ на пашу, дывлятся, колы на тимъ мисти, де ночувалы ти люды, купа земли; прыходять блыжче, ажъ тамъ яма изъ пивтора аршына глыбыны и знать стоявъ здоровый чавунъ и вкрученый дротомъ, такъ одъ дроту непечаталось у ями на земли. Воны подывылысь тай пишлы. Пыталы двое людей, одынъ старый, другый парубокъ, хутцянськихъ пастухивъ: „де у васъ тутъ Сухомлынъ?“ Пастухы розсказалы: „оце Сухомлынъ, а це Коломакъ надъ Тышкамы“. Осталысь воны тамъ ночувать. На другый день пастухы выгналы вивци, и на тимъ мисти, де ночувавъ дидъ, лежыть купа земли и яма, де знать стоявъ казанъ. Пастухы знайшлы шисть загубленыхъ мидныхъ грошынъ [1]).

Къ западу отъ села на небольшой лѣсной полянѣ есть валы, сажня 2 ширины, съ одними воротами. По преданію, здѣсь жили разбойники, о которыхъ разсказываютъ слѣдующее: „Було въ Рештокахъ дванадцять розбойныкивъ; одынадцять ходыть красты, а дванадцятый, старый отаманъ, глядыть дому. Ишовъ стовповою дорогою парень, одъ пана посланый. Схватылы розбойныкы того парубка и кажуть: „поборы нашого ота-

[1]) Повѣрья о кладахъ поддерживаются частыми находками. Такъ, въ огородѣ хитцянскаго крестьянина найдены римскія монеты. (Ляскоронскій. Ист. Переяслав. земли. Кіевъ. 1897 г. 231). Выше Саливоновыхъ, у „Супруневимъ“ вырыты кости мужчины женщины и трехъ дѣтей и при нихъ—сабля, крышка и мѣдная чаша.

мана. Якъ поборышъ ёго, то будешъ отаманъ". Парень дума: „хочъ такъ, хочъ такъ смерть". Узявся зъ нымъ. Подавсь разъ, поборовъ той старыкъ. А вдруге якъ хватывъ, такъ и убывъ. И посадылы воны тоди ёго на стилъ, кажуть: „будешъ нашъ отаманъ". Винъ оставсь и жывъ дванадцять годъ, не выходывъ зъ землянкы. Потимъ сталы ти розбойныкы обижать панивъ, лавкы обкрадать. Начальство городске стало жалуваться. Выслалы салдативъ обискать, де воны прожывають. И зачувъ отаманъ слыхъ, шо ихъ шукають, каже: „нуте, брацця, убирайтесь зо мною, бо пропащи будемъ". И тры пишло мымо, а восимъ зъ нымъ осталось и выйшлы зъ Рештокъ у Катерынославську губернію. Тамъ отаманъ казавъ хитцянскому старыку Максыму Сиряку: „есть у Рештокахъ два береста и повыще ихъ землянка и тамъ гроши есть: мышови (кожани) штаны милочи, а сукна и все у лёху". Отаманъ пытавъ: „а тихъ трёхъ вы чулы?"— „Чулы, предкы розсказувалы, каже Максымъ: йшло тры жинкы у манастырь. Одна йшла вагитною и другый бувъ зъ нею хлопець. И розбойныкы угналысь за тымы женщынамы. Дви скрылыся въ лисъ, а третя пожалила свого хлопця и сама важка и не втекла. Поймалы ii и знущалысь зъ неи, потимъ ii заризалы, вытяглы ту дытыну, котора въ еи и „пидъ рядовымъ" кыдалы дытыну на дуба. Кынулы разъ—воно впало, кынулы вдруге—воно впало, втрете кынулы—завысло. И говорять воны: третёго дня мы погыбнемъ. А бувъ въ „Глыбокимъ" козакъ Мосигрега и въ ёго була така винныця невелыка, шо могла зробыть съ пуда водкы. И розбойныкы туды учащалы до ёго, а хитцяне дозналы, сталы просыть Мосигрегу, шобъ дававъ горилкы доволи, а якъ напьются, шобъ въ Хицю давъ знать. И пидобрани булы люды, пишлы туды и піймалы ихъ тамъ. Такъ двохъ убылы зразу, а третёго убылы на роспутти и тамъ загреблы.—За Сыливкою бувъ панъ, що державъ розбой. Людей пошле красты и самъ пиде. Такъ воны убылы у Ризныка двохъ воливъ и 'друбалы лопаты, шобъ було шо йисты. Убылы свыню зъ ружжа и чоловика того, чія свыня, прыбылы. И зайшла жалоба. А зимою укралы воны у городыського попа

кобылу, и люды бачылы, шо посидалы на ïи и кобылу у лёхъ затяглы. На утро пипъ оглядивсь, шо нема конякы. А въ еи одна пидкова перебыта. Зачавъ слидыть. Дóйшлы до двору пана. Потимъ слиду нема въ двори. Народа зибралось багато, и тоди пипъ ставъ клыкаты: „кось, кось!“ И вона заржала. Кынулысь въ лёхъ, ажъ вытягты вже не можна. Узялы, вытяглы догóры ногамы. Та зъ тихъ пиръ якъ пишла жалоба, и зогналы и пана и людей на ссылку [1]).

Кромѣ вышеприведенныхъ урочищъ, въ Хитцахъ интересны еще по воспоминаніямъ или названіямъ слѣдующія: Значково, вѣроятно бывшее владѣніе извѣстной фамиліи Значковъ-Яворскихъ; Турова, по народному мнѣнію жилище турокъ, вѣрнѣе—туровъ; Ложечына, граница монастырскихъ владѣній по дарственному акту Раины Вишневецкой Мгарскому монастырю [2]); Площа, на мѣстномъ говорѣ равнина, Пивнева, Дихтярня, Кузюбова, Здыхальныця—крутая гора, на которую нельзя взойти безъ задышки, Стриганка, Ваганокъ, Довгый шпыль, въ казенномъ лѣсу (бекети)—бывшія монастырскія пасики; тамъ есть еще пасики и вишникъ [3]).

Хитцы—самое больше село Тишковской волости. Населеніе, достигавшее по мѣстнымъ исповѣднымъ росписямъ уже въ 1788—1796 гг.—1200 душъ [4]), состоитъ частью изъ козаковъ, частью изъ казенныхъ крестьянъ, бывшихъ монастырскихъ. Козаки, считающіе себя древнѣйшими мѣстными жителями, ника-

---

[1]) Приведенные разсказы записаны отъ крестьянъ: Нагорянскихъ, Сиротъ и козака Ф. Копаня.

[2]) Лазаревскій. Лубенщина и Вишневецкіе. Кіев. Стар. 1896, II, 210.

[3]) О лѣсѣ Вербыщина или Вербыцкивщына разсказываютъ: «У Вербыщыни пастухы скотыну пасли. Чуютъ, за яромъ шось тужыть. Воны пишлы шукать—на другый бикъ голосъ подае. На тимъ боци впять плаче. И нихто не найшовъ. Якъ умерла та баба, шо тужыла, тоди найшлы».

[4]) Причина слабаго прироста населенія (теперь 1800 душъ)—выходъ жителей «на вильный степъ».

кихъ преданій о переселеніи не имѣютъ, изъ крестьянъ только Нагорянскіе объясняютъ, что предки ихъ вышли изъ Любара, новградволынскаго уѣзда, волынской губ. „Предкы тикалы писля войнъ и пидійшлы пидъ монастырь, шобъ ихъ не трямалы". Но типъ, обувь, кустарное производство заставляютъ предположить въ хитцянахъ переселенцевъ изъ Бѣлоруссіи или смежныхъ съ нею малорусскихъ мѣстностей, и когда видишь гдѣнибудь на базарѣ или на ярмаркѣ высокаго хитцянына съ продолговатымъ лицемъ, сѣрыми глазами, длинными русыми или темнорусыми волосами, въ лаптяхъ [1]), нагруженнаго ложками, тогда на умъ невольно приходитъ бѣлоруссъ [2]).

---

[1]) Лапти (лычакы) въ лубенскомъ у. попадаются только въ Хитцахъ и сосѣднихъ Калайдинцахъ.

[2]) По поводу высказаннаго мною однажды (<Къ вопросу о колон. Посулья въ XVI и XVII в.> въ Кіев. Ст. 1899 г., VII) предположенія о бѣлорусскомъ происхожденіи нѣкоторой части лубенскаго населенія одно глубокоуважаемое и весьма извѣстное въ малорусской литературѣ и наукѣ лицо отнеслось ко мнѣ письменно съ замѣткой, въ которой, разсматривая доводы, приводимые въ моей статейкѣ, между прочимъ замѣчаетъ: <степовики, т. е. жители полт. губ., зовутъ литвинами даже пограничныхъ съ черниговскою губ. жителей прилукскаго у., гдѣ въ говорѣ слышится хоть намекъ на дзаканье или *у*, *уи* вмѣсто *о*, однимъ словомъ литвинами зовутъ жителей былой Сѣверіи, былыхъ севрюковъ. Повидимому, этимъ литвинамъ скорѣе можно было появиться у насъ, чѣмъ бѣлоруссамъ». Дѣйствительно, значеніе слова <литва» неопредѣленно. По мнѣнію Потебни, оно употреблялось въ смыслѣ противуположенія чужого, поганого, языческаго, своему священному. (Объяс. малор. и сродн. пѣсенъ. II, 280). И теперь еще у насъ иногда подъ <литвой» понимаютъ пришельцевъ, разный сбродъ; чаще однако этимъ именемъ обозначаютъ бѣлоруссовъ и сѣверно-малоруссовъ, поэтому безпрестанно встрѣчающіеся въ лубенскомъ у. названія: *Литвяки*, *литва*, *литвины*, могутъ указывать и на тѣхъ и на другихъ; при томъ въ образованіи населенія черниговской и сѣвера полт. губ. участвовали, вѣроятно, и Бѣлоруссы (Крымскій. Кіевск. Стар. 1899 г., IX, 305).

Производство ложекъ, не встрѣчающееся нигдѣ въ лубенскомъ у. (кажется и въ сосѣднихъ), кромѣ Хитцовъ, создано здѣсь взаимодѣйствіемъ трехъ причинъ: прежде всего безплодіемъ почвы, общимъ почти всему лѣсному участку [1]), затѣмъ обиліемъ въ старину породъ деревъ, годныхъ для производства ложекъ, и наконецъ наслѣдственностью ремесла, очевидно принесеннаго въ Хитцы предками настоящихъ жителей изъ лѣсныхъ мѣстностей. Число лицъ, занимающихся въ Хитцахъ производствомъ ложекъ, достигаетъ 300 мужчинъ и подростковъ; женщины, конечно, не участвуютъ въ немъ. Есть лица, содержащія семью исключительно издѣліемъ ложекъ. Весной личнаго труда бываетъ недостаточно, и кустари нанимаютъ рабочихъ на 5—6 дней для скобленія и выглаживанія ложекъ, съ платой 10 коп. отъ сотни. Кустарь изготовляетъ 30—50 ложекъ въ сутки. Теперь уже замѣтна недостаточность матеріала въ Хитцахъ, поэтому кустари пріобрѣтаютъ годное дерево въ окрестныхъ селахъ: Хелепцахъ, Калайдинцахъ и Біевцахъ, иногда въ долгъ, съ разсрочкой и платежомъ по окончаніи работы зимой. Рыночная цѣна ложекъ колеблется, завися отъ времени года, качества товара и способа продажи. Такъ, при продажѣ оптомъ, 1000 березовыхъ, грушевыхъ и кленовыхъ ложекъ стоитъ 8 руб., а осиновыхъ и вербовыхъ—5—6 руб. Цѣна ложекъ въ розницу: $1^1/_2$—2 коп. ложка, 8—10 коп. десятокъ лучшаго матеріала и по 1 коп. ложка худшаго. „Бракови, лыси“ ложки, изъ красной вербы, на которыхъ часто бываетъ красная полоса, идутъ только по 4 коп. десятокъ. Предъ Рождествомъ цѣна на ложки падаетъ до 45 коп. сотня, лѣтомъ увеличивается до 1 р.—1 р. 20 коп.

Лучшій ктстарь зарабатываетъ такимъ образомъ 23—40 к. въ день, худшій 15 коп., считая цѣну матеріала въ 10 коп. на сотню ложекъ. Мѣстами сбыта ложекъ, какъ и вообще издѣлій

---

[1]) Верхній слой земли лѣсного участка лубенскаго уѣзда сѣровато каштановый, супесчаный, только съ 3% гумуса; переходной горизонтъ бурый, вязкій, подзолистый, особенно у Хитцовъ. (Мат. для оцѣнки земель Полт. г., III, Луб. у., 29, 30 и 31).

изъ дерева, служатъ ярмарки и базары въ окрестныхъ городахъ и мѣстечкахъ. На ярмарку кустарь несетъ тысячи три ложекъ, да столько-же на каждый базаръ въ м. Городище. Кромѣ того, нѣсколько мѣстныхъ крестьянъ побогаче забираютъ большія партіи ложекъ, тысячъ пятьдесятъ и больше, и сбываютъ ихъ въ южныя губерніи, преимущественно таврическую. Эти заказчики даютъ кустарямъ задатки въ 2—3 руб., а въ крайности открываютъ имъ кредитъ въ нѣсколько рублей.

Ложечное производство проникло и въ мѣстную поэзію.

Ой, матинько черешенько!
Засыдилась дуже:
Колыбъ мене той узявъ,
Що ложечкы струже [1]). и т. д.

Но хитцяне нисколько не заботились о правильномъ пользованіи лѣсомъ, такъ что „тамъ, де теперъ конопляща, такый лисъ бувъ, що якъ глянь у гору, то й шапка спада“. Старый лѣсъ кишѣлъ зайцами, которыхъ ловили сѣтями; птицами, которыхъ иногда мальчики захватывали на яйцахъ, набирая по мѣркѣ послѣднихъ. Въ лѣсу попадалось въ разное время множество фіалокъ, полуницъ, бѣлыхъ грибовъ, а въ Удаѣ—рыбы. Тогда рыбакъ закинетъ бывало неводъ, выберетъ нѣсколько рыбъ, а остальной уловъ пускаетъ опять въ рѣку. Особенно много попадалось лящей и сомовъ. Теперь рыбы мало, за нею ѣдутъ въ пограничную рыбацкую деревню Лучники, жители которой, наравнѣ съ старыми кличками хитцянъ: „лапотники“, „йижаки“, прикладаютъ новую: „жаболупы“, намекая на недостатокъ рыбы въ Хитцахъ. Жизнь вообще была безпечнѣе, привольнѣе. Восемь дядькивъ спрягались, давали по волу, пахали, а по возвращеніи съ поля выпрягали воловъ и выгоняли въ

[1]) Въ моихъ «Народ. обр. и пѣсни Луб. у.», № 97, 105. Въ Хитцахъ дѣлаютъ еще гребни, лучшіе кленовые и грушевые, цѣной по 20—70 коп., но этимъ производствомъ занято не больше десятка кустарей.

лѣсъ. Волы паслись цѣлый день, гдѣ хотѣли; иногда на третій только день разыскивали скотину. О спашахъ и помину не было. Содержаніе скотины обходилось дешево; казенный сѣнокосъ дѣлился на души и нанимался за 5 гривенъ или злотъ, накашивали-же на нанятомъ пространствѣ копицъ 15. Старина вообще представляется народу золотымъ вѣкомъ: „Ниде не було такъ добре, якъ у Хитцяхъ.“ Все было тогда дешево: „За винчанье платылы тоди шагъ, та 2—3 шагы платылы архіерею въ городъ. А потимъ платылы грывню, и казалы люды, шо дорого [1]). Тоди попы булы доморосли, изъ батька сынъ заходыть, ажъ до Костянтына [2]), той уже зайизжый“. При мѣстной церкви, нѣкогда маленькой, крытой тесомъ, до послѣдняго времени существовало братство. Начало братства совпало съ закрытіемъ Онуфріевскаго скита. Оно состояло изъ 15—20 мѣстныхъ козаковъ и крестьянъ.

Попасть въ братчики могъ каждый мѣстный зажиточный хозяинъ, кромѣ неуживчивыхъ, съ общаго согласія всѣхъ братчиковъ. Братство поддерживалось, какъ временными взносами братчиковъ въ 2—3 руб., такъ особенно пасѣкой. Она составилась изъ подаренныхъ членами роевъ. „Улья булы велыки якъ жлукто,—не таки мали, якъ наськи“. Пасѣка помѣщалась въ садку подъ горой, въ которой вырытъ былъ погребъ для ульевъ. Однажды онъ обрушился, и большая часть пчелъ задохлась. Тогда выкопали другой, которому тоже лѣтъ девяносто. Братской пасѣкой завѣдывалъ поочередно одинъ изъ членовъ—пасѣчниковъ. Ему поручали: „гляды й братенськи“. Доходъ отъ пасѣки шелъ отчасти на церковь, большею же частью на народное угощеніе въ осенній храмовый праздникъ. Къ этому дню братчики сытили медъ, покупали водку, кололи кабана и угощали гостей обѣдомъ. Братство закрылось само собой: „той

---

[1]) Въ мѣстныхъ церковныхъ метрикахъ обозначается слѣдующая плата за вѣнчаніе: священнику гривну, панамарю шагъ и протопопу Орѣховскому—(неразборчиво).

[2]) О. Константинъ Боровскій былъ благочиннымъ въ 1860-хъ годахъ.

соби не схотивъ, той соби,—загубылы рядъ, такъ и нема братства". Послѣднимъ пасѣчникомъ—братчикомъ былъ Демидъ Рѣзникъ.

Привольная жизнь создала многіе праздники, такъ что мѣстная поговорка гласитъ: „якъ хочъ празныкувать, ступай у Хитци". Между прочимъ сохранилось обыкновеніе совершать каждый годъ два крестныхъ хода на поля: въ маѣ—на озими и во второй половинѣ іюля—на гречки. Не смотря на обиліе праздниковъ и старую веселую жизнь, нравы въ Хитцахъ строже, чѣмъ въ панскихъ и подгородныхъ селахъ. Здѣсь былъ послѣдній случай общественной расправы съ деревенской кокеткой, о которомъ очевидцы передаютъ такъ: „Зазнавсь чоловикъ изъ бабою чужою и такъ якъ изъ винчаною ставъ ухажувать. Его схватылы мужыкы ночнои добы, порвалы штаны и на ій запаскы, звязалы поворозкамы ихъ обохъ. Ти найдуть коробочку, а ти видро дране, и бьють и спивають поганыхъ писень, такъ якъ тоди, якъ негарне весилля. Велы ихъ у полицію. Вернулысь до жыда; купывъ той зьязаный чоловикъ людямъ повъвидра, а потимъ ище съ четвертыну. Далы тій жинци пьять ризокъ, и простылы. Побигла вона до-дому лаючысь, а винъ пывъ съ чоловикамы. Такъ баба не покаялась, прыманыла до себе другого. Тоди ихъ зновъ водылы, іи прывьязалы до его поперека и сорочку іи пиднялы и закрутылы выще пояса, высиклы, десяткивъ тры ій всыпалы, а винъ четвертыну купывъ" [1])

—

[1]) Прежде прелюбодѣевъ повсемѣстно водили по селу, наказывая розгами, обмазывая дегтемъ или медомъ, осыпая пухомъ и перьями. Такъ было въ Англіи и Германіи въ средніе вѣка (Сумцовъ. Культ. переж. въ Кіев. Стар. 1889 г. XI, 294), въ Испаніи, гдѣ сводница Селестина была «de tres veces emplumada» (В. В. Лесевичъ. Происх. соврем. романа въ Рус. Мысли 1898 г. XI, 54). Даже Мазепа, по разсказу Отвиновскаго, за прелюбодѣяніе былъ высѣченъ розгами, съ ногъ до головы вымазанъ дегтемъ и обсыпанъ пухомъ (Костомаровъ «Мазепа» въ Рус. Мысли 1882 г., I, 11 и 12). Въ 1899 г. въ Лубенскомъ окружномъ судѣ слушалось дѣло объ истяза-

Отъ Хитцовъ вдоль Удая изгибается подковой горная цѣпь, кое-гдѣ покрытая еще отдѣльными осинами, березками и кустарникомъ. Дорога вьется по кручамъ надъ самимъ Удаемъ. Надъ рѣкой же, въ мѣстѣ, гдѣ горы немного раздвинулись, образовавъ площадку, расположена рыбацкая деревенька Лучники, съ 545 жителями, основавшаяся, по мѣстнымъ сказаніямъ, такимъ образомъ: „Посередъ Удая йе острывъ Садовый, тамъ йе вышни. Предкы казалы, шо тамъ жывъ первый жытель Лушныкъ, рыбалка, и винъ завивъ соби садокъ. Видтиль прыходу нема зъ Слобидкы [1]) и одъ Удая, велыки болота [2]), а видсиль одъ Лушныкивъ може винъ човномъ переихать до Хытцивъ. Въ Хытцяхъ жывъ Хыць. Лушныкъ рыбальствомъ занимавсь, а Хыць хлибопашествомъ. Той наловыть рыбы, а сей пашеть хлибъ. Той сёго нагодуе рыбою, а сей того хлибомъ. И до тихъ пиръ дожывся, шо велыке стало посемейство. Такъ Лушныкъ тавай перебираться на сей бикъ и выйшовъ на Лушныкивську толоку за млыны на Деркачку, де недавно жывъ чоловикъ Собко. Е урочыще Стрыганка, спустыться круча надъ Удаемъ, тамъ горбыкъ звется Баранка. Тамъ жывъ Баранъ, у ёго булы лёхы и тамъ крадени вещи и клункы зъ гришьмы. Винъ бувъ отаманъ и хотивъ зійты такъ, шобъ не дать деньги товарыству. Такъ ёго товарыство пекло на сковороди. Тоди винъ перейшовъ у Лушныкы зъ Баранкы,—такъ люде поносять ту кручу“. Въ настоящее время населеніе Лучниковъ козацкое, одно время здѣсь жилъ панъ Баладуря (Барадулинъ) изъ Слободки съ своими крестьянами, но послѣдніе возвратились въ Слободку, такъ какъ не имѣли надѣловъ въ Лубенскомъ у. Луч-

---

ніи женщины, которой смазали голову смолой за прелюбодѣяніе. Вѣроятно, такое смазываніе дегтемъ—смягченіе обычая обрѣзанія косы, о чемъ у Тацита: «abscisis crinibus nudatum uxorem coram propinquis expellit domo maritus» (I. Bedier. Les fabliaux. Paris 1895, 184).

[1]) Село Лохвицкаго у., на той сторонѣ Удая.

[2]) Заливная долина Удая у Лушниковъ—сплошной торфяникъ. (Гуровъ. Геолог. Опис. Полт. Губ. 465).

ники дѣлятся на Рудивщыну, занятую козацкими родами Рудей и Гулаковъ, и Кутъ, въ которомъ живутъ: Швеци, Грабки, Скребци, Совы Лукьянци, изъ которыхъ одинъ прожилъ 100 лѣтъ и помнилъ запорожцевъ. Жители небольшого роста, темнорусы, крѣпко сложены, стригутся въ кружокъ, моды лубенскія. Земля плохая, перерѣзана оврагами [1]). Въ старину выручали немного винокурни, у Граяковъ, Гулаковъ и Скребцовъ. Затеры бывали пудовъ 5, получалось 3—5 ведеръ водки, которую обмѣнивали на хлѣбъ.

Болѣе важнымъ подспорьемъ мѣстному хозяйству служила рыбная ловля огромными неводами. Всѣ еще помнятъ уловы рыбы въ Удаѣ и Хелепскомъ озерѣ въ 120, 150, даже въ 300 пудовъ. Рыбы оказывалось столько, что ее выбрасывали на ледъ изъ хохли руками и везли потомъ на 12 саняхъ. Теперь количество рыбы уменьшается и остается только вода. „Воды багато та ничого запываты“—говорятъ Лушниковцы.

—

Къ югу отъ Крутого Берега мѣстность понижается до небольшого пригорка, за которымъ среди удайской низины стоятъ Тишки на пескѣ и солонцахъ, мѣстами кажущихся пятнами снѣга. Удай здѣсь раздваивается: одинъ рукавъ идетъ къ Хитцамъ, а другой подъ именемъ Рештокъ или Калгана—къ Лукѣ. До основанія въ 1725 г. [2]) церкви, Тишки были хуторомъ, лучше сказать соединеніемъ хуторовъ; такое хуторное расположеніе замѣтно еще и теперь. О началѣ села старожилы разсказываютъ: „Зъ Лохвыци на запорозцивъ ишлы ляхы и воювалысь пидъ Хитцямы на поли. За Коломакомъ [3]) есть могылы и пересыпъ. Въ могыли выкопалы двое пистолей и дви шабли, а у меньшій намысто. Крый Боже, шо у тій могыли есть! Якъ

---

[1]) Сборн. Хоз. Стат. Полт. губ., IV, Лубенск. у. 228.

[2]) Первымъ по времени мѣстнымъ священникомъ былъ о. Никита Кіяшка, за нимъ о. Матвѣй Войнаровскій, а съ 1789 г. непрерывно священники изъ фамиліи Григорьевыхъ.

[3]) Самая высокая гора надъ Тишками.

розбылы запорозцивъ, воны розбиглысь той туды, а сей сюды. Прыйшовъ Тышко (Тыхинъ), оселывся тутъ и завивъ село". Тишко жилъ въ срединѣ села, возлѣ церкви, на Бученкивци, гдѣ живетъ теперь многочисленный родъ Бученковъ, быть можетъ происходящій отъ Тишка. Сосѣди Бученкивъ Блыскавки, также старинный козацкій родъ, по преданію разбогатѣли находкой такимъ образомъ: „Антинъ рыбальчывъ и десь пидъ мостомъ найшовъ бочонокъ сребра и прыткнувъ тычкою; вечеромъ вызвавъ хазяйху та удвохъ узялы. Одъ тихъ поръ ставъ багатить [1]). Антонъ Блисновка нажилъ до ста десятинъ, что тогда было легко, такъ какъ Пыхимъ купилъ у Демка $1^1/_2$ дес. земли за таляра, а Феденко вымѣнялъ у Бученка десятину за кусокъ сала. Возлѣ церкви живутъ Фесенки на Фесенкивци и Маротченки, пришедшіе изъ с. Окопа, Лохвицкаго у. У послѣднихъ прежде была своя винокурня. На краю села, отъ хутора Гребищъ, живутъ особымъ хуторомъ Олійныки или Ткачи, зажиточный родъ, имѣвшій до послѣдняго времени водяную мельницу. Двойное прозвище этой фамиліи объясняется занятіями предковъ. О главномъ предкѣ сохранилось слѣдующее сказаніе: „Грыгорій Олійныкъ бувъ манастырськый. Якъ освобождено, ставъ почавъ быть олію. Винъ бувъ сыльный багатырь. Ишовъ разъ повкъ москаливъ черезъ Тышкы, а Грыцько Олійныкъ йихавъ у Лубни у ярмарокъ и не схотивъ звертать москалямъ. Воны кынулысь до ёго, а винъ узявъ ваговый дрюкъ, и скилько зачепывъ, чы десятокъ, чы два москаливъ, стилько й полетило. Тоди начальныкъ сказавъ: „бросьте сёго старыка, бо винъ и повкъ весь побье". Москали кынулы, и Грыцько пойихавъ своимъ порядкомъ у ярмарокъ [2]). Колысь Копытькы [3]) хотилы

[1]) По варіанту разсказа, бочонокъ утраченъ былъ торговцемъ скота, уронившимъ его, переѣзжая Удай, на лодкѣ, въ половодье.

[2]) По другому варіанту: Москали хотилы Олійныковій кобыли хвисть остригты, винъ заходывсь быть, а воны до ёго—трыдцять чоловикъ. Ротный казавъ: «годи старыка брать».

[3]) Копытьки—разбойники. О нихъ въ «Снѣтинской Старинѣ», стр. 15.

у ёго деньгы узять, такъ винъ выскочывъ у дымарь и сказавъ: „усихъ васъ выбью". Копытькы утеклы. Навкулачкахъ якъ ставъ Ткачъ, такъ и занявъ лучанъ у Луку; якъ ёго нема, а зъ Лукы выйде Ивашко, то тышкивцивъ ганялы. Грыцько дожывъ до ста литъ". За Ткачами расположены: Писки, жилье Марченковъ, Пиндюривка и Жебе́льня или Жебливка, жилище козаковъ Жебелей, отдѣленная отъ Исачковскихъ каменоломней болотистой балкой Малярихой. Крестьяне принадлежали въ старину мѣстному роду изъ войсковой старшины Значкамъ-Яворскимъ, у которыхъ былъ свой дворъ въ Лубнахъ [1]). Одинъ изъ нихъ Карпъ Значокъ былъ съ 1757—1763 г. Лубенскимъ полковымъ сотникомъ [2]). Изъ этой-же фамиліи происходитъ игуменъ Лубенскаго монастыря Мельхиседекъ [3]). О комиссарѣ Николаѣ Ивановичѣ Значкѣ старожилъ Жебиль передавалъ такъ: „Панъ бувъ хорошый, изъ людьмы хороше обиходывся. И мого батька клыкавъ пидъ себе, такъ батько сказавъ: „шо-жъ ити пидъ пана, то й диты будуть паньски? краще служыть". Пишовъ у козакы, ходывъ козакомъ дванадцять литъ, козакомъ и выйшовъ". Но сохранивъ свободу, Жебли все-же утратили часть владѣній по слѣдующему случаю: „Коло Жебливъ була панська винокурня. Жебель заснувъ коло бочкы и пидъ ёго хтось выпустывъ водку. Тоди ніякыхъ судивъ не було. Сказавъ той панъ: „дай леваду". Оддавъ ище зъ дубыною такою, що страсть.

Тишки, какъ и всѣ села Тишковской волости, невелики. По мѣстнымъ исповѣднымъ росписямъ можно прослѣдить движеніе населенія съ 1762 г., когда числилось въ Тишкахъ 418 жителей; затѣмъ во второй половинѣ XVIII в.—465; въ первой половинѣ XIX в.—744 и въ 1897 г.—1135. Населеніе красиво, особенно женщины; нѣсколько улучшеннаго снѣтинскаго типа [4]),

---

[1]) Лазаревскій. Лубенщина въ XVII и XVIII в. стр. 49—51, 57.

[2]) Ibid.

[3]) Яновскій. Общежит. Луб. монастырь. въ Полт. Епарх. Вѣдом. 1868 г., № 18, 702.

[4]) См. мою «Снѣт. Ст.» 20, 22.

такъ что если-бы можно было сдѣлать заключеніе о происхожденіи жителей на основаніи одного наружнаго сходства, то Тишки съ окрестными хуторами, особенно Козубовкой, можно бы счесть снѣтинской колоніей, но только одинъ родъ Луцей завѣдомо снѣтинскій. Волосы и глаза тишковцевъ, за исключеніемъ: Жебелей, Маротченковъ, Фесенковъ и Бученковъ, свѣтлы; моды совершенно такія, какъ въ волчковской волости. Сюда берутъ изъ Литвяковъ искусныхъ портныхъ.

—

За тишковскимъ мостомъ на гористой террасѣ Удая видѣнъ особый хуторъ въ 30 хатъ—Заудай. Этотъ хуторъ связанъ съ Тишками въ административномъ отношеніи, а въ церковномъ съ сосѣднею Лукой, которую напоминаетъ. Заудай разбросанъ на пригоркахъ и у подошвы горы; хаты межъ деревомъ, подъѣзды къ нимъ круты. На самомъ высокомъ гребнѣ построенъ хлѣбный магазинъ; около него остатки большого вала. Отсюда взоръ тонетъ въ глубинѣ долины Удая, среди извилинъ и синѣющихъ рощъ. Время основанія хутора письменными данными и народными преданіями опредѣляется точно. Въ 1653 г. универсаломъ Богдана Хмельницкаго данъ монастырю млинокъ въ Тишкахъ; черезъ два года Мгарской монастырь купилъ здѣсь еще млинъ, а въ 1657 г. Богданъ Хмельницкій далъ новый универсалъ на три млина [1]). По показаніямъ-же старожиловъ: „Возли мосту булы монастырськы млыны. Одна клитка розвалена, а друга ще була тилько роспущена. Крыши не було и чотыри камени лежалы на берези".

Эти мельницы держались въ такомъ видѣ до половины сороковыхъ годовъ, и теперь еще видны пали въ зеленоватой тинѣ Удая. „Купылы ти млыны, говорятъ старожилы, монахы и прыслалы сюды дви симьи. Тоди було дви хаты. Изъ тихъ хатъ пишлы: Шевци, Шевченки, Боцы, Рекманы, Гаманы, Гречкы, Шпакы, тилько Бакалы пизниши. Воны прыкидкы,

[1]) Лазаревскій. Архив. отрывки Полт. епарх. Полтава, 1887 г., 67—72.

каренія (т. е. безмѣстные). Народъ въ Заудаѣ русявый, небольшого роста, довольно полный, не такъ красивъ, какъ въ Тишкахъ или Лукѣ.

Отъ Заудая до Луки терраса Удая покрыта рощами осинъ, тополей и садами; рѣка протекаетъ вдоль Луки узкой лентой по широкому поемному лугу, давшему названіе селу [1]), сливаясь съ Сулой ниже Луки подъ Бересточью. Лука выстроена въ одну линію. Съ улицы только и видны ряды высокихъ, темныхъ плетней изъ толстаго прочнаго хвороста съ остришками, досчатыхъ воротъ и тѣ изъ хатъ и надворныхъ построекъ, которыя разбросаны по подворью. Хаты, за немногими исключеніями, просторныя, свѣтлыя, но подъѣздъ къ нимъ по скату горы и узенькимъ проулкамъ затрудненъ. На улицу свѣшиваются вѣтки берестовъ, дубовъ, кленовъ; за плетнями зеленѣютъ сады, полные венгерскихъ сливъ (угорокъ), одичавшіе, похожіе на рощи. Посреди села на полгоры стоитъ церковь св. Николая; къ ней ведетъ деревянная лѣстница. По преданію церковь эта построена запорожцами, но когда—неизвѣстно. Она недавно поновлена, причемъ намѣстные образа стараго иконостаса помѣщены сбоку. Образа эти, также поновленные, красивы, но чисто земной красотой, и въ Богоматери совсѣмъ не выражена идея безмятежнаго материнства.

Надъ церковью на вершинѣ горы построены мельницы; здѣсь, какъ и въ другихъ селахъ, есть сторожевая могила, на которой „сторожа хылыла виху на село, якъ набигала лядщына“. Въ другой могилѣ въ урочищѣ Городыщи или Кладвыщи „годивъ двадцять тому назадъ тышкивській чоловикъ Шпыль найшовъ казанокъ серебра, на ёму сама голова напысана, и другый казанокъ миди—тамъ напысани кони“. Есть въ Лукѣ и своя криница съ цѣлительной водой, о которой разсказываютъ: „Вилъ бигъ, ступывъ, колы вода цвиркнула и потекла потокомъ. Люды зибралы, зробылы зрубъ; що году

---

[1]) Лука—поемный лугъ съ растительностью. (Гуровъ. Геолог. Опис. Полт. губ. 317).

святять на другый день Тройци. Молодыця дытыну обрикала. Поставыла свичу, поки молебень одправыла—дытына оздоровила". Криница эта, впрочемъ, совсѣмъ неизвѣстна за предѣлами села. Преданія объ основаніи послѣдняго затеряны, но старѣйшимъ родомъ общее мнѣніе признаетъ Баклановъ, поселившихся въ западной части села, къ Мгарю. „Бакланы зажылы Луку". Многіе участки лѣса и левады называются ихъ именами; у нихъ была и винница. Баклановъ было три брата. Они казенные, бывшіе монастырскіе крестьяне, какъ и большинство лучанъ: Трубокъ, Киричковъ, Сириковъ. Козачьи роды только Перепелицы, выходцы изъ хорольскаго уѣзда, и Фурсы—изъ с. Окопа, лохвицкаго уѣзда. Въ Лукѣ 150 дворовъ; въ ней въ періодъ съ 1814—1843 г. всего жителей среднимъ числомъ было 890, а къ концу XIX в. болѣе 1000. Большинство жителей свѣтлорусые, выше средняго роста, красивые; между женщинами встрѣчаются красавицы; моды волчковскія. Лучане поставлены въ тяжелыя экономическія условія: земля [1]) вся нарѣзана на горѣ надъ селомъ, она грубопесчаная съ кварцевыми зернами [2]) (глей, жорства). Поля перерѣзаны ярами. Дача маленькая, всего 800 дес. Степи у Ромодана, какъ у другихъ казенныхъ крестьянъ лубенскаго у., у лучанъ нѣтъ. Въ добавокъ, поля въ двухъ только смѣнахъ, изъ которыхъ одна идетъ поочередно подъ хлѣбъ, другая въ толоку, такъ что третью руку приходится нанимать, выгоновъ почти нѣтъ [3]). Единственное достояніе жителей—сады; они могли-бы служить большимъ подспорьемъ народному хозяйству, еслибы велись раціонально. Правда, лучане торгуютъ еще лѣсомъ, но не всегда удачно.

---

[1]) Цѣна земли въ XIX в. по разсмотрѣннымъ документамъ была такая: 3 дня оранки продано Андрею Перепелову за 60 руб., въ 1804 г. Въ 1818 г. 2 дня оранки ему-же Кравченкомъ продано за 50 руб. 18 Апрѣля, 1829 г., козакъ Тарасъ Перепеловъ продалъ Петру Перепелову 4 упруги за 30 руб. «за согласіемъ жены, дѣтей и всѣхъ родственниковъ близкихъ и далекихъ съ устраненіемъ всѣхъ родныхъ» и безъ права выкупа.

[2]) Мат. къ оцѣнкѣ земель Полт. губ. Вып. II, Луб. у., 32—34.

[3]) Сборн. хоз. стат. Полт. губ. II, Луб. у. 228.

За Лукой сады и рощи незамѣтно переходятъ въ молодой, свѣжій лѣсъ, которымъ покрыты горы. Различныя лѣсныя породы тѣснятся здѣсь въ борьбѣ за существованіе. Между коричневыми и сѣрыми стволами дуба, липы, клена, береста, граба виднѣются изрѣдка блѣдныя, зеленоватыя осины. У самой дороги огромные вѣковые дубы вросли въ ровъ. Дорога вьется лѣсомъ, съуживаясь. Иногда вѣтви сплетаются надъ головой, и проѣздъ даже верхомъ затруднителенъ. Приходится раздвигать руками вѣтки, и лошадь пугливо поводитъ ушами. Мѣстами лѣсъ рѣже, сквозь широкіе листья видны солнечныя пятна, чернѣютъ пни. Какъ незамѣтно Лука прячется за лѣсомъ, такъ-же незамѣтно выплываетъ изъ него Мгарь, во всѣмъ напоминающій первую. Та-же узкая главная улица, тѣ-же одичавшіе сады, сбѣгающіе къ болотистой поймѣ Сулы и уходящіе съ другой стороны улицы подъ гору. Въ садахъ тѣ-же угорки, только по словамъ Мгарцевъ болѣе сладкія, [1]) тѣ-же узкіе, извилистые проулки,

---

[1]) Сады въ Мгари и сосѣдней Лукѣ расположены на южномъ склонѣ сульской террасы. Они дѣлятся на участки, мѣрой $^1/_4$—1 $^1/_2$ десятины и полны яблокъ, грушъ и сливъ. Славу этихъ садовъ составляютъ угорки, темныя, продолговатыя и сладкія сливы, годныя для наливокъ, сушки и соленія. О нихъ говорятъ всѣ описатели Полт. губ. Короновскій замѣчаетъ, что угорки въ луб. у. посажены по приказанію Петра В., не указывая, откуда почерпнуто имъ это свѣдѣніе. (Статист. Опис. Луб. у. въ Полт. Губ. Вѣд. 1800 г., № 54, 2). По мѣстнымъ преданіямъ, всѣ сады завелись изъ монастырскаго сада, бывшаго въ концѣ Мгаря къ Лукѣ. При продажѣ угорокъ лучанскимъ козакомъ Степаномъ Киричкомъ владѣльцу Качановки въ 40-хъ годахъ оказалось, что лубенскія сливы одинаковы съ привезенными тогда-же изъ с. Потокъ, кіев. губ., сливами. Мѣстные сады не улучшаются, напротивъ еще отчасти корчуются для очищенія мѣстъ подъ постройки вслѣдствіе увеличенія населенія; въ послѣднее время сады въ Мгари стали высыхать и слабѣть. Жители, смотря по обстоятельствамъ, или закупаютъ сады на сторонѣ, или запродаютъ свои сады сами, или продаютъ свой урожай. Цѣна садовъ: 25—50 рублей. Выше 100 руб. „закупокъ“ (арендъ) не бываетъ. Лучше всего мгарскія угорки, лу-

взбѣгающіе какъ змѣйки на горы. По срединѣ горы стоитъ церковца, затемненная деревьями, на кругломъ, крутомъ возвышеніи. Время основанія ея неизвѣстно [1]). По мѣстнымъ разсказамъ, церковь прежде крыта была шелевками (драницами), на которыхъ нарось мохъ почти въ четверть. „Церква почесть бокомъ стояла". Помостъ былъ кирпичный. При обновленіи церкви стерты всѣ остатки старины. Изъ стараго иконостаса останавливаетъ на себѣ вниманіе икона Богоматери на холстѣ, изображенной юной дѣвой съ продолговатымъ носомъ, довольно полными щеками и яснымы, полнымы благоволенія глазами, мѣстнаго типа и очевидно мѣстной кисти. Вокругъ церкви тѣснятся въ прихотливомъ безпорядкѣ: хаты, повитки, клуни. Плетни не такъ высоки, постройки меньше и хуже лучанскихъ, да и вообще Мгарь выглядываетъ менѣе нарядно, чѣмъ Лука. Послѣднія хатки почти доходятъ до подошвы холма, на которомъ стоитъ Спасопреображенскій монастырь. Со стороны монастыря виднѣются яры: Жыдивня Мала и Велыка, въ которыхъ будто-бы жили евреи.

чанскія больше, но кислѣе. Мгарь—страна сливъ, и мгарцевъ даже дразнятъ венгерцами, поэтому продавцы другихъ селъ: Хеленцовъ, Тарандинецъ берутъ свидѣтельство мгарскаго сельскаго старосты и проводятъ подъ мгарскимъ флагомъ и свои сливы. Мѣста сбыта: Пирятинъ, Прилука, Золотоноша и Кременчугъ; прежде и черниговская губ. (Аренд. Зап. II, 345). Отдѣльная слива даетъ 15 ф.—4 пуд. урожая, до 7,8 ведеръ; ведро стоитъ на мѣстѣ 15—50 коп., при неурожаѣ 80—1 руб. Въ Кременчугѣ—80 к.—1 р. 20 к. и 1 р. 40 к. Въ 50-хъ годахъ цѣны: 15—40 к. ведро (Коронов. № 54, 2). Дички сливъ для посадки: 1—3 коп.

[1]) Въ спискѣ густынской лѣтописи, любезно сообщенной о. В. Р. Романовымъ, заключается свѣдѣніе, что игуменъ Исаія Копинскій находясь въ 1627 г. въ Густыни, наблюдалъ оттуда за постройкой: лубенской церкви Св. Троицы, мгарскимъ монастыремъ и «на Мгару на веси у саду покой и церковь Св. Арх. Михаила и Гавріила», но такъ какъ мгарская церковь крестовоздвиженская, то, вѣроятно, приводимое мѣсто лѣтописи относится не къ ней, а къ одной изъ монастырскихъ церквей.

По народному разсказу, здѣсь въ колодцѣ закопаны бочонки съ золотомъ и серебромъ, забитымъ шерстью. Въ этомъ мѣстѣ сверлили землю, но ничего не нашли. Находка сдѣлана была на мгарскомъ полѣ, какъ свидѣтельствуетъ слѣдующій разсказъ: „Зобрався мужыкъ Шокалъ орать на жыто и нанявъ соби погонычивъ двохъ хлопцивъ. Литъ пивтораста якъ се було, бо щейе поколиння Шокала. Оравъ винъ до самихъ обидъ, выпригъ волы пасты. Напась волы, запригъ, опять орать зачавъ, напоившы. Обійшовъ чотыри раза ныву, пьять разъ зачепывся плугъ, восимъ воливъ не потяглы. Винъ туды, волы сталы. Нащупавъ прутъ зализный утовшкы якъ палець. По тому пруту дойшовъ—колы винця (въ казани).—„Выпрягайте, каже, хлопци волы, гонить нидъ Малюжыну и возьмить соби по куску хлиба". Погналы волы хлопци пасты. Винъ заходывся, огрибъ землю, тоди плугъ кынувсь выймать,—не выйме. Ставъ колишню назадъ источывъ, тоди взявъ тяжъ искынувъ изъ градиля, заходывся за градиль ворочать. Ставъ плугъ ворушыться. Шокалъ узявъ за чепиги, назадъ потягъ, вытягъ. Узявъ плугъ вывернувъ на неорану землю; давай землю одгрибать коло казана того. Одгрибъ, колы той казанъ закрытъ зализною крышкою и въ тій крышци ручка. То винъ двыгавъ, двыгавъ, неподвыгне, заиржавыла кругомъ казана. Давай винъ объ крышку быть обухомъ, сокырою; тоди узявъ за крышку, изорьвавъ, пиднявъ у гору, роскрывъ. Колы тамычка той казанъ насыпанъ повенъ золота, червонцивъ самихъ. Тоди винъ узявъ прыбирать ихъ на визъ. Пудивъ шисть, може й бильшъ того. Тоди поставывъ виху: дрючокъ на визъ и наложывъ шапку, щобъ гналы волы сюды. А погонычи чужи, такъ винъ одъ ихъ ховавсь, щобъ не взналы. То винъ, покы прыгналы, потерявъ плугъ, щобъ не можна орать. Прыгналы волы хлопци.—„Запрягайте тры пари у плугъ, а четверту у визъ; буду дома плугъ лагодыть, бо тутъ ничимъ". Прыйихалы до-дому.—„Выпрягайте, хлопци, волы та гонить пасты и пасить вже до вечора, а я буду плугъ лагодыть,—каже Шокалъ. А винъ заходывсь уже ти червонци у коморю носыть. Тоди чы довго-коротко роздумавсь соби: оце Господь давъ мени щастя, чимъ-же я Бо-

гови теперъ услужу?—Исправлю я въ манастырь рызы.—Убувся у ностолы, волокамы пообмотувавъ до самихъ колинъ и надивъ на себе юпку, латка на латци. Набравъ тихъ червонцивъ кошыкъ и понисъ у монастырь до гумена.—Здрастуйте, батюшка!—Взявъ благословенія.—А чого ты, Божый старче прыйшовъ? Шо ты мени скажешъ?—Ось шо я вамъ, батюшка, скажу. Я хочу вамъ у монастырь таки рызы справыть, шобъ нигде не було такихъ рызъ.—Яки-жъ ты хочешъ рызы справыть?—Золоти, щобъ саме золото.—Эге, старче, не можна такыхъ рызъ справыть.—Чому, батюшка?—Дуже дорого стоять, нема сумы. А Шокаль кошыкъ держыть пидъ плечемъ.—Ось де, батюшка, я прынисъ; чы можна за си гроши справыть?—То батюшка и рукы опустывъ, якъ глянувъ.—Старче Божый, говорыть, мало сихъ, а якъ бы до сихъ ще прыбавыть, то було бъ за що справыть таки рызы.—Скилько-жъ, батюшка, прыбавыть?—Скилько можна. Дывытся гуменъ, що неперелывкы.—Я, каже, могу ище прыбавыть.—Пишовъ до-дому, прынисъ ище пивковшыка, пытае: а шо, батюшка, отсихъ уже буде?—Отсихъ буде вже.—Тоди гуменъ пославъ свого калейного: пійды ты, брате, скажы жыво: хай до мене сходятся старыкы. Зойшлысь.—Братія, говорыть, отъ Божій старець прынисъ намъ золота, щобъ отаки то рызы справыть. Дывиться, чы можно справыть за се золото? То братія сказала, що предовольно буде справыть таки рызы. Монахы сталы хвалыться купцямъ, то пишла пословыця, шо зъ Мгари прыносывъ якыйсь чоловикъ кошыкомъ золото. И взналы купци и господа. Пишла скризь слава и, говорять, дойшло ажъ до царя, шо въ Полтавскій губерніи, у Лубняхъ городи кошыкамы золото носять мужыкы. То царь заславъ газеты скризь и по чужихъ земляхъ. То то, шо булы часто войны, такъ чужи земли хотилы добыться у Лубни-городъ, шо то воно за Лубни-городъ, шо золото кошыкамы мужыкы носять? Такъ имъ Богъ не помигъ добыться сюды".

Въ срединѣ села помѣщается Сича,—круглые склоны горы между двумя ярами съ насыпью, такъ называемой Шылымовою горою. Отъ бывшаго здѣсь нѣкогда сада остались деревья бѣ-

лыхъ и черныхъ черешенъ. Другой садъ былъ на Виноградѣ—ровной возвышенности надъ селомъ, теперь занятой мельницами. На Виноградѣ видны остатки жилья, старый, крѣпкій большой кирпичъ, вѣроятно изъ той стѣны, въ которую закладывались скарбы лубенцевъ [1]). Здѣсь однажды крестьянинъ Костырь выкопалъ саблю и копье. Въ срединѣ села кутокъ Польша, жители котораго назывались польщане, впослѣдствіи переименованный народнымъ остроумiемъ въ Рашевку! [2]) Ближе къ Лукѣ урочище Денисовка, владѣніе Дениса Панченка, о которой разсказываютъ: „Жинка йшла зъ поля и зійшла на могылу подывыться телятъ, и дывыться—лежыть шнурокъ красный, и взяла вона той шнурокъ и вытягла аршына тры и каже: „що воно за чортъ тягнется?“ „Такъ воно перервалось и брязнуло, всподъ загуло“. На Сулѣ показываютъ слѣдующія мѣста: Козачку—„тамъ колысь козакъ купавъ коня и втонувъ“, Рубань,—колысь шисть дивокъ йихалы зъ Мгаря у Пискы, забывши олію, и потопылысь“. На Сули „булы и монастырськи млыны, стоять и доси пали, а каминня и зализа лежалы на огороди. Годивъ трыдцять, якъ казна ихъ продала,“—говорятъ старожилы.

Названіе села, вѣроятно, происходитъ отъ ручья Мгарець, прежде Мгарь. [3]) Здѣсь были пасѣки и хуторокъ еще до построенія монастыря; послѣдній отданъ Вишневецкими Исаіи Копинскому въ самый годъ основанія монастыря—1624-й, а въ 1628 г. мѣщанинъ Деревянченко продалъ ему же свой садъ на „Siele Mharu“. [4]) Вѣроятно, эти первоначальные жители удали-

---

[1]) Костомаровъ. Гетм. Выгов. Основа 1861 г. VII и VIII, 26. Кулишъ. Выговщ. Основа. XI и XII. Величко. Лѣтоп. 1, 329. Густын. Лѣтоп. рукопись. Яновскій. Полтавск. Епарх. Вѣдом. 1886 г., № 18, 672.

[2]) По слѣдующему поводу: «Якъ пшовъ щетынныкъ зъ Рашивки, то взявъ обидравъ чорного кота, писля того той кутокъ звуть Рашивка».—Рашевцевъ зовутъ котолупы. (Потебня. Объясн. малорус. и сродн. пѣсенъ., 243).

[3]) Rzeczka Mhar.

[4]) Лубенщ. и Вишневец. Лазаревскій Кіев. Стар. 1896, I, 210. Лазаревскій. Лубенщина въ XVII и XVIII в., 57.

лись изъ Мгаря, не желая оставаться подъ властью монастыря, такъ какъ, по мѣстнымъ народнымъ воспоминаніямъ, предки настоящихъ мгарцевъ переселены изъ Густыни; по густынской же лѣтописи изъ Густыни даны въ Мгарь плугъ воловъ, 150 овецъ, скирда пшеницы и рабочіе. [1]) Село началось отъ Луки, гдѣ мѣстность лучше для садовъ, и заключалось при монастырѣ всего лишь въ 7 дворахъ; да и теперь оно не велико, всего 800 съ небольшимъ душъ казенныхъ, бывшихъ монастырскихъ, крестьянъ: Кульчіивъ, Третякивъ, Мандрыкъ, Шабративъ, Мазуривъ, Кочергъ, Кучеренкивъ, Панченкивъ, Гриней и др. Монастырь переводилъ лучшихъ мастеровыхъ изъ другихъ селъ поближе; такъ переведены Майстренки, по уличному Подоплички. Послѣднее прозвище объясняется слѣдующимъ случаемъ: „Зибравъ війтъ людей строить мельныци, и дерева приготовылы. И війтъ сказавъ: „я визьму видро водкы и заходьтесь работать". Ось Майстренко пишовъ у трахтырь, каже: „усыпъ видро водкы". Трахтырщыкъ пыта: „гроши е?"—„Війтъ прыйде оддасть."—„Не всыплю безъ грошей". Винъ напавсь „усыпъ".—Не всыплю.—„Ну, каже Майстренко, пидожды я тебе пидоплечу". Узявъ винъ та Удай справывъ на хату шынкаря. Вода затоплюе хату, шынкарь крычыть: „ратуйте хто въ Бога вируе!"—„А що, каже Майстренко, не всыпавъ?" Шынкарь каже: „идить, я пятеро видеръ усыплю". Тоди Майстренко одвернувъ. Такъ черезъ то якъ пишовъ—Пидопличка тай Пидопличка; и мала дытына скаже".

Мгарцы ниже лучанъ, менѣе красивы. Въ обоихъ селахъ попадаются иногда голубые глаза при темныхъ волосахъ, но опредѣленнаго типа мгарцевъ нѣтъ. Всё здѣсь разнообразно: лица, цвѣтъ волосъ, сложеніе—даже въ одномъ и томъ же семействѣ. Нравы видимо вольнѣе: чувствуется близость города. Въ устахъ народа появляются разсказы, напоминающіе содержаніемъ французскія фабло XIII в. и нѣкоторыя новеллы Декамерона.

---

[1]) Истор. статистич. очеркъ Луб. Мгарск. Монастыря. Полтава 1855 г., 5.—

Самая рѣчь еще южная, прелестная у женщинъ, у мужчинъ уже измѣнена и характерное малорусско *и* часто переходитъ въ *о*.

Глава II-я.

Лубенскій мгарской преображенскій монастырь и часть его бывшихъ владѣній.

Дорога богомольцевъ. С. Пѣски, засульской волости—предверіе монастыря. Монастырь, мѣстоположеніе, мѣстныя святыни; легенды о св. Аѳанасіѣ, константинопольскомъ патріархѣ, Историческій очеркъ монастыря, поземельныя владѣнія. Разсказы объ освобожденіи монастырскихъ крестьянъ. С. Вильшанка, лубенской волости.

Богомольцы, такъ называемые *кіяне* или *доны*, входятъ въ лубенскій уѣздъ двумя торными дорогами, „шляхами“: „Комышаномъ изъ м. Комышной, миргородскаго у., и историческимъ „Ромоданомъ“. Большинство кіянъ сворачиваетъ въ сторону отъ большой дороги и направляется на большія слободы: Литвяки и Волчекъ, описанныя въ моей „Снѣтинской старинѣ“. Широкая дорога за Волчкомъ пестрѣетъ уже съ утра разноцвѣтными толпами народа, въ высокихъ шляпахъ, голубыхъ и розовыхъ рубашкахъ, лаптяхъ, женщинъ изъ глубины Россіи въ красныхъ платкахъ и бѣлыхъ свиткахъ, также малороссіянъ Воронежской, Полтавской, Харьковской губерній. По краямъ дороги виднѣется равнина, похожая на скатерть, вышитую разноцвѣтными шелками. Темная зелень конопли отдѣляется отъ блѣдножелтыхъ поспѣвающихъ хлѣбовъ. Дальше бѣлѣетъ и дымится въ утреннемъ туманѣ поле гречки, какъ пролитое молоко; потомъ огромное поле ярко-желтой, мѣстами краснѣющей, озимой пшеницы. Вправо отъ дороги, вдали постепенно развертываются возвышенности праваго берега Сулы: блѣдные, желтоватые обрывы надъ Лукой, лучанскія мельницы и церковь на горѣ, и синіе

участки лѣса, Мгарь въ ущельяхъ также съ мельницами на горѣ, и бѣлыя монастырскія зданія, отчетливо выдѣляющіяся въ лиловомъ освѣщеніи утра. Ближе къ дорогѣ Бересточь, вся въ рощахъ, съ высокими итальянскими тополями, окружающими панскую усадьбу. У пригорка подъ мельницами лежатъ два, три бересточца и приглашаютъ прохожихъ на свой перевозъ, но большинство послѣднихъ тянется дальше. Вскорѣ черноземная супесь и солонцы смѣняются широкой песчаной полосой съ дюнными образованіями, опускающейся круглыми холмами въ сульскую пойму. На этой полосѣ и на горбахъ расположилось бывшее монастырское село Пѣски. Оно состоитъ изъ безпорядочной массы крестьянскихъ построекъ и извилистыхъ, узкихъ, грязныхъ улицъ. Старое село было за рѣкой въ урочищѣ Гала, о которомъ мѣстные старожилы разсказываютъ: „Возли бытои дорогы Комышана у робленыхъ могылахъ козакъ стоявъ изъ вихою, и люды, що жнуть на поли, поглядають на ти могылы. Якъ тилькы побачылы, шо козакъ хылыть виху на слободу, тикають у село и переправляются черезъ ричку Гало на левады и остривъ. Та йе огородци и черипья, глына, выдно, що було жылье. Задній переходыть ричку и прыймаеть доскы. Непріятель прыбигъ до ричкы; въ долони плещуть, крычять; гала, гала [1]) А не перебредуть, боятся воды, степни люды. Якъ нашихъ людей розмножылось, такъ наши собралысь и хотилы прогнать тихъ розбійныкивъ—ляхивъ. Прыйшлы, а ляхы у карты граютъ и одынъ спытавъ: „чого вы прыйшлы, гулять?—Гулять.—Ну, гуляйте-жъ, каже". Воны простоялы цилый день до самого вечора, а въ вечери, якъ ляхамъ остыло граючы въ карты, сказалы: „а що нагулялысь? ну, идить теперъ до-дому". Ти розбійныкы подалысь дали, забралы усе свое. Тилько, стари люде розсказуютъ, шо свичка горыть проты великодня, проты Яновського хутора. Булы таки, що доходылы, такъ свичка погасне. Одійдуть одъ могылы —опьять загорытся. И потимъ стало набыраться ще бильшъ людей и помищенія за Галомъ нема, и сталы люды селыться по сей

[1]) Вѣроятно, воспоминаніе о крикѣ татаръ: алла!

бикъ рики на Хохули, сталы размножаться—и названіе Пискы, шо багато писку. [1]) Итакъ хуторокъ на Хохули былъ началомъ лѣвобережныхъ Пѣсокъ. Еще недавно на немъ оставалась послѣдняя хатка крестьянина Ясенового, но и онъ, гонимый пескомъ, переселился на Новоселовку, главную часть села, гдѣ надъ оврагомъ стоитъ маленькая, узкая успенская церковь съ ветхимъ иконостасомъ, но прочной постройки. „Церковъ дубова, та сама, шо й преже, старозавитна. Дубына крипка, пласты шыроки, побили нема. Теперъ такои дубыны нема". Центръ села такъ и называется Средня. Вокругъ села размѣстились урочища: Гребля, гдѣ нѣкогда были монастырскія водяныя мельницы, Торговица, общественное болото, и Крынка (криница). О ней разсказываютъ: „Возли крынки трахтыръ бувъ и жывъ череватый жыдъ, ризавъ людей, складавъ у лѣхъ и ляда була. Наймычка вызнала, и усихъ тихъ розбійныкивъ забралы у Сыбирь". Пѣски встрѣчаются уже на картѣ Боплана первой половины XVII в., но и теперь еще они не очень значительное село, всего 1300 съ небольшимъ жителей, а въ 30-хъ годахъ, съ какого времени только и сохранились исповѣдныя росписи, число жителей не превышаетъ 900. Большинство жителей казенные крестьяне, бывшіе монастырскіе; козаковъ меньше: 30 дворовъ изъ 230. Потомковъ старыхъ козачьихъ родовъ: Толоченковъ, Момотенковъ, нѣкогда продавшихъ свои левады монастырю, теперь не встрѣчается; первенствующіе козачьи роды въ настоящее время: Скибы, Грушкы, Горбы, Поповичи, а крестьянскіе: Коки, Грубы, Павлыки, Ковали, Савченки, Кисели и Христичи. Ростъ пищанъ до 7 вершковъ, сложеніе крѣпкое и хорошее; волосы русые и темнорусые, глаза свѣтлые. Несмотря на близость города, на пищанахъ незамѣтно городского отпечатка: тѣ-же люди, тѣ-же запаски и плахты, что и въ волчковской волости; нѣсколько различенъ только женскій головной уборъ: очипки круглые, повязки дѣвушекъ слегка сжаты у боковъ, „перижечкомъ", на городской манеръ. Въ Пѣскахъ хорошо

[1]) Отъ Ив. Рябича.

сохранились старинные сказки, пѣсни и обряды. На Рождество, напримѣръ, здѣсь отдѣльные кружки молодежи соединяются въ просторной хатѣ" на „грыща" и подъ Новый годъ разыгриваютъ святочный фарсъ Меланку, изображающій ухаживанье стараго волокиты за молодицей; а въ сезонъ свадьбъ въ узкихъ уличкахъ села по субботамъ встрѣчаешь невѣсту съ веселой свитой дивчатъ, кричащихъ свадебныя пѣсни, при чемъ какая-нибудь молоденькая рѣзвушка вдругъ начнетъ прыгать, какъ козлёнокъ. Въ понедѣльникъ счастливую молодую сопровождаетъ по селу красное знамя. Перезовъ пышный, и разодѣтыя пищанки танцуютъ съ упоеніемъ! [1]) Пищане пользуются извѣстнымъ благосостояніемъ; къ нимъ особенно примѣнимо замѣчаніе мѣстныхъ статистиковъ, что у казенныхъ крестьянъ лубенскаго у. преобладаетъ среднесостоятельная группа, а у козаковъ крайнія. [2])

Въ Пѣскахъ главный перевозъ, но до него богомолецъ долженъ еще долго тонуть въ глубокихъ пескахъ, переходить по гатямъ или соединеннымъ лодкамъ грязные протоки и ручьи, переправиться чрезъ Сулу, и только тогда по пѣшеходной тропѣ чрезъ крутую гору достичь цѣли паломничества. Прежде, впрочемъ, богомолецъ не претерпѣвалъ столькихъ мытарствъ, такъ какъ въ половодье паломниковъ подвозили прежде на лодкѣ къ самой подошвѣ монастырскаго холма, теперь же воды Сулы уменьшились, особенно послѣ уничтоженія мельничныхъ запрудъ за Лубнами. Но и людская волна стала теперь меньше приливать къ мгарскому монастырю, отвлеченная частью во вновь открытый козельщанскій монастырь, куда подъѣзжаютъ по желѣзной дорогѣ. Даже въ великій весенній лубенскій праздникъ, 2 мая, день св. Аѳанасія, число паломниковъ уже не достигаетъ теперь 1000, какъ нѣкогда [3]). Предъ монастыремъ, между большой каменной гостинницей и оградой, на площадкѣ помѣщаются экипажи и возы пріѣзжихъ; на ней же, въ оградѣ и въ самомъ

[1]) См. мои Нар. обряды и пѣсни Луб. у., 61 и 124.

[2]) Сб. Хоз. Ст. Полт. Губ. IV., 50 и 56.

[3]) Истор.-стат. очеркъ. Луб. Мон. Одесс. 1894 г., 32.

храмѣ толпятся богомольцы. Розовыя кофточки и цвѣтные платки мѣщанокъ, темные корсеты и платки крестьянокъ, яркія ленты дивчатъ смѣшиваются съ рѣзкими загорѣлыми чертами, бѣлыми свитами, цвѣтными рубашками великороссіянъ. Входъ въ храмъ ведетъ по длинному помосту чрезъ высокую въ четыре яруса колокольню, чуть замѣтно наклоненную, похожую на почаевскую—на рисункѣ Шевченка. Она заложена въ 1837, а окончена въ 1844 г. [1]), такъ что старожилы помнятъ еще эту постройку. „Пры насъ ще звоны булы на сохахъ,—разсказывалъ пищанинъ Иванъ Рябичъ,—а колокольня симъ литъ строилась. Ще люды возылы цеглу зъ монастырскои цегельни. Колоколъ стягалы два дни, винъ не хотивъ иты, потимъ упросылы и винъ тронувсь". Наклонъ же колокольни—по замѣчанію [2]) строителя Е. И. Червинскаго, случился оттого, что архимандритъ приказалъ забросать кирпичемъ цилиндрическія пустоты въ основаніи колокольни, и такъ какъ эти пустыя мѣста засыпаны неравномѣрно, то получилась неправильная осадка.

Преображенскій храмъ—обширное зданіе съ толстыми каменными стѣнами, снаружи бѣлыми, внутри—розовыми. Когда сквозь большія подковообразныя окна въ монастырь льются солнечные лучи, то стѣны покрываются теплыми, огненными тонами. Арки храма массивны, и стѣны покрыты бѣлымъ лѣпнымъ орнаментомъ; пилястры въ видѣ колоннъ съ іоническими завитками. Иконостасъ зеленый съ золотомъ. Влѣво отъ входа большой образъ Св. Николая, архіепископа мирликійскаго, полученный изъ с. Лазирокъ, благословляющій, съ потемнѣвшимъ ликомъ. Лѣвѣе въ стѣнѣ задѣланъ гробъ кіевскаго митрополита Іосифа Нелюбовичъ-Тукальскаго, о которомъ Янъ Собѣскій говорилъ: „гетьманъ и цила Украина жиють ёго духомъ" [3]), и о кончинѣ котораго эпитафія (nagrobek), сочиненная Лазаремъ Баранови-

---

[1]) Ib. 16.

[2]) Любезно сообщенному В. В. Г—вичемъ.

[3]) О. Целевичъ, въ Зап. Наук. Товар. имени Шевченка 1898 г., в. V, 15.

чемъ, выражается такъ: W cierniach rostące smierć urwala różę. [1]) Его останки перенесены сюда во вторую чигиринскую войну въ 1678 г. [1]) Противъ гроба на стѣнѣ портретъ іерарха въ золоченой рамѣ. О Тукальскомъ народъ замѣчаетъ: „Намисныкъ и теперъ йе замурованый у стини. Оконка ёго вышла зъ стины. Посылалы двичи, щобъ ёго одмуровать, такъ все ни́колы". Далѣе въ глубь храма, подъ зеленымъ куполомъ или навѣсомъ, поддержаннымъ золочеными коринѳскими колонками, серебряный гробъ святителя Аѳанасія, царьградскаго патріарха, и его мощи. Знатнаго происхожденія, блестяще образованный, философъ, ораторъ и поэтъ, св. Аѳанасій посвятилъ свои таланты церкви, и вначалѣ митрополитъ солунскій, былъ потомъ трижды возводимъ на патріаршій престолъ, затѣмъ проѣздомъ въ Москву видѣлся, какъ извѣстно, съ Богданомъ Хмельницкимъ, а на обратномъ пути скончался въ мгарской обители 6 апрѣля 1654 г. Черезъ десять лѣтъ обрѣтены его мощи. [3]) О святителѣ Аѳанасіи встрѣчаются слѣдующіе мѣстные разсказы, частью приближающіеся къ приведенной біографіи. „Святый Аѳанасій бувъ у Рыми, у монастыри Костянтынополи, священыкомъ. Непріятели розбывалы монастырь. Такъ винъ пысавъ до царя и йиздывъ, щобъ пидпомогы дававъ, жалованія. Такъ винъ роздававъ свое все жалованія на братію и нышихъ. И то бъ-то винъ якъ одъ царя йихавъ, то заболивъ и остановывсь и Богу молывсь у лиси. За престоломъ винъ и духъ спустывъ, черезъ то винъ сыдячый.—Св. Аѳанасій ишовъ Сулою зъ Констянтынополя, впросывся на ничъ до бидного чоловика. Той чоловикъ сказавъ: „у мене ничого йисты, а онъ де жыве багатый." Такъ св. Аѳанасій до багатого не схотивъ; переночувавъ у бидного, сказавъ: „изъ

---

[1]) Лѣтопись Велички II., 348.

[2]) Ib., 461, Лазаревскій. Огр. мгарск. лѣтоп. Кіевъ, 1889 г., 63.

[3]) Житіе св. Аѳанасія, XII изд. Лубны 1896 г., 4, 24, 33, 35, 37. Истор. статист. очеркъ Луб. мон. Одесса. 1894 г., 24, 31, 32. Яновскій. Общеж. Лубенск. мон. въ Полтавск. Епарх. Вѣд. 1886 г., XVIII, 674.

вашого села нихто не буде на Сыбири"—и пишовъ. Святый Аѳанасій йиздывъ до мылостывого царя изъ Аѳона на одынъ монастырь сосуды, на другый иконы, а на третій гроши просыть. Зъ святыхъ горъ зайихавъ у Жданы [1]) до Савыцькои и кушавъ рыбу, а якъ выйшовъ на Лубни, то обома рукамы благословывъ, щобъ хлибъ родывъ. А потимъ прыйихавъ у Лубни. И манастырь бувъ маленькій; понаравылось ёму буть у монастыри, такъ винъ на могылку ходывъ Богу молыться. Колясочкою винъ йихавъ, вона зосталась гуменови. Іи вже нема.—Кажуть, ходывъ якыйсь старыкъ и пытавсь манашкы: „де мени систы?" То манашка сказала: „сядьте, старыкъ, отамъ пидъ дубомъ одпочыньте". То на другый день усталы, колы могыла роздвоилась и выйшовъ гробъ и св. Аѳанасій у тому гроби. Св. Аѳанасій нагый бувъ, старцемъ дило ходывъ, а потимъ умеръ. Та якъ прысвятывся, то выйшла труна на могыли. Сыдячый и прысвятывся. Де колиньмы стававъ, тамъ ямкы; де рукамы, и тамъ ямкы, и знать де поклинъ ударывъ, а потимъ выйшовъ та на ногы ставъ, пидъ дубомъ спочывавъ. Изъ-пидъ дуба узялы у Божый храмъ, такъ сыдячого и посадылы у кіотку за скломъ и клубукъ золотый наложылы, а ставъ винъ мылувать усякыхъ.—За святого Аѳанасія такъ сказано. Два святыхъ прыйшло морямы, водамы. Сей остався тутъ у Мгари, а Макарій подавсь у Переяславъ. Тамъ мисто собы обибравъ. Аѳанасій Богу молывся на могыли, и ёго узялы у церковъ и хотилы, щобъ винъ бувъ у олтари, такъ винъ не пожелавъ и выходывъ на середъ церквы, тутъ и сяде. Такъ ёму и зроблено.—Св. Аѳанасій по-пидъ землею прыйшовъ, остановывсь у Почаеви. Мисто ёму не понравылось, и винъ ходà сюды. Спочывавъ на камени, потимъ мижъ древо.—Святый Аѳанасій выйшовъ изъ земли изъ гробомъ у садовій церкви.—Тамъ лисъ, чотыри дуба стоить, и тамъ винъ выйшовъ пидъ дубомъ гробомъ. Упередъ гробъ выйшовъ. На гроби була подпысь: св. Аѳанасій. И якъ сталы молебствовать, то винъ самъ увійшовъ у церкву. Прыйшовъ ночю, нихто не бачывъ, побачылы утромъ,

[1]) Село лохвицкаго уѣзда.

що винъ сыдыть. Такъ винъ хотивъ вернуться зъ своею трункою. Уже стоявъ коло царскихъ вратъ. Сталы молебствовать; и винъ остався. Винъ мылостывый, мылуе одъ болизни.—Якъ занявсь монастырь, такъ святый Аѳанасій выйшовъ. [1])

Обрѣтеніе мощей святѣйшаго патріарха придало необыкновенный блескъ мгарскому монастырю. Съ этого времени начинается приливъ богомольцевъ и даровъ; гетманы также обратили вниманіе на обитель. Самойловичъ положилъ основаніе каменному храму св. Преображенія, взамѣнъ старой церкви Исаіи Копинскаго. На закладинахъ 23 апрѣля 1684 г. присутствовали гетманичи Семенъ и Яковъ, полковникъ лубенскій Максимъ Ильяшенко, судья Мотяшъ Попкевичъ, Андрей Гамалѣя, Иванъ Кулябка, протопопъ Яковъ Орѣховскій. Достроилъ церковь Мазепа въ 1694 г., но верхъ ея рушился, и въ настоящемъ видѣ она возстановлена при Императрицѣ Елисаветѣ лубенскимъ архимандритомъ, впослѣдствіи епископомъ бѣлгородскимъ Іосафомъ Горленкомъ, съ помощью принца Людвига Гесенъ-Гомбурскаго [2]).

За церковью растутъ старыя груши и волоскіе орѣхи, а вдоль ограды расположена узкая площадка, съ которой открывается далекій видъ на долину Сулы, синѣющей подъ горою. Сула вьется здѣсь по широкому лугу, усѣянному желтыми цвѣтами, точно звѣздами, въ открытыхъ берегахъ, лишь иногда исчезая за купами вербъ, осокорей и серебристыхъ тополей. За лугомъ, голубоватыя засульскія и матяшовскія степи сливаются

---

[1]) Приведенные народные разсказы записаны отъ З. Бойка и старухъ: Прихидькиной, Косенковой, Макухиной, Куприевой.

[2]) Рукописная густын. лѣтопись; отр. мгар. лѣт., 7, и Истор. стат. очеркъ луб. мгар. преобр. монастыря. 15. Въ послѣднемъ сочиненіи перечислены важнѣйшіе предметы и принадлежности обители: икона лубенской Божіей Матери въ драгоцѣнной ризѣ, греческой кисти; портреты св. Аѳанасія и др. іерарховъ, богослужебныя вещи, нѣсколько евангелій первой половины XVII в., одно изъ которыхъ подарено митрополитомъ Петромъ Могилой, Speculum Saxonum 1610 roku. (Стр. 15, 18—21.)

съ горизонтомъ. Площадка ведетъ въ лѣсъ, у подошвы холма берестовый, выше дубовый. Среди яркой, пышной зелени вдругъ подымается черный стволъ вѣкового дуба, прямой, какъ колонна. Другіе развѣтвляются на нѣсколько толстыхъ вѣтокъ. Есть дубы до 20 четвертей въ объемѣ, а священный дубъ, подъ которымъ будто-бы отдыхалъ патріархъ, гораздо толще, но измѣрить его нѣтъ возможности за частоколомъ, окружающимъ его со всѣхъ сторонъ—предосторожность необходимая, такъ какъ кора внизу и даже довольно высоко на вѣтвяхъ ободрана и изгрызена зубами вѣянъ, вѣрящихъ въ цѣлебную силу этой коры отъ зубной боли. Дубъ растетъ въ формѣ люстры: сажня на два отъ ствола, отдѣляются двѣ толстыя вѣтки, дѣйствительно похожія на руки благословляющаго пастыря. О дубѣ разсказываютъ: „Св. Аѳанасій пидъ дубомъ почывавъ, дубъ такый якъ домъ. Люды йдуть, гилля ламлють, кору деруть и лупають, щобъ зубы не болилы. Монахы обмазалы, частоколомъ оббылы, нихто не дряпается, не доходыть. Тамъ, де святый Афанасій молывсь и колинкамы стоявъ, тамъ доны (?) повыбиралы ямы“. За дубомъ расположено небольшое кладбище и Благовѣщенская церковь на могилѣ, куда ведетъ деревянная лѣстница.

Вокругъ монастыря есть подземный ходъ, о которомъ народные разсказы передаютъ слѣдующее: „Якись паны прыйихалы у манастырь. Кучеръ кони вивъ до воды напувать, кинь обвалывся и оказалысь печери. Прыйшлы монахы, сталы смотрить, взялы двохъ мужыкивъ нарядылы, далы имъ по свичи по здоровій и сказалы: „идитъ, може край де найдете“. Пишлы воны, може верстъ десятокъ, потимъ вернулысь, говорять: „Богъ ёго зна, де той край: не дошлы“. Кажуть, тамъ зводъ звоженый. Може воно ажъ у чужу землю.—У манастыри биля Афтанасія давно вже мовъ завалылась дирка. Узялы монахы пишлы зъ процесіею, найшлы тамъ срибло й злото, тарилкы сребряны, золоти и ложкы, гроши давніе, Катерыны ще. Воны одчынылы ришотку и забралы те и оддалы на манастырь; ище одни двери булы, такъ не наткнутся: така буря пидіймется, не можна війты, свичи гаснуть. Такъ и доси туды не ввійдуть“.

Мысль объ устройствѣ мгарскаго монастыря принадлежала Исаіи Копинскому, человѣку непреклоннаго характера и большихъ организаторскихъ способностей, нечуждаго поэтическому настроенію, какъ видно изъ выбора „мисця красна“ подъ монастырь въ 1618 г. Въ слѣдующемъ году Раина Вишневецкая подарила какъ выбранное мѣсто, такъ и матеріалъ на монастырь изъ стараго лубенскаго замка Вишневецкихъ. Инвентарь и рабочіе взяты изъ Густынскаго монастыря. Вскорѣ устроены пещера, кельи и основана Преображенская церковь. [1]) Но послѣ первыхъ успѣховъ настали смутные дни. Во время возстанія Остранина отрядъ рейтаровъ явился въ монастырь, и начальникъ отряда въѣхалъ на конѣ въ церковь, а въ 1638 году игуменъ съ монахами допрошены въ польскомъ станѣ. [2]) Скоро, однако, повѣялъ вѣтеръ съ Низу. Іеремія съ семействомъ и остатками войска оставилъ навсегда Лубны, а вслѣдъ за нимъ и шляхтичи, по словамъ мѣстной народной пѣсни, кидали „свои пасики и левады“ [3]) и бѣжали за Днѣпръ. Вслѣдъ затѣмъ и при Богданѣ Хмельницкомъ монастырю подтверждены прежнія вла-

---

[1]) Густынская лѣтопись. Яновскій, Общ. Луб. мгар. мон. Полт. Епар. Вѣдом. 1886 г., № 17, 634, 636, 638, 641. Истор.-стат. очер. Луб. мон. 5. Черниг. лѣт. въ Кіев. Стар. 1890 г.. Лазаревскій, Луб. и Вишневецкіе, Кіев. Стар. 1896 г., I, 210. Раина Могилянка. Кн. Вишневецкая. Кіевъ, 1887.—Никакихъ рукописей, имѣющихъ историческое значеніе для мгарскаго монастыря, кромѣ напечатанныхъ уже, въ архивѣ монастыря нѣтъ, какъ свидѣтельствовали историки Костомаровъ и Лазаревскій. По мѣстнымъ справкамъ, часть бумагъ сгорѣла, часть уцѣлѣвшихъ взята игуменомъ о. Нектаріемъ въ Густынь. Народныя сказанія передаютъ лишь «де манастырь выстроивсь, була пасика Вишневецькои. Манастырь бувъ деревьянный, якыйсь князь (Іеремія) розорывъ, винъ бувъ не нашои виры».

[2]) Яновскій. Полт. Епар. Вѣд. 1886 г. № 17, 669.

[3]) Отрывокъ изъ этой пѣсни приведенъ у Антоновича и Драгоманова въ Истор. пѣс. малор., нар., т. II, в. 1, 48; записанъ С. Носомъ. Самые тщательные мои поиски за этой пѣсней остались безплодными.

дѣнія и прибавлены новыя „на убовство“. Но послѣ него начались новыя испытанія. Въ 1658 году войско Ромодановскаго, въ соединеніи съ извѣстными дейнеками, въ день св. Нестора ограбили монастырь „до щенту“, забравъ скарбы лубенскихъ жителей, заложенные въ стѣнѣ „на Виноградѣ“. [1]) а въ 1663 г. игуменъ Викторъ Загоровскій взятъ и отвезенъ въ Москву, какъ сторонникъ Сомка. [2]) Вообще замѣтно, что мгарскій монастырь въ теченіе своей исторической жизни придерживался стороны, охранявшей порядокъ и собственность монастыря весьма значительную.

Къ первоначальному дару Раины Вишневецкой, опредѣлившей монастырю пространство между Сулой, ручьями Ольшанкой, Мгаремъ и Ложечиной Лукой и двумя млинами надъ рѣчкой Ольшанкой, съ „подданными на томъ-же грунтѣ мѣшкаючими“, [3]) вскорѣ присоединены въ 1624 году Мгарскій хуторъ, [4]) затѣмъ передано Богданомъ Хмельницкимъ монастырю бывшее владѣніе бернардиновъ—Терны, [5]) возлѣ Лубенъ; въ 1653 г. выданъ имъ

---

[1]) См. примѣч. въ 1-й главѣ, урочище Виноградъ надъ Мгаремъ.

[2]) Костомаровъ. Гетм. Ю. Хмельн. въ Вѣстн. Европы 1868 г., III, 212, и Яновскій. Полт. Еп. Вѣд., № 18, 690, 691—По извѣстію Конисскаго (рукопись), повторенному Аренларенкомъ (Зап. III, 177) и Богдановичемъ (Свѣд. о Полт. губ.), около того-же времени Юрій Хмельницкій, разбитый войсками Сомка и Ромодановскаго противъ Канева, пришелъ въ мгарскую обитель тайно, закрывая лицо плащемъ, и жилъ здѣсь во второй половинѣ 1662 и въ 1663 г.; но извѣстіе это сомнительно, а на самомъ дѣлѣ Юрій Хмельницкій проживалъ въ Корсунскомъ монастырѣ, въ которомъ постриженъ (Антоновичъ и Бецъ. Историч. дѣят, Юго-Зап. Россіи. Кіевъ. 1884 г., 41. Яновскій Полт. Еп. Вѣд. 1886 г,, № 18, 691).

[3]) Густ. лѣтопись. Лазаревскій: Луб. и Вишнев. Кіев. Стар. 1896 г., I, 210.

[4]) Ib. 225.

[5]) Лазаревскій: Луб. и Вишнев. Кіев. Ст. 1896 г., III, 337. Его-же: Архивн. отр. Полт. Еп. Полтава, 1887 г., Его-же: Лубенщина въ XVII и XVIII в. (оттискъ,) 70.

же универсалъ на млинъ, потомъ на владѣнія въ Тишкахъ; [1]) въ слѣдующемъ году на с. Вязовокъ, подтвержденный впослѣдствіи Ю. Хмельницкимъ и Многогрѣшнымъ. Универсаломъ 28 апр. 1655 года подтверждены привилегіи монастыря на грунты, „а тые (жители) зась, которые на грунтахъ монастырскихъ седять и оныхъ уживають, росказуемъ, абы вшелякую повинность монастыревѣ отдавали". [2]) Въ томъ-же году куплена монастыремъ часть с. Юсковецъ за Лубнами у Маріи Бутихи и полученъ универсалъ на Ольшанку, раньше пріобрѣтенную. [3]) Въ 1656 г. Богданъ Хмельницкій отдалъ монастырю Луку и Хитцы „выдечи убозству братіи". [4]) Въ 1660 г. козакъ Федоръ Толоченко заложилъ монастырю свои владѣнія въ с. Пѣскахъ, универсалъ на которыя данъ потомъ Самойловичемъ. [5]) Тогда же лубенскій полковникъ Засядка отдалъ монастырю мѣсто на лубенскомъ рынкѣ, и въ Лубнахъ было впослѣдствіи 3 монастырскихъ двора. [6]) Въ 1661 г. универсаломъ Юрія Хмельницкаго укрѣплены за монастыремъ млины на Сулѣ, подъ Лысой горой, Сивоглазчинъ и Полонѣевъ. [7]) Въ концѣ XVII и началѣ XVIII в. вдова полковника Григорія Лѣсницкаго подарила половину лѣса „Товстого" монастырю; [8]) вѣроятно на мѣстѣ этого бывшаго лѣса расположены теперь хутора Кремянка и Стадня, населенные бывшими монастырскими крестьянами. Затѣмъ и Мазепа подтвердилъ владѣніе монастыря 3 ставами, грунтами и хуторомъ въ с. Бересточи, купленными у Вербицкихъ, „мѣючы особливую нашу ку святой обители... прихильность. [9]) Кромѣ того, Мгар-

[1]) Арх. Отр. 67—72.

[2]) Густ. Лѣтопись.

[3]) Лазаревскій. Луб. въ XVII и XVIII в., 63.

[4]) Ib. 58.

[5]) Лазаревскій. Арх. Отр. 67—72.

[6]) и [7]) Лазаревскій. Луб. въ XVII и XVIII в. 49—51 и Арх. Отр. 67—72.

[8]) Лазаревскій. Люди стар. малор. въ Кіевск. Стар. 1886 г., 454.

[9]) Нѣкот. докум. Густ. и Мгар. монастыр. въ Сбор. Харьк. Ист. филол. Общ. 1892 г., IV., 102. Здѣсь же—о принадлежавшихъ одно время мгарскому монастырю 2 млинахъ на Новой гребли, пират. у. Кому они потомъ отошли, неизвѣстно (100, 106 и 111).

скому монастырю принадлежали еще части селъ: Волчка,[1]) Засулья, Воронинецъ, Пулинецъ и Пятигорецъ.[2]) Хозяйство во всѣхъ этихъ имѣніяхъ достигло высокой по тому времени степени совершенства. Многочисленные остатки водяныхъ мельницъ, пасѣкъ, садовъ доказываютъ это. Также славилась монастырская порода рогатаго скота, содѣйствовавшая улучшенію скотоводства вокругъ Лубенъ.[3]) Такое образцовое веденіе хозяйства должно было тяжело ложиться на подвластныхъ монастырю посполитыхъ, хотя никакихъ фактовъ жестокости, подобныхъ обнародованнымъ о Черниговскихъ, Курскомъ и Бѣлгородскомъ монастыряхъ,[4]) о Мгарскомъ неизвѣстно. Неизвѣстенъ даже съ точностью размѣръ повинностей, отбывавшихся мѣстными монастырскими крестьянами. Вѣроятно, къ нимъ примѣнялось „Постановленіе подданнымъ, якъ мають панщину робиты", написанное въ 1628 г. Исаіей Копинскимъ для Ладина. По этой инструкціи посполитый, имѣющій пасѣку или плугъ, обязанъ былъ въ косовицу одинъ день косить толокою сѣно, другой гребти, потомъ третій день возить сѣно въ монастырь; въ періодъ жатвы одинъ день толокой убирать жито, а другой ярины. Кромѣ того, каждый хозяинъ привозилъ 10 возовъ дровъ; каждые 10 хозяевъ поставляли 4 подводы для нуждъ монастыря и всѣ чинили монастырскія плотины.[5]) Вообще въ началѣ обязанности крестьянъ лѣвобережной Украйны ограничивались гаченіемъ плотинъ, доставкой дровъ, уборкой хлѣба и сѣна, десятиной урожая и двумя днями панщины.[6]) По воспоминаніямъ же мѣстныхъ крестьянъ,

---

[1]) Кіев. Стар. 1895 г., II, 52, приложеніе.

[2]) Лазаревскій. Луб. въ XVII и XVIII в., 66.

[3]) Бантышъ-Каменскій Ист. Мал. Россіи, III, гл. 46, 194.

[4]) Лазаревскій. Сбор. акт. по истор. монаст. землевл. 20, 22, 35, 38. Лебедевъ. Вотчин. бытъ мон. Курск. и Бѣлг. въ Сб. Хар. Ист. Фил. Общ. 1892 г., IV 156, 186.

[5]) Іb. Нѣкот. докум. Густ. и Мгарск. монаст. 93. Я. Шульгинъ Развитіе врѣп. пр. въ Малор. въ Сѣв. Вѣстн. 1887, VI, 55, 56.

[6]) Макотинъ Прик. кр. въ лѣвоб. Малор. въ Рус. Бог. 1894 год., II, 37.

предки ихъ работали по 3 дня въ недѣлю на монастырь. Такимъ образомъ не столько особенности монастырскихъ порядковъ, сколько крѣпостное право въ его существѣ возбудило историческую непріязнь крестьянъ къ монастырю, какъ вотчинному владѣльцу, о чемъ свидѣтельствуютъ: гетманскіе полковничьи универсалы, [1]) нежеланіе крестьянъ тушить загорѣвшіяся монастырскія постройки 20 іюля 1676 г., [2]) также приводимые ниже разсказы мѣстныхъ казенныхъ крестьянъ объ освобожденіи ихъ предковъ императрицей Екатериной II, о которой крестьяне эти сохранили благодарное воспоминаніе, какъ объ освободительницѣ. Въ самихъ-же разсказахъ слѣдуетъ искать не конкретныхъ историческихъ данныхъ, а лишь возрѣній народа на причину отмѣны крѣпостной зависимости, для какихъ возрѣній нашлась готовая фабула въ народной поэзіи. [3])

---

[1]) Рукопись густ. лѣтописи.

[2]) Нѣкотор. докум. Густ. и Мгар. монаст. 93.

[3]) Нѣкоторые изъ приводимыхъ народныхъ разсказовъ говорятъ о паханіи поля людьми, запряженными въ плугъ жестокимъ экономомъ. Этотъ способъ истязаній встрѣчается во всемірныхъ преданіяхъ. Изъ древней исторіи извѣстно, что Камбизъ заставилъ провесть въ узлечкѣ сына Псамменита предъ побѣжденнымъ отцемъ, а Самнитане провели обезоруженное и полунагое римское войско подъ ярмомъ въ Кавдинскомъ ущеліи. Въ такихъ дѣйствіяхъ скрывается идея объ униженіи плѣнныхъ обращеніемъ съ ними, какъ съ животными. Въ свою очередь и побѣжденные уподобляются рабочему скоту для умилостивленія побѣдителей. Напримѣръ, Афганцы въ 1503 г. пришли къ Акберу съ кусками дерна въ зубахъ. Жеваніе травы побѣжденными и теперь замѣчается въ Африкѣ (Mélusine 1898, IX, № 2, 33). Народъ страны Каффа хваталъ зубами землю при видѣ своего побѣдителя Менелика (Новое Время 1899 г., № 8220, 4). Въ нашей исторіи ту же идею выражаетъ запряганіе обрами (аварами) дулѣбскихъ (антскихъ) женщинъ въ телѣги; паханіе литвою, произведенное Романомъ Галицкимъ; подобныя же насилія надъ малороссіянами (Лясковскій. Переясл. земля. 105; Номисъ. Укр. прыказкы, 14. Костомаровъ. Борьба укр. коз. съ Польшей, 228). Такое обращеніе съ плѣн-

Вотъ эти разсказы.

„Экономы заходылысь пашыть людьмы до тихъ поръ, шо й кнутомъ порють, шобъ визъ. Катерына выйихала въ манастырь и пишла тайно зъ своимы слугамы, та зъ-за дуба высмотрила и сказала: „бросайте роботы!“ Люды послухалы, поскыдалы шлейкы. И вона сказала: „ожыдайте случая“. И указъ выйшовъ, шо свободны. Выйихавъ козакъ и вычытавъ бумагу, и шо хто взявъ, такъ и не шкалы бильшъ. (с. Пѣски).—Царыця Катерына правувала царствомъ покы сынъ вырисъ. Вона прыйиздыла на богомолля и бачыла, якъ монахы нуждылы людей: копалы канавы, древо садылы, хлибъ робылы и за несправность ихъ ризкамы дралы. Соберуть шисть людей и орють имы. Вона на то нагодылась и одибрала людей. (Пѣски)—Йихала Катерына на Лохвыцю, чы що, а монахы оралы

ными впослѣдствіи перенесено изъ военнаго быта въ гражданскій, какъ наказаніе (Кулишеръ. Символизмъ въ правѣ, въ Вѣст. Евр. 1883 г.», IV, 198) и попадается какъ пережитокъ въ дѣйствительности (Сумцовъ. Кіевск. Стар. 1889 г., XI, 295, 296) и особенно часто въ народномъ творчествѣ. Помѣщикъ за порчу слѣпцами травы запрегъ ихъ въ плугъ и оралъ ими (Зап. Ю.-З. Отд. геогр. общ. 1874 г. II, 112) Зять запрягаетъ тещу въ плугъ, а жену въ возъ, (Рудченко. Народн. ю. рус. сказки I, № 67, 179—181 и 68, 181—183); крестьянинъ мужъ запрягаетъ жену-дворянку въ повозку, (Кіев. Стар. 1893 г., IX, 447—449 и Зап. Ю.-Зап. Отд. Геогр. Общ. I, 36—41), а парни грозятъ орать дивчатами на гречку или просо, а молодицами волочить (Ib. № 358, 589 и Гринченко Этнограф. Мат. III, 646), или какъ въ настоящей пѣснѣ, записанной мною въ селѣ Мацковцахъ:

...Нашъ панъ прыкаже
Тройку хлопцивъ запраже.
Хлопцивъ пидпряже
Дивчатъ повезе.

Въ самое послѣднее время крестьянку Лузанову припрягли къ лошади въ повозку, на которой поѣхали: мужъ, свекоръ, деверь несчастной и полицейскій сотскій (Сынъ Отеч. 1900 г., № 60, 4).

людьмы у ярмахъ. Идуть, тягнуть плечьмы по 8—10 душъ. Диты лежалы пидъ кущамы, а жинкы деренъ носылы и греблю выкладалы. Катерына вернулась назадъ (д. Клепачи).—Якъ чоловикъ не пиде у манастырь на роботу, то ёго ловылы, у плугъ запрягалы и нагайкамы былы. Якась княгына пидйиздыла саме тоди, якъ тымы людьмы оралы.—„За яки проступкы ото ихъ такъ наказуете?“ пытае вона. „Може воны душы губылы, чы що?—За ихъ невслушность.—Шо жъ воны не слухалы?—Не хотилы робыть.—Се жъ велыке наказаніе зъ христинъ отакъ знущаться“. Вона не була вже й въ манастыри, обратылася назадъ, и потимъ выйихавъ якыйсь наслидныкъ настоятельно узнать. Якъ выйихавъ винъ и своимы очима побачывъ, скоро получылы люды манифестъ: вольны вы и куды хочете, туды й идить. Дадуть вамъ казенни земли, бо й лиса, и земля и вы сами—казенни. Лиса жъ забрала казна, а полеву землю стала надилять людямъ (с. Хитцы)—Йихавъ купець дорогою коло монастыря, тамъ монахы оралы людьмы. Купець дывысся—людей нывка. Винъ каже кучеру: „пиды спытай: шо вы робыте?“ А монахы кажуть „яке твое дило?“ та за истыкъ та за нымъ. Кучеръ прыбигъ, каже купцю: „оруть людьмы“. Пидйихавъ самъ купець, такъ монахы ёму истыкамы—ледве утикъ. Черезъ мисяцъ прыйшовъ манифестъ (с. Калайдинцы).—У сёму монастырю монахы оралы людьмы восьмерыкомъ. Катерына прыслала посланныка, шобъ узнавъ: чы истино правда, шо людьмы орють. Винъ, якъ прыйихавъ, то шукавъ скризь тихъ плугивъ, шо людьмы оралы, а одынъ сарай стоить и туды ёго не ведуть. А винъ говорыть: шо се за сарай?—Та то такъ.—Ничого, одчынить.—Одчынылы; колы тамъ плужкы стоять ишлейки.—Какъ бы узнать, каже, шо воно таке, и я соби зробывъ бы такъ. Ну, воны прызвалы восимъ чоловикъ людей и давай орать имы.—Благодарю, и я такъ зроблю и въ мене люды есть. На цвиты буду орать.—Тоди винъ осмотривъ, пойихавъ соби, бильшъ ничого и не сказавъ. Тоди, якъ пойихавъ винъ, и выйшла бумага: одибрать людей. Монахы не послухалы. И друга бумага выйшла тоже: одибрать людей. А третя якъ выйшла бумага, саме въ жныва и

косовыцю, и туда прыйихалы жандары; якъ вычыталы бумагу, такъ люды порозбиралы, чимъ хто робывъ. А ти, шо не взялы ничого, такъ тимъ монахы казалы: „обидайте“. Такъ люде не схотилы—та бигты у рось (с. Мгарь).—У одного чоловика було тры сыны и тры невисткы, самъ четвертый. И экономъ мучывъ усю симью важкою роботою, у плугъ запригъ трехъ сынивъ, батька четвертого. Пооралы день, и свекоръ напысавъ прошеніе до государя. Выслано звидтиля одютанта дознать, чы орють, чы не орють. И винъ выйихавъ на кони, осмотривъ и сказавъ: „якъ робылы, такъ и робить до слушного времени“. Выкынувъ запыску, де ставокъ бувъ, и пойихавъ назадъ. Такъ люды жылы чы годъ, чы бильшъ, ажъ до того времени, шо пора хлибъ косыть. И робылы воны, де роблени могылы. Выйихавъ билымъ конемъ на могылы той одютантъ и давъ знать усимъ: „Слухайте, буду чытать вамъ волю!“ И тоди якъ зибралысь, чытавъ: „полно монастырю робыть, выйшла воля!“ И хто якъ вырвався зъ душею. А котори управляющи, прыказчыкы, забиралы возы, волы. (с. Хитцы).—Манастырь строила якась барыня чы княгыня;[1]) вона й людей манастырю прыручыла у помочи. А Катерына прыйихала у манастырь, нихто не знавъ. И почула гласъ, послала свого кучера: „пойды услышъ шо тамъ такое? крычыть чоловичій гласъ, а крычыть не по чоловичи“. Пишовъ кучеръ, подывывся, и прыйшовъ назадъ, объявывъ: „чоловика розопьялы на станку и по пидошвахъ бьють. Пидить, якъ шо мени неймеге виры, подывытесь своимы очыма“. Вона тамъ переночувала у гостыныци. Була така, тай нема. Пойихала до дому и келейныкъ оглядився вымитать, ажъ вона вже зйихала. Найшовъ ту роспыску, шо вона кынула, узавъ однисъ игумену. Игуменъ подывывсь, прочытавъ: „а се царыця ночувала“. У погонь киньмы, шобъ нагнать ii. Такъ не вхопылы тропы за нею бигты—опизнылысь. Довго не довго прыбигла бумага „Шо вы дѣлаете? Какъ можна такъ дѣлать, надъ людьми такъ знущаться? Ненада ченцямъ людей“. Тоди

[1]) Воспоминаніе о Раннѣ Вишневецкой.

ченци давай просыть соби хуторця. Катерына сказала: „пидождить, я сама съѣжу, осмотрю". Подывылась на Кремянку, ажъ воно не хуторець, а село чымале,—не дала (Заудай).—Катерына прыйихала у манастырь Богу молыться и нихто не знавъ. И вона бачыла, шо наказувалы чоловика по пидошвахъ и кормылы людей овсянымъ кисилемъ. Тоди вона коней пустыла у лучку, кони перескочылы у манастырську землю и Катерына сказала: ничимъ оплатыться за спашъ за кони, а йихать мени треба у свою сторону; нате вамъ одежу". А въ одежи напысала, хто вона така, и въ воротныку ту запыску найшлы, тоди взналы. И напысала въ запысци: „одберутся люды" (с. Вильшанка).—Якъ уйихала царыця у манастырь, такъ тамъ наказувалы жинку. Царыця не вийшла въ манастырь, а прыказала одибрать людей. На степу, биля Чекысовои балкы, робылы люды монастырю, и тоди, якъ зайшовъ манифестъ, такъ воны позабиралы воливъ, грабли, мидни котлы (с. Лука).—Булы люды чернечи; отъ пословыця, шо одберуть людей одъ ченцивъ. Саме у петривку косылы траву. Ось хлакъ выкынулы обидать. Попрыходылы люды, посидалы обидать, колы бижыть верхы конемъ. Прыбигаеть: „Здрастуйте"—Здрастуйте—„Послушайте я буду чытать". Люды бросылы ложкы, усталы. Винъ начавъ чытать. Дакъ якъ вычытавъ, такъ хто захватывъ юпку, а другый одну одежыну—бижять. Прыказщыкъ гукае: „вернится, хочъ обидъ пойижте". То другый сказавъ: „Богъ зъ вамы, зъ вашымъ обидомъ". А другый: „слава Богу, шо Богъ вызволывъ!" (с. Юсковцы).

По освобожденіи посполитыхъ въ монастырь назначались 17 рабочихъ на 20 лѣтъ.[1]) По народнымъ разсказамъ, каждое мѣстное общество бывшихъ монастырскихъ крестьянъ избирало изъ среды своей по два рабочихъ „у штатъ", называвшихся: штатови, штатни, заштатни, изъ тѣхъ, что не годились въ солдаты, и изъ тѣхъ семействъ, гдѣ было по 3 рабочихъ. Умершихъ замѣняли новыми. Они были чернорабочими и мастеро-

[1]) Короновскій. Стат. Опис. Луб. у. въ Полт. губ. Вѣд. 1890 г. № 46, 2.

выми. О самой работѣ заудайскій крестьянинъ передавалъ: „Мене взято двадцяты литъ. Мы тамъ косылы, жалы, греблы, сино кыдалы,—що заставлялы; зимою въ лисъ по дрова рубать. Кажный день роботавъ, а потимъ выпросывсь, шобъ дви недили тамъ, а тры соби. Тяжола робота була, оддыхалы два часа писля обида. Мы получалы у рикъ 25 карбованцивъ на асигнаціи".

За монастыремъ, по склонамъ оврага, пріютилось небольшое село Ольшанка или Вильшанка, съ разбросанными постройками, мельницами на горѣ и рѣдкими деревьями. Нѣкогда она отражалась, какъ въ зеркалѣ, въ большомъ монастырскомъ прудѣ, теперь прудъ спущенъ, и самая деревня не успѣла еще оправиться послѣ недавняго пожара. Вездѣ въ усадьбахъ среди уцѣлѣвшихъ или начатыхъ строеній и небольшихъ садовъ чернѣютъ обгорѣлыя сохи. Узкая долина покрыта остатками ольховаго лѣса, по ней протекаетъ ручей Вильшанка, давшій названіе селу. На полгоры воскресенская церковь, построенная въ началѣ XIX в. Она маленькая, образа и иконостасъ новые; старые образа и и статуи ангеловъ распроданы. [1]) Погостъ сливается съ кладбищемъ, идущимъ до самой вершины. Въ церкви нѣтъ никакихъ остатковъ старины.

Ольшанка возникла въ началѣ XVII в. вокругъ водяныхъ мельницъ, устроенныхъ разными лицами, и посредствомъ купли и дара [2]) пріобрѣтена монастыремъ. Нѣкогда Ольшанка состояла лишь изъ 20 дворовъ, затѣмъ въ первой половинѣ XIX в. въ ней насчитывалось до 500 жителей, въ тридцатыхъ годахъ—до 700 и въ настоящее время—1215. Древнѣйшимъ родомъ мѣстные жители считаютъ Власенковъ. У предка была винница. „Якись розбойныкы пидошлы и на сковороди становылы Власенка и пекты

---

[1]) Одна изъ такихъ деревянныхъ статуй изображаетъ архангела Гавріила съ синими глазами, въ золоченомъ платьи съ вырѣзомъ у шеи. Надъ головой сіяніе въ видѣ вилокъ съ двумя зубцами.

[2]) Отъ Луней въ 1645 г. (Лазаревскій. Луб. въ XVII и XVIII в., 64).

ёго на гарячому, щобъ оддавъ деньги. Винъ оддавъ". Расположеніе кутовъ слѣдующее. Отъ монастыря—Гыгивка, жители которой Гыги; имъ кричатъ бывало другіе кучане: „Гыги! купить сало въ вербы". Мѣстность возлѣ дома, гдѣ помѣщалось бывшее ольшанское волостное правленіе, называется Кутокъ. Тамъ живутъ Боярскіе и Курочки. Дальше идутъ: Квачивка, жительство Ищенковъ и Савченковъ, Осередокъ—Даценковъ и Лавриковъ, Ракивка, населенная бѣднѣйшими жителями Вѣричами и Фесенками. „У ихъ худобы нема, лазять якъ ракы". Коршакивка, гдѣ живутъ Коршаки, Фенивка—Власенки, и Лаврикивка—жительство Лавриковъ и Комиссаровъ. Вильшане средняго роста, волоса и глаза темные; у вильшанокъ неправильныя черты лица; носы коротки, толстоваты, часто вздернуты, губы толстыя, но лица оживленныя, румяныя, глаза большіе и выразительные; моды подгороднія. Вильшане, какъ и вся группа монастырскихъ крестьянъ лѣсного участка, богаты пѣснями, сказками, преданіями; характеръ ихъ привлекательный, хотя можетъ быть и легкомысленный. Оцѣнка, дѣлаемая имъ жителями окрестныхъ селъ, сурова. „Вильшанка погана слобода, гола, бидна. Земли имъ мало тутъ, а въ Ромодани. Видтиля трудно жыть, якъ скотыны нема; привезты $2^1/_2$ копы стоить рубъ. И сина въ ихъ нема, пасты худобы нигде. Горюють ти люды, тилькы жывуть изъ лису. Построить повитку, заплете тынъ весною, а въ осени прода на дрова, купыть хлиба и тимъ жыве. Никола Лаврыкъ [1]) скупывъ землю Бутовычей и окружывъ всю Вильшанку; винъ тилькы поддержуе ту церкву въ Вильшанци. Дивкы и жинкы хороши, такъ пидкрашуются краскамы, а сорочкы нема путнёи, народъ неакуратный. И розговоры у ихъ пусти; и недалеки люды, а розговоры погани, мовъ воны зъ загряныци вывезени, мовъ воны полякы. Воны не скажуть „сестра", а „систра", не „упадешъ", а „упадишъ"; кажуть „полозёкъ" замисть „полозокъ", „опленъ" у санкахъ замисть „оплинъ"; по нашому у ярми „снызка", а по ихнёму „снузка" [2]).

[1]) Единственный состоятельный человѣкъ въ Ольшанкѣ.

[2]) Суди по этимъ фонетическимъ особенностямъ вильшанской рѣчи, можно бы допустить сѣверно-малорусское происхожденіе вильшанъ.

Вильшанкой оканчиваются большія монастырскія владѣнія лѣсного участка, дальше слѣдуютъ уже частновладѣльческія: затерянная среди лѣса Шепелевка, основанная, по предположенію А. М. Лазаревскаго, [1]) вдовой лубенскаго войта Шепеля, теперь состоящая изъ помѣщичьей усадьбы и двухъ крестьянскихъ хатъ; Александровка въ Сумрачномъ лѣсу, извѣстная еще въ XVI в., [2]) потомъ принадлежавшая Кулябкамъ, а въ настоящее время заключающаяся лишь въ усадьбѣ бывшаго городского головы М. К. Шемета безъ крестьянскаго поселка. Вблизи Александровки поселенъ былъ предкомъ настоящаго владѣльца, литовскимъ шляхтичемъ Скаржинскимъ, хуторъ Кругликъ. Бѣлыя крестьянскія хатки лѣпятся здѣсь на округленныхъ холмахъ и у подножія ихъ возлѣ большого пруда. Всѣхъ дворовъ 90 и до 1000 жителей. Фамиліи послѣднихъ: Островскіе, Манджары, Масюки, Шепелюки, Лыхваренки, Кулеши, Снисари, Хылюки, Кочерги, Шарки, Цимбалы, Литвины, Хрущи, Крывуненки, Рыженки, Красюки. Наружность и одежда жителей такія же, какъ въ сосѣднихъ Новакахъ. Широкая лѣсная дорога изъ Круглика на городъ сходится съ дорогой изъ Александровки. Лѣсъ постепенно рѣдѣетъ. Мелькаютъ рощи, садки, паровыя мельницы, подгородныя дачи, затѣмъ городская площадь и самые Лубны.

В. Милорадовичъ.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

---

[1]) и [2]) Лазаревскій. Луб. въ XVII и XVIII в., 64.—

НОВЫЕ МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ БІОГРАФІИ ШЕВЧЕНКА[1].

Письма разныхъ лицъ къ Шевченку. Два письма Квитки-Основьяненка. Четыре письма П. А. Кулиша. Семь писемъ А. И. Лизогуба и одно письмо Сергѣя Левицкаго. Шуточное посланіе поэта Забѣлы къ Шевченку.

Немаловажнымъ для біографіи матеріаломъ нашего знаменитаго украинскаго поэта служатъ письма къ нему земляковъ, очарованныхъ пѣніемъ его музы. Письма эти, захваченныя при двухъ обыскахъ, кіевскомъ (май 1847) и оренбургскомъ (конецъ апрѣля 1850 г.), находятся при *Дѣлѣ о Художникѣ Шевченкѣ*, хранящемся въ Архивѣ Департамента полиціи. Кромѣ писемъ кн. В. Н. Репниной, нами уже изданныхъ, тутъ находятся письма Основьяненка, Кулиша, Лизогуба и др. Наибольшій литературный интересъ представляютъ письма двухъ первыхъ. Свое уваженіе и симпатію къ Основьяненку Шевченко выразилъ посылкою вышедшаго въ 1840 г. *Кобзаря*, который произвелъ на патріарха украинской словесности потрясающее впечатлѣніе. „Когда мы съ женой—писалъ онъ къ Шевченку—стали читать Кобзаря (гдѣ—замѣтимъ мимоходомъ—было помѣщено знаменитое посланіе *До Основьяненка*), волосы на головѣ поднялись,

---

[1]) Кіевская Старина 1893. Мартъ и 1898. Мартъ.

въ глазахъ зеленѣло, а сердце какъ-то болитъ. Гляжу—жена плачетъ. Я прижалъ Вашу книгу къ сердцу. Хорошо! очень хорошо! Больше не умѣю сказать [1]). Съ тѣхъ поръ между Шевченкомъ и Основьяненкомъ началась переписка, непрерывавшаяся до самой смерти послѣдняго. Находящіеся въ издаваемыхъ нами письмахъ рѣзкіе отзывы о русской литературѣ и о москаляхъ, которыхъ Основьяненко не иначе называлъ какъ кацапами, находятъ свое объясненіе во враждебныхъ отношеніяхъ тогдашней русской критики къ произведеніямъ украинской словесности. И Кобзарь Шевченка, и повѣсти изъ народнаго быта Основьяненка были встрѣчены русской критикой единодушнымъ глумленіемъ. Не говоря уже о Сенковскомъ и Булгаринѣ, даже такіе люди какъ Бѣлинскій были повинны въ брезгливомъ отношеніи къ повѣстямъ изъ народнаго быта. Все это нужно имѣть въ виду, чтобъ понять рѣзкія выходки противъ москалей, которыми изобилуютъ письма Основьяненка.

I.

22 ноября 1841. Основа.

Будте здоровы съ пылыпивкою, мій любезный панночку! Спасыби Вамъ за Ваше письмо и усяку добру мову напысану тамъ. Читавъ у Литературной Газети, що Ваша дивчына, що черезъ тынъ ворожыла у цыганки, продалась, та й зрадовався, бо я такъ и надіявся. Спасыби Вамъ, що не дывытесь у вичи оттымъ дурнямъ кацапамъ, шо, не вмивши нашои мовы и не розибравшы у неи ничого, кричать мовъ жиды у шабашъ: „што, да што это наверняка̀но? Мы не понимаемъ-ста ничего!“ Спасыби, що плюете на се, да не перестаете пысаты. Пышить, пышить! Нехай Вамъ Господь поможе! Велыке спасыби скажу, колы прышлете хочъ подывытысь, а вже не втерплю—прочытаю. Та дежъ Ваши билеты? Пишете, що посылаете—такъ нема. Чурхнить ихъ до насъ, може таки якый небудь десятокъ збу-

[1]) Конисскій «Жизнь Шевченка», стр. 147.

демо [1]). Ажъ тричы спасыби попереду кажу за обицянку намалеваты мою Сотныкивну; се якъ змалюете, та пришлете, ще дужче дяковаты буду за добру Вашу память и, дивлячись и любуючись на неи, буду завсегда дякуваты Вамъ.—А нуте теперъ е цыльни дила до Васъ. Глядить-же зробить по нашому, а не по кацапському: скаже добре, а зробыть худенько. Знайшовся и у насъ парень друзьяка до дила штепный, та й хоче збыты збирныкъ, по панському альманахъ, и давъ ёму имення *Молодыкъ* [2]) и хоче назбираты усякихъ штучокъ по московскому и по нашому написанныхъ. Московски штучки и вирши е *преотмънные-ста*, и уси шлють ёму, такъ наськихъ ще трошки. Будьте ласкови пришлить ёму думку Вашу, або видирвить видъ готового чого якій шматокъ, та й пришлить на мое имя ажъ у самисенькій Харькивъ—велыке вамъ спасибо скаже. Объ симъ попросить видъ мене усихъ люблящихъ читаты усе добре, нашого Е. П. Гребинку; нехай утне яку приказку наську. Не будете жалковаты: у чеснои компаніи, та межъ добрыми людями будете. Та коли-бъ хутенько, бо вже скоро видошле у цензуру. Здилайте мылость ище скажить пану Гребинци, що й ёго билеты не дуже повзуть зъ рукъ. Тильки скажить кому, то заразъ и втнуть: знаемъ мы ёго—се Петербургъ! А де ихъ Исторія Русскаго Народу [3])? а де пьяте, десяте?" То й кажешъ: Та ни, батечки! Се вже не то, се добра, чесна, правдыва душа, не збреше. Такъ ни! Подай книжку, возьму и гроши принесу. Отъ якои спиваютъ! Та колы хоче и нашъ край надилиты своимъ *Богданомъ*, то нехай присыла—заразъ збудемо. А *Ластивки* ёго [4]) нема тутъ овси. Покланявся Вамъ панъ Артемовскій. Я ему казавъ, що Вы писалы про него, а винъ сказавъ: ни, я тилько прочитавъ его Кобзаря, та й знаю, яку винъ мае душу и яке серце

---

[1]) Здѣсь рѣчь идетъ о только что отпечатанной поэмѣ Гайдамаки, которая вышла въ свѣтъ въ 1842 г.

[2]) Молодыкъ издавался въ Харьковѣ Бецкимъ (1843—1844); въ немъ помѣщено нѣсколько стихотвореній Шевченка.

[3]) Намекъ на неаккуратно выходившее сочиненіе Полевого.

[4]) Альманахъ, издаваемый Гребенкой.

въ его и знаю его думки. Отъ и усе. Бувайте здорови и не переставайте любыты и не забувайте.

Щыро Вамъ преданного Григорія Квитки.

II.

29 Апрѣля 1842 г. Основа.

Милый и добрый мій паночку Тарасъ Григорьевичъ!

Ну оже такъ що порадовалы Вы насъ своими Гайдамаками! Якъ кажу: читаешь, да й облызуесся. Якъ-разъ къ великодню прислалы Вы намъ сюю писанку, а я заразъ и розиславъ по рукамъ. Панъ Артемовскій ажъ пидскакуе та хвалыть. Якъ такого добра не хвалыть? Пишить-же, панычу, у усю руку. Напишить намъ ще таке, дайте виддохнуты видъ московскихъ брехень, що читаешь, читаешь, та або заснешь гарненько, або на живитъ затошныть, а на зубы паде оскома, що три дни не хочется дывыться на книжку.—Артемовскій самъ хотивъ до Васъ пысаты и не збреше—напише, бо дуже похваляе.—Корсуна писля того не бачывъ. Билеты Ваши уси цилы лежять у мене—нихто не взявъ ни одного; кажуть: нехай пришле книжки.—Бисова Москва провчыла: грошики зчистыть, а книжки овва! Записалося у мене душъ зъ пятнадцять, що певно дадуть гроши; пришлить десяткивъ зъ два, то гроши заразъ певно вышлю. А де Гребинка? Все я писавъ до його—знай мовчыть, такъ я и годи сказавъ. Може за що сердытьця? А щобъ его Богъ любывъ! Або—нехай Богъ боронить,—обмоскалився, у ихъ виру уступывъ. А спытайте його видъ мене, колы побачите, що винъ дума? Пославъ-бы я, батечку, Вамъ и десять моихъ книжокъ, такъ нема ихъ у мене. Уси у москаливъ; ни грошей, ни книжокъ не бачу—обдурили добре.

Колы хочете, то отъ писулька; по неи дадуть Вамъ. Пишить-же, пишить еще; потишайте наши души такимъ смашнымъ, та й Гайдамакивъ шлить до мене—я Вамъ грошики вышлю. Та не розлюбляйте щыро Васъ кохающаго

Григорія Квитку.

Совершенно другимъ характеромъ отличаются письма Кулиша. Вѣчно увлекавшійся Кулишъ былъ тогда въ періодѣ увлеченія идей созданія украинской литературы и видѣлъ въ Шевченкѣ украинскаго Пушкина. Высоко цѣня Шевченка, какъ славу и гордость родной поэзіи, Кулишъ считалъ своимъ долгомъ направлять первые шаги неопытной музы поэта и высказывать ему подчасъ горькую правду. Въ письмахъ Кулиша мы найдемъ тонкій эстетическій разборъ произведеній Шевченка, какъ со стороны языка, такъ и со стороны содержанія. Особенно интересно въ этомъ отношеніи четвертое письмо, заключающее въ себѣ художественный разборъ Кобзаря и поэмы Гайдамаки. Здѣсь даровитый и одаренный тонкимъ эстетическимъ чутьемъ критикъ высказываетъ мысли, имѣющія общее значеніе и свидѣтельствующія объ его способности проникать въ самую сущность художественнаго творчества. Таково, напримѣръ, въ высшей степени тонкое замѣчаніе, что въ Гайдамакахъ нѣтъ борьбы двухъ враждебныхъ силъ, что Ляхи вездѣ оказываются трусами и что вслѣдствіе этого читатель не сочувствуетъ торжеству побѣдителей, ибо это торжество мясниковъ, а не воиновъ, встрѣтившихъ сильный отпоръ. Отмѣтимъ еще глубокое психологическое замѣчаніе о соотношеніи между созданіемъ поэта и душею читателя. Не всегда впрочемъ чисто художественная критика оказывается достаточной въ приложеніи къ произведеніямъ Шевченка. Стоя исключительно на эстетической точкѣ зрѣнія, разсматривая эпизоды и подробности только по отношенію къ гармоніи цѣлаго, Кулишъ, напр., совѣтуетъ поэту выбросить изъ Гайдамакъ цѣлую главу подъ заглавіемъ *Гупаливщина* на томъ основаніи, что повѣсть любви Яремы и Оксаны въ ней не развивается, а драма Коліивщины не пріобрѣтаетъ ни одной новой черты; критикъ забываетъ, что Гупаливщина представляетъ для читателя высокій интересъ и въ другомъ отношеніи, ибо въ ней высказывается личный взглядъ поэта на описываемыя въ поэзіи кровавыя событія [1]).

[1]) Припомнимъ, напр., слѣдующіе стихи:

Оттаке-то було лыхо
По всій Украини!

Письма П. А. Кулиша.

I.

Милостивый Государь,

Тарасъ Григорьевичъ!

Писалъ я къ Вамъ два раза изъ Украины, но видно Вы не получили ни одного моего письма. Я написалъ первую часть *Украины.* Это составитъ отдѣльную малорусскую поэму до Богдана Хмельницкаго; Хмельницкій составитъ вторую; междоусобіе—третью; Мазепа въ Шведчинѣ—четвертую. Знающіе люди восхищались первой частью и уговорили меня скорѣе напечатать, что я и сдѣлалъ. Украина печатается въ Кіевѣ и скоро выйдетъ въ свѣтъ. Посылаю Вамъ 30 билетовъ. Раздайте ихъ пожалуйста въ Петербургѣ, а я Вамъ экземпляры немедленно вышлю. Изъ своей поѣздки извлекъ я величайшіе результаты.— Вы это со временемъ увидите. О Гайдамакахъ я записалъ прекраснѣйшіе разсказы, которые вмѣстѣ съ другими составили томъ и будутъ изданы подъ заглавіемъ *Малороссійскія преданія.* Вашего дидуся я не нашелъ въ Чигиринѣ. Шкода, что не будете въ Кіевѣ. А мнѣ-бы очень пригодилось поговорить съ Вами кой-о-чемъ.

Съ истиннымъ уваженіемъ П. Кулишъ

Кіевъ. Октября 20, 1843.

Датой этого письма исправляется между прочимъ неточность показаній Г. Петрова, который въ своей *Исторіи Укра-*

Гирше пекла... А за вищо,
За що люде гынуть?
Того-жъ батька, таки-жъ диты,—
Жыты-бъ да брататься,
Ни, не вмилы, не хотилы
Треба розъединаться! и т. д.

инской Литературы, Кіевъ, 1884, стр. 265, увѣряетъ, что Кулишъ познакомился съ Шевченкомъ только въ 1845 г. въ Кіевѣ.

II.

Коханый земляче! Спасыби за книжечку *Тризну* [1]). Дещо въ ій промовляе до самого серця. Ще жду *Гамаліи, Кобзаря и Гайдамакъ*. Де хочъ беры, а не прышлешь, то й на очи мени не показуйся. Ой, якъ же я зрадивъ, довидавшись зъ твоеи суплики, що ты не марнышъ дармо часу у тіи Петровій бурси! Нехай тоби, пріятелю, Господь помогае на все добре, а объ мени будь певенъ, що вже я не гритымусь даромъ коло твого куреня; чы дровець, то и дровець прынесу, чы пшона на кашу, то й пшона прыдбаю; сказано, що Богъ послявъ!

Аже-жъ не дурно ведетця помижъ людьмы та гуторка, що колысь Богъ посажавъ людей кругомъ ваганка съ кашею, да й подававъ таки ложки, що держало довше руки (а треба за самый кинець держаты), то премудрый Соломонъ и сказавъ: „Будете, каже, вси голодны, якъ коженъ объ соби тилько промышлятыме, а годуйте одынъ одного сими ложкамы, то й не загинете зъ голоду“. Розумни булы стародавни люде, багацько въ ихъ було такихъ прыказокъ, що буцимъ такъ соби вытребенька а розмизкуй, до чого воно йде, такъ ой, ой, ой! Оттакъ-же и намъ, що взялысь протырать своимъ землякамъ очи, треба одынъ одному пособлять, одынъ одному радыты, а то не буде добра зъ нашого пысання. И Латыны добре зналы, що робытця отъ конкордіи, а що отъ дискордіи, да й батько козацкій старый Хмельныцкій не згирше того латына Салюстія промовывъ умираючы:

„Тымъ и сталась, каже, страшенная козацькая сыла,
Що у васъ, панове молодци, була воля и дума едына.“—

---

[1]) Поэма Шевченка на русскомъ языкѣ, посвященная княжнѣ В. И. Репниной.

Теперъ вже не така годына настала, шобъ брязкотать шаблюкамы; Ляхивъ и Татарву мовъ дидько злызавъ, усе утыхомырылось; прійшла пора поорудоваты ще головою. Ну-те-жъ робить такъ, шобъ и Богу була хвала за те, що давъ намъ розумъ, и людямъ темнымъ кругомъ було выдно, якъ одъ свички, що стоить на высокому лыхтари. *Тако да просвѣтится свѣтъ Вашъ предъ человѣки.* Йиду зновъ на три мисяци на Вкраину. Присылайте Ваши картыны въ Чигиринъ зъ надписомъ *Михаилу Грабовскому.* Я въ ёго буду и винъ знатыме, куды мени ихъ переслать. Да розтолкуйте мени хорошенько, що и якъ Вы хочете робыть, а то не второпаю, що для Васъ компоноваты. Бувайте здоровы!

Щирый землякъ П. Кулишъ. Рука власная.

Зъ Кіева 1844 г. Іюля 5 дня.

III.

М. Г. Тарасъ Григорьевичъ!

Вы получили-бъ отвѣтъ гораздо скорѣе, если-бы я не отлучился изъ Кіева. Мнѣ досадно, что Вы, не списавшись со мною, объявили мое имя въ числѣ сотрудниковъ, тогда какъ я понятія не имѣю о Вашемъ литературномъ предпріятіи. Объявленіе Ваше пахнетъ такъ сильно спекуляціей, что я рѣшился было, какъ только выйдетъ въ свѣтъ Ваша *Украина*, написать рецензію и указать всѣ ошибки, какихъ безъ сомнѣнія будетъ бездна въ текстѣ Вашей скороспѣлой книжки. Но время уменьшило мое негодованіе. Вы, господа, принимаясь въ ребяческомъ легкомысліи за Малороссію, безъ совѣтовъ людей, серьезно занятыхъ этимъ предметомъ, вредите во мнѣніи публики самому предмету и компрометируете насъ. Выбачайте за сю мову! Въ Харьковѣ предположено издавать *Записки объ Южной Россіи и о Славянахъ.* Издатели Костомаровъ (онъ-же и Іеремія Галка), Кулишъ, Метлинскій (онъ-же и Могила) и Срезневскій.—Тамъ будутъ помѣщаться, кромѣ статей ученаго содержанія, и статьи въ прозѣ и стихахъ по-малороссійски. Если Вы имѣете что-

нибудь новое, просимъ до гурту. Неизвѣстно, сколько издадимъ въ годъ книжекъ. Ваше имя также поставили въ числѣ издателей на заглавномъ листкѣ. Чы у васъ на столыци уси таки дурни, якъ Подберезкій? Рядомъ съ Вашимъ и отъ него я получилъ письмо.

Съ должнымъ уваженіемъ Вашъ покорный слуга

П. Кулишъ.

1844 г. 31 Декабря.

IV.

М. Г. Тарасъ Григорьевичъ!

Перечитывая нѣсколько разъ здѣсь въ Петербургѣ *Кобзаря* и *Гайдамакъ*, я отъ души восхищался ими и многія мѣста заучилъ наизусть, но въ то же время замѣтилъ осязательнѣе, чѣмъ прежде, ихъ недостатки. Одни изъ этихъ недостатковъ происходятъ отъ Вашей безпечности, небрежности, лѣни или чего нибудь подобнаго; другіе отъ того, что Вы слишкомъ много полагались на врожденныя Ваши силы и мало старались согласить ихъ съ искусствомъ, которое само по себѣ ничтожно, но въ соединеніи съ такимъ талантомъ, какимъ Богъ одарилъ Васъ, могло-бы творить чудеса еще поразительнѣе тѣхъ, какія оно творило въ соединеніи съ талантомъ Пушкина. Ваши созданія принадлежатъ не однимъ Вамъ и не одному Вашему времени, они принадлежатъ всей Украинѣ и будутъ говорить за нее вѣчно. Это даетъ мнѣ право вмѣшиваться въ семейныя дѣла вашей фантазіи и творчества. Вы можете мои замѣчанія принять и отвергнуть; по крайней мѣрѣ я исключу себя изъ общества толпы, которая восхищается Вами безусловно и восхищеніе котораго для сознающаго свое достоинство поэта должо быть такъ ничтожно, какъ „гоненье низкаго невѣжды“.—Самое мужественное изъ Вашихъ произведеній въ Кобзарѣ, самое оконченное и самое народное по складу и простотѣ есть *Тарасова ничъ* (безъ пропусковъ). Съ нею могутъ поспорить *Тополя* и *Думка*, но здѣсь исторія важное дѣло! Потомъ нужно поставить *Перебендю*,

какъ превосходную характеристику поэта вообще и украинскаго въ особенности.—Оба Ваши введенія къ Кобзарю и Гайдамакамъ, какъ-бы ни противорѣчили тому-другому, но это по новости чувствъ и рѣчи такія огненныя созданія, на которыя ни одинъ эстетикъ не осмѣлится наложить руку. Я только замѣчу, что начало введенія къ Гайдамакамъ до стиха *И про вашу долю любыла спиваты* слѣдовало-бы поставить эпилогомъ послѣ Гайдамакъ; два слѣдующіе стиха уничтожить, а начать просто: *Сыны мои Гайдамаки* и т. д.

Первая часть *Ивана Подковы* пришлась-бы введеніемъ къ *Гамаліи*; вторую-же часть нужно уничтожить, ибо въ ней и отдѣльно нѣтъ поэтическихъ красотъ (кромѣ стиха, нигдѣ Вамъ неизмѣняющаго, но, вспоминая великаго Пушкина, не щадите стиха для цѣлости созданія), а послѣ *Гамаліи* она совсѣмъ становится неинтересной. Въ посланіи *До Основъяненка* нужно исправить стихъ *на степи козачій*; къ риѳмѣ *плаче* придется и украинскій родъ: *на степу козачимъ* [1]). Далѣе вы превозносите Головатаго—лицо не очень важное и мало извѣстное народу и историкамъ:

Наша писня, наша дума
Не вмре, не загине и т. д.

Добираюсь теперь до двухъ самыхъ трудныхъ для Васъ передѣлокъ: *Катерины и Кобзаря*. Если Вы возможете пересоздать вторую половину *Катерины* совсѣмъ—да поможетъ Вамъ Богъ! Если-же нѣтъ, то ее можно усилить только исключеніями. По моему слѣдовало-бы затереть слѣдующіе стихи на стр. 45—46 отъ стиха *Правда ваша, правда люды* до стиха *Зъ Ивасемъ мандруе*. Эти стихи ослабляютъ то чувство, какое вложено въ душу читателя предыдущими. Пушкинъ въ этомъ отношеніи долженъ служить всѣмъ намъ образцомъ. Какъ только онъ тронулъ въ душѣ читателя желанную струну, тотчасъ-же оста-

[1]) Это исправленіе принято во всѣхъ послѣдующихъ изданіяхъ Кобзаря.

навливаетъ себя съ удивительной властью надъ своей фантазіей; иногда онъ только броситъ зерно въ наше сердце и отходитъ къ другимъ трудамъ, увѣренъ будучи, что собственныя наши силы его раскроютъ и возрастятъ въ мысль или образъ. На этомъ основаніи нужно исключить на стр. 48—50 отъ стиха *Люде гнутся якъ ти лозы* до стиха *Де жъ Катруся блудыть* включительно.—А слѣдующіе затѣмъ стихи написать такъ:

По-пидъ тынью Катерина
Не разъ ночувала.

Стихи, осужденные здѣсь на исключеніе, могли-бы сдѣлать честь иному поэту, но Вы, Т. Г., должны быть подобны богачу, который, наслаждаясь только лучшимъ въ яствахъ, бросаетъ то, что другіе охотно-бы съѣли. На стр. 50—56 исключить отъ стиха *Полетила, зострилася* до стиха *Що москаль клыче.* Тутъ есть нѣкоторыя частности, годящіяся къ дѣлу, но вообще эти страницы замедляютъ драматическое движеніе, потому что здѣсь нѣтъ равносильныхъ предыдущему чертъ, а словъ много. Шекспиръ такъ умѣлъ располагать заманчивѣйшія вещи въ своихъ драмахъ, что нигдѣ онѣ не навалены грудою въ ущербъ другимъ мѣстамъ, и новыя впечатлѣнія у него слѣдуютъ въ скрытомъ механизмѣ драмы со строго разсчитанною послѣдовательностію. На этомъ основывается равновѣсіе частей, цѣлость, единство впечатлѣнія и вообще гармонія во всякомъ эпическомъ и драматическомъ произведеніи.

Послѣ означеннаго пропуска нужно на стр. 57 переправить третій стихъ такъ: *Зупынылась середъ шляху.* Чтобы усилить сцену между любовниками, нужно выпустить на стр. 58 стихи 1—4 и на стр. 59 стихи 11—18, а 20-й стихъ переправить такъ

Куды-жъ ты помчався?

На стр. 62—63 Вы скажете больше, если исключите стихи 9—12 и потомъ отъ стиха *Що осталось*—? до конца главы. Глава пятая превосходна!

Теперь *Гайдамаки*. О введеніи я уже сказалъ.—На стр. 26—27 исключить отъ стиха *Выбачайте добри люде* до стиха *Що тамъ робытся*. Изъ послѣдняго стиха слово *Жидюга* должно остаться; чтобы составить полный стихъ, Вы что-нибудь прибавьте къ нему. На стр. 40—41 исключить отъ стиха *Ажъ обрыдло слухаючы* до стиха *Обнявшысь, сумуе*, на стр. 42 въ стихѣ 23 вмѣсто *въ углу* нужно напечатать *въ кутку* [1]). На стр. 50 исключить отъ начала до пѣсни Волоха; оставить только въ скобкахъ *Кобзарь спивае*. На стр. 51 уничтожить стихи 7—11; на стр. 54 уничтожить отъ начала до словъ *Ляхивъ бачыщъ ризать*. Потомъ написать такъ:

Гайдамакъ

Добре, ей-Богу, добре! Въ словахъ этого Гайдамака нужно исключить *Нехай стара въязне*. На стр. 72—74 исключить отъ стиха *Кругомъ пекло* до стиха *Гайдамаки, йде Ярема*. На стр. 78 исключить отъ стиха *А Зализнякъ гайдамакамъ* до конца страницы, потомъ уничтожить всю главу *Гупаливщина*. Повѣсть любви въ ней не развивается, а драма Коліивщины не выигрываетъ ни одной новой черты. Вамъ хотѣлось сохранить преданіе о червонцѣ Зализняка, но такія вещи нужно говорить мимоходомъ, или основать на нихъ часть драмы, а сдѣлать этотъ эпизодъ во вредъ драматическому ходу не нужно. Вообще она слаба и ее не жаль уничтожить. Освобожденіе Оксаны весьма слабо и темно. Нужно передѣлать, если можете. А мотивъ тутъ прекрасный: во 1-хъ *Шкода мужу! Старосвитська штука*; во 2-хъ противоположность веселости съ бѣдствіемъ ляховъ и мученіемъ Галайды за свою Оксану; въ 3-хъ опасенія читателя, чтобы козаки не вздумали рано идти на приступъ; въ 4-хъ *черезъ греблю повалылы*. Воспользуйтесь переходомъ черезъ греблю въ моемъ переводѣ съ польскаго, заставьте Ляховъ, не выпросившихъ пощады, рѣшиться на отчаянное предпріятіе—пробиться. Заставьте Ярему найти свою Оксану или по моему въ рукахъ Ляха, или въ пылающей крѣпости.—Это будетъ лучше.—А то

[1]) Это исправленіе тоже принято.

вѣдь замѣтьте, что въ Вашей драмѣ нѣтъ борьбы силъ: Ляхи вездѣ трусы, никакого отпора, вездѣ гибнутъ. Отъ этого читатель не сочувствуетъ торжеству побѣдителей, ибо это торжество мясниковъ, а драма Ваша кровавая бойня, отъ которой поневолѣ отворачиваешься. Вспомните стихъ: *На беззащитныя сѣдины не поднимается рука*—у кого-же? У разбойниковъ по ремеслу! Слѣдовательно, кровь здѣсь должна быть только слѣдствіемъ борьбы, а не предметомъ жажды.—Дайте побольше человѣчества Вашимъ гайдамакамъ. Посмотрите у Шекспира: одно лицо въ слѣпотѣ звѣрской ярости проливаетъ кровь своихъ враговъ, а другое говоритъ голосомъ человѣчества; иногда то же самое лицо содрогается и тѣмъ доказываетъ истину, что человѣческое начало никогда не подавляется звѣрскимъ. Постигните, Тарасъ Григорьевичъ (не въ гордости мнимаго превосходства это говорю, но въ простотѣ сердца художника-брата), соотношеніе между созданіемъ поэта и душею читателя; тогда Вы будете истинно великимъ! Не полагайтесь на природныя силы! Задача всякаго смертнаго—заслужить наслажденіе совершенствомъ. Вамъ много дано отъ природы; нужно много и потрудиться, а Вы часто впадаете въ совершенно ошибочныя мнѣнія о творчествѣ. Не однѣ книги даю я Вамъ въ руки, читайте цѣлый міръ, но пусть Ваша душа бодрствуетъ. (N. B. Для этого нужно отвергнуть многіе знакомства или лучше сказать препровожденія времени съ людьми будто-бы образованными). Но это другое дѣло. Обратимся къ Гайдамакамъ. Если Вы не возгорите желаніемъ передѣлать эту часть поэмы, то исключите по крайней мѣрѣ на стр. 86 стихи отъ 15—18; на стр. 87 отъ 2 до 5; на стр. 95—97 отъ стиха *Якъ була я молодою преподобнымею* до стиха *Да пошукай броду, броду!*; на стр. 104 исключите стихи отъ 12—23, на стр. 106—107 отъ стиха *Пекла мало! люде, люде!* до стиха *Ляглы Ляхы трупомъ*; на стр. 124 конецъ отъ стиха *Тилько часомъ у вечери.* Послѣ торжественнаго стиха *На тѣ Божа воля* никакой стихъ не годится. (N. B. Если не до ладу Вамъ покажется поставить эпилогомъ начало введенія—такъ какъ эпилогъ уже, можно сказать, есть—

то можно оставить это поэтическое мечтаніе особой думой, но въ началѣ введенія она нейдетъ ни къ дѣлу, ни къ тону).

Вотъ Вамъ голосъ человѣка, отъ всей души желающаго, чтобы Украина имѣла поэта, который-бы всему свѣту сказалъ за нее свое могучее гармоническое слово. Примете Вы его или нѣтъ, по крайней мѣрѣ надѣюсь, что Вы не усомнитесь въ благородствѣ моихъ побужденій къ строгой рецензіи Вашихъ несравненныхъ созданій и къ рѣшительному тону совѣтовъ. Прошу Васъ не уничтожать этого письма, а спрятать его такъ, чтобы оно Вамъ могло попасть въ руки лѣтъ черезъ пять, когда Вы насытитесь куреньемъ всеобщихъ похвалъ и внутренній Вашъ человѣкъ возжаждетъ иныхъ наслажденій поэтическихъ, наслажденій глубокимъ сознаніемъ красоты творчества, недоступной для публики.—Можетъ быть, тогда они наведутъ Васъ на такія мысли, которыя мнѣ никогда и не приснятся! Если-же Вы согласитесь теперь исправить *Кобзаря и Гайдамаки*, то я бы желалъ во время моего пребыванія за границею напечатать ихъ для славянскаго міра съ нѣмецкимъ переводомъ, введеніемъ и коментаріями на нѣмецкомъ языкѣ—да славится украинское имя на всѣхъ языкахъ! А Вы-бы намалевали свою персону, то и персону Вашу я-бъ штихомъ нимецькимъ изобразивъ. Гроши на изданіе я знайду, колы захоче Ник. Ивановичъ (Костомаровъ), да еще де хто, а колы ни, то отъ Вамъ козацькее слово, що своимъ коштомъ надрукую, хочъ-бы не выручивъ описля ни копійки. Якъ-же-бъ якому нимцеви продавъ, то не взявъ-бы соби й копійки, а доставывъ-бы Вамъ.

П. Кулишъ.

N. B. Я желалъ-бы, чтобы это осталось между нами, такъ чтобъ дома и не знали, какимъ образомъ явились Ваши сочиненія въ Нѣмеччинѣ!

—

Какъ отнесся-бы къ предложеннымъ поправкамъ Шевченко, если-бы это замѣчательное письмо было у него подъ рукою въ 1860 г., когда онъ выпускалъ въ свѣтъ второе изданіе Кобзаря—объ этомъ мы можетъ дѣлать однѣ догадки, но несомнѣнно, что

поэтъ вообще дорожилъ мнѣніемъ Кулиша, какъ человѣка и умнаго, и одареннаго поэтическимъ чутьемъ, который могъ иногда сказать ему правду, хотя-бы и горькую. И въ послѣдніе годы жизни Шевченка Кулишъ продолжалъ быть строгимъ пѣстуномъ его музы. „Если имѣешь хорошія произведенія—писалъ онъ поэту въ 1857 г.—пришли ко мнѣ на просмотръ, чтобы они прошли черезъ мои руки, такъ, какъ твоя поэма *Наймычка*, которую, какъ видишь, я не испортилъ“.[1]).

Сохранившіяся при дѣлѣ семь писемъ А. И. Лизогуба относятся къ самой печальной эпохѣ жизни Шевченка, эпохѣ пребыванія въ Орской крѣпости и на Аральскомъ морѣ. „Какъ жаль—писала къ поэту княгиня В. Н. Репнина отъ 20 декабря 1844 г., что Вы незнакомы съ А. И. Лизогубомъ. Съ какимъ теплымъ сочувствіемъ цѣнитъ онъ Ваши поэмы и какъ сожалѣетъ, что не знаетъ Васъ лично!“—Познакомившись въ слѣдующемъ году съ Лизогубомъ, Шевченко скоро подружился съ нимъ, часто гостилъ въ его помѣстьи, Седневѣ, и, разставаясь съ нимъ въ 1847 г., отдалъ ему на сохраненіе свою только-что оконченную поэму *Наймычка*. Узнавъ объ арестѣ Шевченка, Лизогубъ спряталъ рукопись гдѣ-то подъ стрихой, гдѣ она и пролежала до 1856 г., когда она была переслана Кулишу въ Петербургъ [2]). Когда надъ Шевченкомъ стряслась бѣда и онъ былъ сосланъ въ Орскую крѣпость по обвиненію въ политическомъ преступленіи, Лизогубъ былъ одинъ изъ тѣхъ немногихъ, которые ради страха іудейска не отвернулись отъ него и, рискуя собственнымъ положеніемъ, продолжали сноситься съ разжалованнымъ въ рядовые поэтомъ.

—

[1]) Наймычка была впервые помѣщена во второмъ томѣ Записокъ объ Южной Руси Кулиша.

[2]) Конисскій. Жизнь Шевченка стр. 474.

Письма А. И. Лизогуба.

I.

20 октября 1847.

Бувъ я сёго року у Кыеви и вельми зрадувався якъ прочытавъ Вашъ лыстъ, коханый Тарасе Григоровычу! Сажинъ давъ мени прочытать той лыстъ. Дякую Господа, що надилывъ Васъ терпинямъ. Блаженъ рабъ, его же Господь обрящетъ бдяща! недостоинъ, его же обрящетъ унывающа! Молюсь Господеви за Васъ, шобъ винъ пиддержавъ Васъ, шобъ давъ и сылу и волю несты хрестъ, хочъ дуже важкый, що Вамъ послався, безъ жалю на Господа и на людей, а кохаясь у кари, якою Васъ испытуе.—Колы выноватъ—терпы, що Богъ послався и дякуй Господа; колы здается, шо й не выноватъ, а Богъ карае, усе таки дякуй Господа; пысано бо: кого люблю, того и караю, а кара и испытаніе завсигда добро намъ суть, бо роблють насъ лучшымы, до бидныхъ мылостывымы, до терпящыхъ жалостливымы; тоди мы и самы лучче шануемось, и другыхъ больше жалуемо, и усякого чоловика за брата маемо, а колы робымось лучшымы, то й до Бога намъ блыжче, а при Бози спасеніе, мыръ и любы. Не знаю хто, а тилько хтось колысь десь пысавъ и друковавъ, а я чытавъ тожъ колысь да десь. Несчастье, каже, таке страшыло, шо мае голову свитлу якъ сонце, а ногы циповы; колы хто, страшыла злякавшысь, упаде на землю, то воно ёго ростопче своимы важкымы ногамы; колы жъ, не злякавшысь, зырне ёму въ вичи, тоди лыхо уробыться чоловикови добромъ; воно й правда. Терпить же и Вы, коханый Тарасе, и дякуйте Бога, и Богъ Васъ помылуе, дасть покій и тыхую радость сердцю, щастя на неби, и пошле прощеніе и мылость на земли. И мени, коханый друже, не безъ лыха було: ликаръ нашъ добрый Шраге казавъ, що треба моій жинци у мори купаться; отъ мы и сталы збыраться до Одессы, але зъ мая я заразъ занедужавъ, а тамъ жинка, а тамъ на малую доньку мою напала трасця, та тилько о-пивъ іюля покынула. Ото-жъ мы рушылы зъ господы 1 августа, дойихалы до

Кыева, дяка Богови здорови; у Кыеви моя доня Лызочка—Вы ій знаете—знову занедужала, а тымъ часомъ сталы розсказувать, що въ Одесси холера; изъ Кыева мы пойихалы у Яготынъ, у Яготыни жылы цилый мисяць, бо наша дытына вельмы недужа була и 5 сентября вернулась до Бога такымъ же ангеломъ, якъ и намъ дана була. Богъ давъ—Богъ и взявъ, буди имя Ёго благословенно во вики! Теперъ мы знову тягнемось у Одессу, але недалеко отъ Билои цёрквы братъ мій Илья крипко занедужавъ, да теперъ, дяка Господу, поправывсь. Важко ховаты дытя свое, але Ёго свята воля усюды и завсигда.

Въ Ёго рукахъ усе на свити
Ёго свята воля!
Нехай буде такъ якъ буде,
Така наша доля.

Якъ прыйиздывъ я у Кыевъ вже зъ Яготына, то й бачывъ Сажина; винъ мени показувавъ Вашъ лыстъ, де Вы просыте переслать до Васъ рисунки, альбомъ и ще де що, да й казавъ мени, що винъ подававъ докладну записку объ тыхъ рисункахъ, щобъ ёму ихъ отдалы, але, кажуть, ихъ немае, кудысь буцимъ воны повтикалы чы що, тилько вже нычого нема, послалы, кажуть, у Питербургъ—шукай де знаешь! Зъ того лыста я бачу, що Вамъ можно и що Вы думаете не кыдать малёвання—благо що есть; чого нема—того не найдешъ, такъ и тіеи Вашои худобы, що по лысту доправляете, але напышить мени у Одессу, колы Вамъ можно малёвать, то я зроблю що могу, щобъ Вамъ прыслать акварельни краскы. Знаете мій маленькый ящычокъ, де усе е, буде Вамъ на памъять; у мене е и пензли Шаріана, прямо зъ Парыжа, то й Вамъ пару перешлю. Напышить тилько швыдко и якъ Вамъ посылать, чы просто на Ваше имя, чы може треба посылать черезъ комынданта, то напышить, якъ ёго величають и хто винъ такый, напышить гарненько и толковно Вашъ адресъ, то я Вамъ заразъ прышлю акварели и альбомъ чистый, а тамъ колы треба и олійныи краскы. Що тилько можно Вамъ

получать, а мени посылать, скилько по сылам, усе зроблю, а до того цилую Васъ, и молюсь за Васъ. Зостанусь покы жывъ.

Щырый до Васъ Андрей Лызогубъ.

II.

Одесса 1847. 31 декабря.

Ни, я не мовчавъ, коханый друже, мій бидный Тарасе! Не дожыдаючысь вашого лыста, я пысавъ до Васъ не згадаю теперъ якого чысла, але повынно буть отъ 15 до 28 октября и у тымъ моимъ лысти дававъ Вамъ и мій адресъ у Одесси, але мени здается, що Вы того лыста не получалы—я пысавъ просто у Орскую крипость. Сёгодня я получывъ Вашъ лыстъ отъ 22 октября, его пысалы у Седневъ, а изъ Седнева мени переслалы сюды; заразъ и одвитъ готовъ. У симъ пысьми скажу Вамъ усе тее, що казавъ и у тымъ. Я знавъ, що Васъ потяглы до Питербурга, але довго не знавъ, що зъ Вамы описля зробылось. Мы съ жинкою прыйихалы у Одессу, а у Кыеви я бачывъ Сажина. Винъ мени розсказавъ, що Вы у Орскій крипости и показавъ Вашъ лыстъ до якогось незнакомого мени пана; у тымъ лысти Вы ёго просыте прыслать Вамъ полытуру и кысти и краскы, чого ёму и зробыть було не можно, бо все тее попропадало. Прыйихавшы у Ольгополь коло Балты, я до Васъ пысавъ ось-що (або хочъ не совсимъ такъ, а блызько): Молысь Богу, коханый Тарасе, Богъ тебе кара за грихи, дякуй Ёго; колы выненъ, терпы кару и дякуй Бога; колы невыненъ, терпы и дякуй Господа за испытаніе и прыймай кару Божу, мало того що съ покорностью Ёго святій воли, а ще бильшъ кохайся у гори, радуйся, що Господь Отець Нашъ Небесный учыть насъ и Господь наградыть за терпиння, за покорность, за любовъ нашу и пошле мыръ серцю и розуму и смягчыть, а може й переминыть, гнивъ на мылость. Горе, бида, напасть—се чоловикови найлучша школа; се батькивській поцилуй Бога своему творенію. Горемъ та бидою Господь очыщае насъ, прыблыжае до себе, робыть насъ лучшымы. Не жалуваться, а радуваться треба Божій

кари. Ось що я Вамъ казавъ. Господь давъ Вамъ несты хрестъ дуже важкый, несить и не журитесь и все буде добре, тилько молитесь Богу отъ серця и молитесь не объ тымъ, щобъ переставъ васъ карать, а щобъ давъ сылу и волю переносыть кару безъ ропота и жалю. И ще я до Васъ пысавъ, що колы вамъ можно малювать, то напышить гарненько адресъ и що я заразъ прышлю акварельни краскы, мій маленькый ящыщокъ, де е краскы и карандашы и все належное для малюванія. Ще пысавъ и объ соби: и мене Господь поцилувавъ якъ батько, однявъ у мене мою маленьку дочку Лызу; Вы ій знались. Але я дякую Господа за Ёго мылость. И мылость Ёго велыкая до мене тая, що Винъ давъ мени сылу перенесты мое горе безъ жалю, хочъ дуже, вельмы тяжко ховать дитей. Я сказавъ: Богъ давъ—Богъ и узявъ! Буды имья Ёго благословенно во викы! Ангела я пріявъ отъ Господа, Ангела и вернувъ Господу. Правда, дытятко сее було намъ велыкою втихою, але я не жалкую о тымъ, що вже ій нема, а дякую Господа за те, що вона у насъ була, за те, що вона, по мылосты Божои, тры года насъ радувала. Памьять намъ зосталась не горькая, а хорошая, а все таки иноди плачу, якъ згадаю про мою дытыну. Богъ простыть мои слёзы, серце часомъ не слухае розума.—Треба бъ, щобъ не тилько розумомъ, щобъ и серцемъ и душею кохатысь у Бози, радуватьса горю, тоди запевно булы бъ мы счастлывы на симъ свити и благословывъ бы насъ Господь и па тымъ. До другого разу, коханый друже, напышить, колы Вамъ чого треба; може краскы, може гроши и колы по сёму адресу, то якъ тилько зберусь, що матыму—прышлю. Княжна тоже до Васъ пысала, але выдно Вы нашыхъ лыстовъ не получалы. Да укрепыть Васъ Господь! Да дасть Вамъ сылу несты важкій хрестъ и дякувать Бога за биду серцемъ и розумомъ. Пышить до мене и пышить часто, тилько щобъ я знавъ, що Вы мои лысты получаете и що зъ Вамы дієтся, а я буду пысать до Васъ часто. Да благословыть Васъ Господь.

Щырый до Васъ Андрей Лызогубъ.

Ш.

Одесса 7 января 1848.

Лыстъ Вашъ, коханый друже, я получывъ на самисенькый Новый годъ. Превелыкая Вамъ дяка и за лыстъ и за Васъ; тилько важко на васъ дывытысь. Що маемо робыть? будемо молыться Богови—се найлучше. Якъ мени прывытать Васъ новаго года рады? Да пошле Вамъ мылосердный Богъ здоровья, бо безъ ёго и въ доли погано, а безъ доли ще гирше. Да пошле здоровья, терпиння и сылу тягты Вашу недолю, несты ій, не жалкуя, а дякувать Бога, началство слухать, товарыство любыть и жыть якъ Богъ дае, покы Богови угодно. Ось чого я молю у Господа Вамъ, коханый друже! Да послухае Спасъ нашъ мылостывый моеи гришнои, але щырои отъ серця молытвы! Дякуйте Господа и за те, що Вамъ досталось. Вамъ зосталось те, що е люде, що Васъ кохають и жалують. Хочъ недоля отъ сёго и не поменшае, а все такы трохы легче, якъ знаешъ, що е таки люде, що жалкують. Вашъ третій лыстъ отъ 22 октября я получывъ 29 декабря и одославъ 31 по адресу тамъ написанному у Оренбургъ до Лазаревского съ передачею. Вашу цыдулку до Варвары Ныколаевны (кн. Репниной)ославъ по адресу; вона хотила до Васъ пысать, якъ тилько прочула, де Вы жывете, та мабуть що небудь ій помишало. Глафыра [1]), дякувать Богу, здорова, а сестра іи Татьяна Ивановна усе нездужае, а теперъ стало ій гирше. Жыве вона у Кыеви; Цыцурынъ личыть, да все немае луче. Выдно Богу угодно, щобъ вона бидна страждала. Така Ёго свята воля, нехай такъ и буде! Я такои виры, що Богъ усе робыть къ лучшому. Важко, вельмы важко мени було, и теперъ ще плачу, якъ згадаю, якъ моя малюсенька донечка Лызочка отходыла до Бога, да страждала ажъ двое сутокъ, а тоди благодарыть Богу давъ мени сылу и розумъ дякувать Ёго за мое горе, бо не радости, а туга да недоля робыть чоловика луччимъ и сблыжае ёго до Нашого Отця Небесного. Шукавъ я книги, що Вамъ хочется. Одыссеи (пере-

[1]) Проживавшая у кн. Рѣпниной, ея другъ г-жа Псіолъ.

водъ Жуковскаго) печатнои ще нема и нихто ій ще не чытавъ опричъ Гоголя, що помянувъ у своихъ пысьмахъ. Колы покажется, то прышлю; Шекспыра найшовъ и скоро прышлю. Поджыдаю грошей зъ дому, бо тутъ зовсимъ процвындрывся, и якъ тилько роздобуду грошенятъ, то заразъ усе и куплю—и ящычокъ, и Шекспыра, и все прышлю. Вы знаете, що я не вельмы заможный, але готовъ дылытысь чимъ маю: що Вамъ треба, да колы у мене е, то зроблю. Да не скаже мени Господь у день судыща: былъ боленъ и въ темныци и не носитысте мене! Не могу носитыть персонально—прывитаю словомъ и вельмы-вельмы бъ радувавсь, якъ бы мое слово та Вамъ прыносыло покой и закрипляло бы Ваше серце на недолю. О, щаслывый бы я бувъ тоди! Будьте же здорови и пышить до мене.

Щырый до Васъ Андрей Лызогубъ.

IV

Одесса 7 февраля 1848.

Не жалкуйте на мене, коханый друже, за те, що не швыдко зполнывъ те, що вже давно пообищавъ. Сегодня ровнисенько мисяцъ, якъ я пысавъ до Васъ, дякувавъ за Вашъ лыстъ, пысавъ Вамъ, що Одыссеи Жуковського нема ще друкованои, а що Шекспыръ Кетчера е и що усе що Вамъ треба прышлю, якъ тилько зберусь зъ грошенятамы. Отъ тутъ-то и вся новына. Воли зробыть Вамъ що небудь прыгодне у мене доволи, але робыла иноди зовсимъ не мае, то Вы сее соби на усъ намотайте, та й ждить терпилыво; колы що трапытся—зроблю и прышлю; колы жъ ни—выбачайте и майте мене за найщыршого соби прыятеля. Теперъ зъ ласкы Божои що змигъ, то й посылаю, а именно ось що: Шекспыръ переводъ Кетчера 13 выпусковъ; я ихъ у дви книжкы перепливъ, бо такъ краще буде; папыру щобъ було на чымъ до мене пысать двохъ сортивъ: тонисенькои и трошкы товстои; папыру Ватмана одна десть; карандашивъ 12 и мій ящычокъ, де е уся справа; тамъ пензливъ велыкыхъ чотыры, та зъ ихъ тилько одынъ настоящій Шаріона; я ёго надпысавъ, а тры

другихъ я тутъ купывъ; воны хочъ трошкы поганши одъ Шаріона, одначе годящи, а альбома чыстого не посылаю, бо треба платыть пошлыны бильшъ, чымъ винъ самъ стоить—нехай на другый разъ, колы розжывусь. Заразъ якъ получыте сей мій лыстъ и посылку, то, розгледившы усе гарненько, мени напышить, не барючысь, чы все справно дійшло, чы не поламалось що, чы хороши пензли? Да будьте ласкави—заразъ напышить. Що сказать про себе, доброго не багато; жыву соби и дякую Господа за все; жинка моя не овси здорова; ждемо лита, може море поможе, якъ купатымется.—Я прывизъ зъ собою велыкій патретъ, що у Седневи почавъ; Вы бачылы—уся моя симья тамъ намалевана, але дорогою грунтъ облизъ—паскудне полотно попалось—да такъ облизъ, що треба кынуть; то я тилько копырую мою дочку, шо теперъ у Бога за насъ молытся, да колы можно, то ій фыгуру вырижу, та й перетягну на другу раму. Отака оказія! До другого пысьма! Я незабаромъ пысатыму, а до того нехай Богъ мылосердный Васъ шануе, жалуе, пиддержуе и сохраняе; нехай Вамъ дае здоровья и терпиння, а Вы дякуйте Ёго за все, и за радисть и за горе, и не забувайте

Щырого до Васъ Андрія Лызогуба.

V.

23 февраля, Одесса.

Позазчора одибравъ я третій лыстъ Вашъ, коханый друже, вельмы Васъ за ёго дякую, радію и хвалю Господа за те, шо Винъ Васъ пиддержуе, кохае и шануе. Кохае—скажете може—а наславъ таку годыну, у якій Вы теперъ, и нудьгу и болизнь, а я все таки кажу—кохае. Не едынъ хлибъ есть на потрибу чоловику, но и всякъ глаголъ Господень; не о единомъ тили маемо думать и трудытысь; треба и за душу мыркувать, а я вже це добре знаю, на соби бачывъ, що въ знегоди чоловикъ лучшій серцемъ, легше прощае свого ворога, швыдче помагае тому, хто помочы просыть, а колы чоловикъ душею лучшій, то й Богъ ёму блыжче; тоди винъ душу свою спасе; тымъ то й

Господь нашъ мылосердый кого жалуе, того до себе прывертае слизьмы да знегодою, и благо чоловикови тому, колы зъуміе почуть голосъ Спасытеля и колы не зъ скорбію, а зъ радостію прыме лобзаніе Господне. Зъ вашого лыста, зъ того, що Вы мени кажете про мою тугу, мени здается, що Вы нецолю свою несете якъ треба хрыстіаныну, и за цее то я дякую Господа, бо покирность Ёго святій воли е настояще щастя чоловику на земли. Объ соби скажу, що я не жалкую на Бога за те, що Винъ узявъ до себе мою Лизу, а дякую и хвалю; а пысавъ Вамъ про се у-другe, бо не знавъ, чы Вы прынялы мій першый лыстъ, напысанный у октябри. Не безъ того, що якъ згадаю про мою доньку, то и слёзы покапають, але не за ій и не за себе, а такъ соби воны лыются. За ій не жалкую, бо вона коло Бога—ій лучче, и за себе не жалкую, бо це лобзаніе Господа зробыло мене трохы луччимъ, чымъ я бувъ. Я маю галку, що Вы вже получылы мій четвертый лыстъ и справу малярську, и папиръ рисовальный и поштовый, и карандаши, и Шекспира. Про брыстольскій папиръ не згадавъ—выненъ; почекайте трохы, колы роздобудусь, то прышлю и кныгы тожъ, але не заразъ: не все то робыться, що хочешь. Тилько у однимъ Васъ завиряю—у добрій воли служить Вамъ чымъ Богъ послався. Княжны теперъ нема дома; вона йиздыла до сестры своій у Орловскую губернію; якъ вернется, то пытатыме. Вона не така, якъ тіи други, що Вы розсказуете, та и тыхъ не треба лаять. Вы пысалы, щобъ я взявъ у Сажина ваши дрибни рисунки, тилько я сёго не зроблю разъ затымъ, що я того Сажина може й не побачу, а друге за тымъ, шо винъ мени ихъ не отдасть. Жинка моя и братъ Вамъ кланяются, а я молю за Васъ Бога и остаюсь

Щырый до Васъ Андрей Лизогубъ.

Напышить, чы получылы те, що я Вамъ послався, чы не поламалось що?

VI.

7 апрѣля 1848. Одесса

Христосъ воскресе!

Симъ почну пысмивку мою до Васъ, коханый друже, да и що матыму лучшого якъ прывитаты друга цилованіемъ святымъ: Хри-

стосъ Воскресе! Наши диды добре выгадалы, що зъ симъ праздныкомъ поздравляють; сей найбильшый праздныкъ христіанамъ, не даромъ казано—великъ день! Далеби, що такъ; цей день закинчаніе жизни чоловика-Христа и початокъ Бога. За симъ днемъ уся жизнь Спаса нашого на земли лежить тропою и намъ гришнымъ; цією тропою и намъ треба шкандыбаты, шобъ у царство небесное попасты; кажу шкандыбаты, бо зъ нашымы немощамы хочъ-бы дошкандыбать до Бога. Що-жъ маемо робыты? Те саме, що робывъ Спасытель на земли: прощай ворогамъ, добро робы діющимъ тоби напасть, молысь за лютыхъ, не жены бидныхъ, не одвертайся отъ просящихъ, отъ и все. Помолымся же Господеви, шобъ давъ намъ и волю и силу усе це діять во славу имяни ёго святого, на добро людямъ, братамъ нашимъ. Дякую я вельми мылосердного Спаса нашого, що сподобавъ мене мылости хочъ трохи розигнать тугу Вашу, коханый Тарасе; радію, читаючи лысты Ваши, и молюся Богови, шобъ Винъ осинывъ Васъ своею благодатью. Аще Господь зо мною, кого убоюся? Посылаю Вамъ пысанку, трохи папиру брыстольского—малюй на здоровье, да мене згадуй! А степу безлюдного ничого лякаться, може таки и туда будутъ доходыть лысты, хочъ не такъ швыдко; абы яка чутка була. Колы вже потягнетесь на те Аральске море, то якъ можно пыльнуйте, шобъ мени дать знать, куды и якъ пысать, то я заразъ озовусь, и Варвара Николаевна тожъ. Бувай здоровъ, коханый друже, дякуй Господа и терпы, поки Ёго свята воля того схоче.

Щирый до Васъ Андрей Лизогубъ.

N. B. Теперъ посылаю 18 штукъ билои и 6 штукъ зъ одного боку жовтоватои. Напышить, чи хороше и годяще.

VII.

15 іюля 1848. Хуторъ близь Одессы.

Лыстъ Вашъ, коханый друже Тарасе, що до мене пысалы ще 9 го мая, я получивъ и цей лыстъ мене дуже зрадувавъ. Дяка Господеви Мылосердому, що Винъ змыловался надъ Вамы

и давъ Вамъ покій и покирность Его святій воли. Я казавъ: терпы, друже, и дякуй Господа, то Винъ наградыть и душу заспокоить и може гнивъ на мылость оберне. Отъ тоби поки разрѣшеніе малюваты. Одно це чого небудь да стоить. Дякуй-же Спаса нашого мылостивого, терпы, пильнуй, шануй, може Господь наградыть бильшъ за терпѣніе, може и кара, ею-же и посѣтилъ Васъ, у добро обернется, а поки що мое слово, мое щире слово побижыть за Вамы на край свита, знайде и на Раиму, и на берези Аральскаго моря и лоскотатыме во ушію твоею ридною мовою и утишатыме сердце твое щирою дружбою. Мабуть не скоро добижить до Васъ оцей мій листъ, але думка така, шо винъ добижить, и зрадіе Тарасъ, якъ почуе на степу безкраему голосъ зъ Украины. Шо объ соби сказать? Доброго мало; у Одесси холера, поситывъ Господь насъ карою за грихи наши, да буде имя Его благословенно! Але купаться у мори не можно, ликарь не велыть, то я миркую, якъ-бы швыдче до дому потягты, и колы дасть Богъ, то у ту пору, якъ цей лыстъ поспіе до Васъ на Аральске, я вже опынюсь у Седневи.—Скучавъ я безъ Седнева, тутъ усе таки на чужыни, а у Седневи якось то веселише.—Якъ тилько доберусь до господы, то зразъ напышу до Васъ, а Вы до мене напышить у Седневъ. Княжни я напышу про Васъ, що знаю; до осени воны хочуть прыйихать у Одессу; тутъ и зимоватымуть. Якъ що про ихъ прочую, або що воны мени напышуть, про все тее я й Вамъ розскажу, а поки отдаю Васъ, друже мій, на ласку Божію, нехай сохраняе Васъ и держить у своей благодати Господь нашъ І. Х., его-же милости и любви нѣсть миры, ни кинця.

Щирый до Васъ Андрей Лизогубъ.

—

А. И. Лизогубъ не ошибся, что его письмо рано или поздно, но добѣжитъ до Шевченка; оно дѣйствительно и добѣжало, но безъ малаго черезъ полтора года, ибо Шевченко получилъ его и отвѣчалъ своему другу только въ ноябрѣ 1849 г. въ Оренбургѣ, по возвращеніи своемъ изъ Аральской экспеди-

ціи [1]). Этимъ и закончилась переписка между друзьями, ибо захваченные при Оренбургскомъ обыскѣ письма Лизогуба навлекли на него гнѣвъ всемогущаго тогда шефа жандармовъ Гр. Орлова, который сдѣлалъ Лизогубу сильное личное внушеніе, послѣ чего писать къ Шевченку было уже дѣломъ рискованнымъ. (Конисск., жизнь Шевченка, стр. 565).

Къ эпохѣ Оренбургскаго обыска у Шевченка (апрѣль 1850 г.) относится интересное письмо къ Шевченку Сергѣя Левицкаго, бывшее причиной гибели талантливаго астронома, магистра Харьковскаго Университета Н. А. Головко, пустившаго себѣ пулю въ лобъ, когда его пришли арестовать [2]). Вотъ это злосчастное письмо:

С.-Петербургъ. Марта 6, 1850 г.

Оце вже и третій мисяцъ якъ мы не бачылысь зъ Вамы, мій дорогій земляче! Неначе третій рокъ тому пошовъ—такъ довге мени показалось се время. Выбачайте, будте ласкави, за те, що я до сихъ поръ не пысавъ къ Вамъ, бо мени совисно и въ руки перо узять для того шобъ сказать, шо я ще доси не бачывся ни зъ Остроградскимъ, ни зъ Чернышевымъ, въ которыхъ у каждого бувъ разъ по 5 и ни разу не застававъ дома, а мени хотилось разомъ сказать Вамъ объ усихъ, къ которымъ Вы пысалы. Да поки що скажу хочъ те, що знаю. Добравшысь до Москвы, пысьмо Ваше къ Репниной я отправывъ и пишовъ до Бодянского; насылу достукався, да вже-жъ за то якъ сказавъ, що я видъ Васъ и ще маю пысульку, то изъ ёго зробылось щось таке, якъ буцимъ винъ чуе объ брати, або объ кимъ небудь дуже блызкимъ ёго щырому серцю. Довго балакалы про Оренбургъ, якъ жыть тамъ усимъ и якъ жыть Вамъ: бидкувалы и горювалы вмисти, а описля, поговорывши якъ родычи,

---

[1]) Чалый. Жизнь Шевченка, стр. 75.

[2]) См. о немъ въ моей статьѣ «Новые матеріалы для біографіи Шевченка». (Кіевская Старина 1898 г. Мартъ).

розійшлысь, и чы зійдемось знову—святый знае. Винъ на прощанiи давъ мени билетикъ до Рѣдкина, що вмисто Даля при Перовскомъ, и той, спасибо ёму, прывитавъ добрымъ словомъ и тожъ розспрошувавъ якъ жывете Вы, да тилько мени кажется, що се вже не то що Бодянскій; видно, що воно чы боится чого, чы вже мабудь такъ набрався того кепского духу Питенбургского и дывыться якъ-бы соби гарно, а не другимъ. Бачився на дняхъ зъ Бутаковымъ, казавъ винъ мени, що начавъ дило и двынувъ бабъ за Васъ, да не знаю, каже, що буде. Багацько есть тутъ нашихъ, да кажется таки люде, що проминявъ-бы ихъ на нимця, не тилько що на хрещеного, а есть межъ ными, поки конешно знаю, одынъ—се Никóлай Алексѣевичъ Головко, магистръ математическихъ наукъ изъ Харькова. Отде справедлыва душа! Якъ зійдемось, то перве слово ёго объ Васъ. Винъ сотрудникомъ у нѣкоторыхъ журналахъ и хлопець дуже розумный; жаль тилько, шо своею правдывистью чы не наробыть того шобъ не запроторылы и ёго куды, бо вже и теперъ подъ надзоромъ полиціи. Винъ часто бувае у Остроградскаго, и я помандрую колы небудь зъ нымъ до ёго. Багацько есть тутъ такихъ, що згадують Васъ, а Головко каже, що Васъ не стало, а на мисто того стало билышъ ажъ до 1000 людей, готовыхъ стоять за все, що Вы казалы и що кажуть люде, для которыхъ правда така голосна и правдыва штука, що хочъ-бы ій казаты и при самомъ Карли Ивановичи [1]), то не спугалысь-бы. Прощавайте-же мій друже.

Вашъ Сергій.

P. S. Казалы мени, да я не вирю, що буцимъ Остроградскаго, который теперь только академикъ, не захотилы здѣшніе професcора университета, шобъ винъ бувъ ихъ товарыщъ, бо кажуть—винъ безпокойный чоловикъ.

---

[1]) Карлъ Ивановичъ Гернъ, капитанъ генеральнаго штаба, прикомандированный къ Обручеву и близкій пріятель Шевченка.

Во время кіевскаго обыска (апрѣль 1847 г.) у Шевченка въ числѣ другихъ бумагъ было отобрано шуточное посланіе поэта Забѣла, содержащее въ себѣ отвѣтъ на негодующую записку Шевченка. Объ этомъ посланіи упомянуто въ стат. Н. Бѣлозерскаго „Т. Г. Шевченко по воспоминаніямъ разныхъ лицъ“ (Кіев. Ст. 1882 г. № 10, стр. 71). Тамъ сказано, что оно находится у И. И. Бѣлозерскаго, но очевидно не въ подлинникѣ, т. к. таковой оказался въ другомъ мѣстѣ.

За шо ты лаешся, Тарасе,
Шо не найшовъ въ Борзни запасу,
Якого ты тоди бажавъ?
Самъ ты такій якъ мене лаешь.
За що?—ты може поспытаешъ.
Зате що въ хуторъ не забигъ.
Якій-же ты землякъ? якій-же ты пысака?
Неначе гнавъ тебе собака,
Боявся день подарувать,
Шобъ побувать у мене въ хати,
Шобъ писень вмисти заспиваты,
Якіи сердце намъ грызуть.
Мы-бъ на бандурци забряжчалы,
А циганчата-бъ танцювалы
Хочь-бы вже зъ лыхомъ пополамъ.
Я радъ-бы бувъ тоби якъ брату,
Якъ бы забигъ до мене въ хату,
Неначе-бъ сваху шановавъ.
Въ мене худобы дуже мало,
Да ще-бъ найшовъ горилку, сало,
Изъилы-бъ трошки, запылы
Да розсказавъ-бы де-що гарне
Про землякивъ, не иностранне,
Бо я до языкивъ не вдався.
Такъ ни! Зазнався бачъ зъ панами,
Зъ пысакамы, богатырамы,

А земляка такъ и забувъ.
Бодай тоби за сію штуку
Послалы видьмы отцю муку,
Послухай заразъ и скажу:
Борщу, варенykивъ, ковбасъ, лытивки,
Сеньги, чухони и скубрійки
Съ пивгоду шобъ не коштувавъ,
Шобъ цилый день не пывъ горилки,
Не довелось шобъ и налывки
Хочъ разъ одынъ ковтнуть на смихъ;
Да щобъ прыснылось: бужанына,
Вьюны, ласкирка и свынына
Зъ сметаною, да и зъ хринкомъ.
Оттыи щи шобъ йивъ ты русски,
Оттыи соусы хранцюзски,
Що тилько въ животи бурчять.
Лютую я на тебе друже,
Тоби-жъ дакъ може и байдуже,
Мене-жъ за сердце зачепывъ!
Ище скажу словце Тарасу:
Бида жыть въ свити безъ запасу,
Грошима люде шо зовуть;
Я-бъ ще побувъ у Питербурси
И побувавъ бы въ вашій бурси,
Що Академіей зовуть.
Побачывъ-бы тебе, Тарасе,
Того, що написавъ Торквато-Тассо [1]),
Того, що славный медальеръ [2]).
Тамъ Григоровичъ йе добрика [3]).
Да ще-бъ найшовся чоловьяга

---

[1]) Н. В. Кукольникъ.

[2]) Вѣроятно К. П. Брюлловъ.

[3]) В. И. Григоровичъ, секретарь Академіи Художествъ и близкій пріятель Шевченка.

И сердце-бъ трохи пожыло.
Тамъ Глынка той, що добре грае,
Що писень всякихъ винъ спивае,
Якъ-бы весною вси птахи.
Дакъ що-жъ робыть? Не маю доли,
Живу у свити якъ въ неволи,
Якъ пташка въ клитци, такъ и я!
Спивають пташки у неволи,
Да все не такъ якъ-бы на воли,
Що ажъ звири танцюють имъ.
Прощай! не хочу бильшъ пысаты,
Папиру бильшъ шобъ не псоваты,—
Нехай судовыки псують.

Викторъ Забѣла.

21 іюня 1844 г.

Г. Петровъ (Исторія Украинской литературы стр. 149—150), увѣряетъ, что Забѣла познакомился съ Шевченкомъ около 1846 г. Это не вѣрно, ибо уже въ 1844 г. они были на пріятельской ногѣ. Такъ какъ въ 1842 г. они еще не были знакомы (посылая въ 1842 г. Забѣлѣ свою поэму Гайдамаки, Шевченко сдѣлалъ надпись: на заочное знакомство), то остается предположить, что они познакомились въ пріѣздъ Шевченка на Украину въ 1843 г. и всего вѣроятнѣе въ Качановкѣ въ домѣ Г. С. Тарновскаго, на семейные праздники котораго съѣзжалась чуть-ли не вся Малороссія.

Н. Стороженко.

Въ началѣ реформы бурсы.

(*Изъ воспоминаній*).

I.

Первый блинъ.

Каникулы въ годъ реформы бурсы прошли тревожно: мысль о томъ, что новый учебный годъ прійдется начать уже при иныхъ, никому невѣдомыхъ условіяхъ, сама по себѣ не могла не смущать всѣхъ. Смущеніе это въ сильной степени усиливали папеньки и маменьки: первые—нескрываемой боязнью, что реформа принесетъ поблажки, и „дѣтей распустятъ", вопреки опасеніямъ самихъ дѣтей, вторыя—безконечными охами и вздохами, имѣвшими совсѣмъ другое основаніе, а именно—невольный страхъ за судьбу сынковъ, не на шутку дрожавшихъ, сами не зная почему. И нужно было начальству, отпуская своихъ питомцевъ на лѣто, не только не поселить въ нихъ розовыхъ надеждъ, но убить послѣднюю бодрость, лишить и послѣдней надежды, спѣть, что называется, въ руку достаточно уже прискучавшимъ скептикамъ.[1]) Дѣло было такъ. Препрославлен-

[1]) Скептики—бурсаки, не вѣрившіе въ благодѣтельность реформы и предупрежденные противъ нея. О нихъ говорилось въ предыдущихъ очеркахъ, съ которыми настоящій имѣетъ связь. См. «Кіевская Старина» за 1896 г. № 5 («Майскія рекреаціи въ бурсѣ») и

ный своей удивительной лѣнью господинъ[1]) ректоръ, Андрей Яковлевичъ, являвшійся въ училище разъ въ недѣлю, обыкновенно по субботамъ, съ единственной цѣлью, воспользовавшись урокомъ катехизиса, поддержать страхъ и трепетъ, нашелъ нужнымъ устроить особенно торжественный или, какъ говорили бурсаки, небывалый актъ. Послѣдній, кромѣ чтенія списка переведенныхъ, оставленныхъ, исключенныхъ, лишенныхъ казеннаго содержанія, переведенныхъ на содержаніе „полуказенное“ и т. под., заключалъ въ себѣ всего одинъ, но правда—небывалый, номеръ, такой, о которомъ воспоминаніе осталось, я думаю, у многихъ на всю послѣдующую жизнь. Этотъ ужасный номеръ была рѣчь самого Андрея Яковлевича, длинная, какъ его классическій носъ, плавная, какъ теченіе красивой Сулы, увѣренная, какъ слово искусившагося проповѣдника... „Не забывайте“, говорилъ ораторъ: „послѣ каникулъ вы явитесь уже не въ старую бурсу, и вамъ не простятъ того, что до сихъ поръ прощали! Вы явитесь...“ Но—нѣтъ: я не могу, я не въ силахъ передать всю его рѣчь: припоминаніе ея переноситъ меня въ это дальнее время, въ эту тѣсную залу, въ эту толпу печальныхъ

1898 г. № 4 («Передъ реформой бурсы»). Въ первыхъ, однако, очеркахъ авторъ имѣлъ въ виду бурсу въ уѣздномъ городѣ П—й губ. П—лѣ, а здѣсь—уѣздный городъ той-же губерніи Л—ны, захудалый и убогій 30 лѣтъ тому назадъ, живой и очень бойкій—нынѣ... Существенная разница: въ П—лѣ вовсе не было общежитія, въ Л—хъ оно было, хотя небольшое, не для всѣхъ учащихся.

Не лишнимъ считаю сдѣлать маленькое поясненіе. Нѣкоторые старые товарищи замѣтили мнѣ, что въ очеркахъ моихъ иные годы смѣшаны. Весьма возможно, и не потому только, что за 30—35 лѣтъ иное забыто, а по другой причинѣ: очерки не имѣютъ въ виду одного опредѣленнаго года; многіе факты передаются, какъ типичные, повторявшіеся и характеризующіе не одинъ годъ или мѣсяцъ жизни бурсы. Удерживается вообще періодъ реформы, которой долго ожидали, которая и вводилась долго.

[1]) «Господинъ», а не «отецъ»: въ Л—хъ ректоромъ былъ свѣтскій человѣкъ.

слушателей, на глазахъ которыхъ я вижу слезы, какъ достойнѣйшую дань непостижимому искусству оратора, и я чувствую, что не справлюсь съ непосильной задачей. Да и зачѣмъ это? Достаточно сказать, что бурсаки разошлись, повѣсивъ головы и опустивъ очи долу, точно стыдясь взглянуть въ лицо дальновиднымъ товарищамъ-скептикамъ, ничего добраго отъ этой реформы и не ожидавшимъ...

„Что будетъ?! Что будетъ?!“

Вотъ вопросъ, отвѣта на который напрасно искали бѣдные бурсаки все лѣто, вопросъ, съ которымъ оставили они бурсу послѣ достопамятнаго „акта“, съ которымъ и возвратились въ Л—ны послѣ каникулъ, проведенныхъ въ тревогѣ, достигшей особеннаго напряженія въ этотъ злосчастный, прежде веселый, переѣздъ... Почти вѣдь два дня приходится плестись на безногой кляченкѣ и два дня слушать и слушать, какъ возница-отецъ неумолкаемо твердитъ одно и тоже: реформа, реформа... новые порядки... поблажка въ томъ, что поважнѣе, и исключеніе за ничто съ казеннаго содержанія...

„Ну, та если ужъ я буду учиться и вести себя хорошо?“— недовольнымъ тономъ отбояривается сынъ, чувствующій себя уже синтактикомъ, съ которымъ нельзя же обращаться, какъ съ какой-то фарой.

— Учиться!.. знаемъ мы васъ... Осень... Сливы въ казенномъ саду поспѣваютъ. Э—э!...

И распекаемый вынужденъ замолчать: во-первыхъ, порка за кражу сливъ—самое непріятное изъ всѣхъ его воспоминаній, а во вторыхъ... во вторыхъ... какъ знать? Можетъ быть, и въ реформированной бурсѣ нельзя будетъ не полакомиться тѣми же сливами, тѣмъ болѣе, если и въ самомъ дѣлѣ поркѣ—конецъ...

Близко вечеръ. Давно уже видѣнъ монастырь: онъ все такой-же величественный, гордый, спокойный, все такъ-же стройно-величаво выходитъ изъ густой чащи лѣса и такъ-же торжественно возносится къ облакамъ... Еще часокъ—и Сула уже видна: она все такая-же свѣтлая и свѣжая, и все такъ же вьется безконечной змѣей-лентой по роскошному лугу... Городъ... Сады...

Гора... Мостъ... Странно! Рѣшительно ни въ чемъ никакой перемѣны!.. Точно сонъ какой-то эта самая реформа! Точно не касается она никого и ничего... Проѣхали мостъ, взошли пѣшкомъ на длинную гору, сѣли, проѣхали одну улицу, другую, повернули въ третью—корпусъ! Хоть-бы намекъ на перемѣну! Даже правая половина старыхъ досчатыхъ воротъ лежитъ подъ плетнемъ, какъ лежала она и до реформы...

Въ большомъ и по прежнему пустынномъ дворѣ уже расхаживаютъ раньше пріѣхавшіе бурсаки. Они встрѣчаютъ новоприбывающихъ товарищей и спѣшатъ подѣлиться уже накопившимися наблюденіями, какъ первые соглядатаи земли обѣтованной. Оказывается, что Андрей Яковлевичъ все лѣто и „носа не показывалъ“ въ корпусъ, что Демьянъ Максимовичъ, его помощникъ и фактическій хозяинъ общежитія, попрежнему, дни и ночи пропадаетъ на охотѣ, что старый Мишка ворчитъ, какъ и ворчалъ, и роется въ грядахъ своей „левады“, какъ рылся и раньше, что грязный поваръ за лѣто превратился во что-то совсѣмъ противное, а лѣнивый экономъ еще больше облѣнился...

„Однимъ словомъ: ре—фор—ма!“—зло подчеркиваетъ новоприбывшій.

— Она самая!—подтверждаютъ всѣ.

Поваръ сердито и нетерпѣливо приглашаетъ „ужинать“. Бурсаки отказываются: кто же изъ нихъ не имѣетъ еще запасовъ домашнихъ? Кстати, соглядатаи уже обѣдали и разсказываютъ поразительныя вещи: въ кухнѣ за лѣто столько развелось прусаковъ, а столовая за то же лѣто превратилась въ такой хлѣвъ, что даже самъ Осипъ, этотъ отвратительно неряшливый и никогда не обнаруживавшій брезгливости Осипъ, возмущается и съ миской борщу выходитъ во дворъ. За кухню онъ, положимъ, спокоенъ: не топилъ, ну и завелась „Пруссія“ (Осипъ—отставной солдатъ и любилъ политическія остроты); начнетъ жарить—всѣ повымрутъ, а вотъ на счетъ столовой...

— Реформа, Осипъ?—острятъ бурсаки.

— А мнѣ что? все одно!—совершенно основательно отвѣчаетъ Осипъ.

Сторожъ объявилъ, что сейчасъ запретъ „цейхаузъ“, а потому-молъ-кому нужно изъ сундуковъ, то и т. д. Это какъ будто что-то новое, а новое именно теперь всего интереснѣе. И хотя всѣ понимали, что въ дѣйствительности вниманіе сторожа могло быть скорѣе всего слѣдствіемъ законнаго желанія получить что нибудь изъ содержимаго въ сундукахъ, при открытіи которыхъ ему всегда перепадала малая толика, однако же бурсаки рады были, что называется, придраться къ случаю.

— А что приказано рано запирать?

— Та не приказано!... Кому какое дѣло?.. А тольки... Мало чиво... Въ сундукахъ нонче полно... Кто жъ будетъ отвѣчать?

— Ну, а Демьянъ Максимовичъ ревизуетъ цейхаузъ?

— А имъ што? Кушать у нихъ нѣту чиво? Вотъ дикія утки цѣлёхоньки стоятъ... какъ зажарили... Не видѣли они, думаете, вашихъ кнышовъ?

Наивное разъясненіе совершенной ненужности „ревизіи цейхауза“ развеселяетъ бурсаковъ и нѣсколько сглаживаетъ непріятное чувство: какъ ни какъ, а въ тайнѣ всѣ вѣдь ожидали, что реформа вызоветъ вниманіе начальства хоть къ тому, что заставляло несчастнаго бурсака голодать, у вовсе небрезгливаго вызывало отвращеніе и далеко неприхотливаго дѣлало капризнымъ и требовательнымъ... Чего же ожидать въ будущемъ, если даже теперь до всего „кому какое дѣло“, или—„а имъ што?“

Начался ужинъ. Въ рукахъ каждаго—аппетитныя издѣлія сердобольныхъ маменекъ, въ виду реформы наготовившихъ всего особенно обильно: Богъ его-молъ-знаетъ, что тамъ еще будетъ, такъ пусть дѣтки хоть не сразу почувствуютъ перемѣну. Разговорамъ нѣтъ конца, и всѣ они около одного и того-же вращаются, однимъ и тѣмъ-же начинаются, однимъ и тѣмъ-же кончаются. Кто-то заговорилъ объ осеннихъ походахъ за добычей. Его оборвали: не пора, положеніе дѣлъ не опредѣлилось... Кто-то предложилъ нанести вечерній визитъ Мишкѣ и, атаковавъ его, повыспросить, что можно. Поднялся смѣхъ: съ Мишкой говорить о реформѣ! Да развѣ онъ знаетъ что-нибудь, не касающееся ни

географіи, ни его левады? Послышалось дерзкое предложеніе: начать годъ жалобой на неряшливость повара. Болѣе благоразумные нашли, однако, что надо дождаться всѣхъ... Словомъ: утро мудренѣе вечера, а пока довольно и того, что могли узнать. Но человѣкъ, какъ извѣстно, только предполагаетъ, и бурсакамъ готовили совершенно неожиданный сюрпризъ... Въ ворота вошелъ Демьянъ Максимовичъ, конечно, въ высокихъ сапогахъ, венгерской курткѣ, съ ягдташемъ, ружье за плечами,—все какъ слѣдуетъ. Бурсаки скучились, сняли шапки, отвѣсили низкій поклонъ. Демьянъ Максимовичъ не обратилъ никакого вниманія даже на тѣхъ, которые прибыли въ его отсутствіе, и молча прошелъ въ корпусъ. Бурсаки переглянулись: тучи не собираются безъ причины, гдѣ-нибудь да будетъ дождь... Не прошло и пяти минутъ, какъ всѣ пріѣхавшіе были позваны „въ канцелярію". Такъ почему-то названа первая комната квартиры Демьяна Максимовича въ корпусѣ, комната, въ которой обыкновенно жили его квартиранты—ученики.

— Вы это почему до сихъ поръ не ложитесь спать?

Если бы Демьянъ Максимовичъ спросилъ такъ же сердито почему это бурсаки не сняли ни одной звѣзды съ неба, или почему не подожгли корпуса, увѣряю васъ, онъ ничуть не больше поразилъ бы ошеломленныхъ преступниковъ. И не теребя онъ въ этотъ моментъ своихъ кокетливыхъ бакенбардовъ, вопросъ его непремѣнно приняли бы за шутку, къ которой кстати же и любилъ онъ прибѣгать, когда былъ въ веселомъ расположеніи духа. Посудите сами. По достовѣрнѣйшимъ, не подлежащимъ рѣшительно никакому сомнѣнію, преданіямъ бурсы, удостовѣряемымъ, если на то пошло, даже и писаніемъ, дни до начала ученія всегда были днями полной воли, какъ бы продолженіемъ лѣтней каникулярной свободы, какъ бы... Да что говорить? Не Демьяну ли Максимовичу принадлежатъ слова, относящіяся именно къ этимъ вольнымъ днямъ: „пусть побалуются, чтобы переходъ къ училищнымъ порядкамъ не былъ такъ рѣзокъ". Въ этихъ словахъ всѣ усматривали когда-то проявленіе мудрыхъ педагогическихъ пріемовъ... и вдругъ:

„Вы это почему до сихъ поръ не ложитесь спать?“..

Чѣмъ, скажите, могли отвѣтить бурсаки, кромѣ страшнаго недоумѣнія и молчанія? Если же у кого-нибудь, болѣе впечатлительнаго, потому и менѣе сдержаннаго, недоумѣніе это проявилось, положимъ, въ нѣсколько даже непочтительной формѣ, то слѣдовало-ли придавать этому значеніе, забывъ все, все: и то, что сегодня бурсаки еще внѣ всякихъ правилъ, и то, что они не успѣли еще покончить съ ужиномъ, и то, что для этого злосчастнаго вечера они не имѣли прецедента... Можетъ быть, не удачна была охота, а можетъ быть Демьянъ Максимовичъ потерялъ табакъ и цѣлый день не курилъ,—но при чемъ тутъ бурсаки? Увы, прежде чѣмъ вытаращенные глаза наиболѣе недоумѣвавшаго успѣли достигнуть предѣловъ расширенія, его уши очутились въ охотничьихъ дланяхъ разсвирѣпѣвшаго Демьяна Максимовича.....

Когда бурсаки вышли изъ „канцеляріи“, прошли длинный и темный корридоръ, затѣмъ вошли въ узкую и тоже длинную спальню, они застали тамъ двухъ только-что пріѣхавшихъ грамматиковъ. Узнавъ отъ цейхаузнаго, что идетъ какая-то распеканція, они, полные недоумѣнія, скрылись въ первой же спальнѣ и тамъ поджидали товарищей, сгорая понятнымъ нетерпѣніемъ скорѣе узнать, что могло случиться въ такое неурочное время и года, и дня. Не сразу, однако, удалось имъ удовлетворить сильно возбужденное любопытство. Всѣ направились къ своимъ койкамъ, небрежно снимали и швыряли, куда попало, платье, иные сердито плевали, кто-то въ полъ-голоса ругался, и только синтактикъ, очевидно, меньше прочихъ ошеломленный случившимся, обратился къ грамматикамъ, стоявшимъ, смущеннымъ и ровно ничего не понимавшимъ:

— Вамъ чего? Хочется знать про реформу? Спросите Середу... Вонъ тамъ видите? уши въ порядокъ приводитъ...

Это была, разумѣется, только гипербола: уши Середы, въ сущности, пострадали не такъ сильно, чтобы безпорядокъ ихъ можно было замѣтить при свѣтѣ немилосердно коптившей керосинки.

II.

Старыя пѣсни.

Изъ писемъ старшихъ товарищей, уже семинаристовъ, бурсаки узнавали, между прочимъ, что существеннѣйшей стороной реформы должна явиться перемѣна учителей: будутъ-де назначены молодые, непремѣнно студенты, [1]) значитъ, умные и—ео ipso—гуманные... Чѣмъ-то чисто сказочнымъ отдавало отъ этихъ писемъ. Ихъ перечитывали, списывали „на память," копіи посылали роднымъ, но вѣрили имъ все-таки мало: бурсакъ слишкомъ былъ пріученъ къ опредѣленнымъ порядкамъ, чтобы въ разглагольствованіяхъ на тему объ измѣненіяхъ этихъ порядковъ такъ и увидѣлъ правду... Въ головѣ его совсѣмъ не укладывалось пониманіе возможности замѣны колотушекъ—словами ласки, ругани—мирной бесѣдой, бездѣлья—дѣломъ и т. под.; не укладывалось тѣмъ болѣе, что и колотушка, и ругань, и бездѣлье въ представленіи бурсака неизмѣнно связывались съ такими грозными представителями режима, смѣна которыхъ казалась чуть ли не равносильной упраздненію самой бурсы, какъ ни какъ, а все же своего рода единственнаго храма, хотя бы въ Л—хъ, науки. Но съ другой стороны: все таки довольно вѣскія основанія ожидать кое-чего, по крайней мѣрѣ, хоть пополненія учительской корпораціи новыми членами. Тѣмъ понятнѣе, разумѣется, общее разочарованіе, наступившее сразу, какъ только неумолимая дѣйствительность положила предѣлъ даже этимъ скромнымъ надеждамъ. Значитъ: опять однѣ нотаціи Андрея Яковлевича, опять безтолковые уроки Демьяна Максимовича; опять старыя причуды Мишки.... Ну!.. Угрожающій вздохъ незамѣтно легъ въ основу мести въ видѣ продолженія того, что, казалось, вдругъ должна была прекратить реформа. Каждый, конечно, былъ увѣренъ въ томъ, что и возмездіе со стороны

[1]) Окончившіе духовную семинарію по первому разряду.

начальства, при такихъ условіяхъ, не отольется въ иную форму, но къ возмездію бурсаку не привыкать стать. Можно было бояться раскола: иные въ самомъ дѣлѣ вообразили себя питомцами уже реформированной бурсы; но тутъ на выручку явилось одно весьма важное обстоятельство. Дошла-ли Л—ская бурса до nec plus ultra, объяснялось-ли дѣло случайностью, только дружина героевъ бурсы имѣла громадное и почти неотразимое вліяніе на всѣхъ. Не аплодировать подвигамъ членовъ этой дружины, обнаружить нежеланіе тянуться за нею, стать въ сторонѣ—значило рисковать, по меньшей мѣрѣ, своей физіономіей... Это—говорю—важное обстоятельство выработало даже совершенно оригинальный среди бурсаковъ типъ своего рода маленькихъ Одиссеевъ, замѣчательно ловко умѣвшихъ лавировать между Харибдой и Сцилой: служить нашимъ и вашимъ, Богу и Мамонѣ, дружинѣ и начальству...

Урокъ русскаго языка. Демьянъ Максимовичъ сіяетъ отъ радости. М-чъ, по прозванію „плюгавенькій“, аристократъ, бурсакъ, чисто случайный въ бурсѣ, кажется, племянникъ и „ужасный“ любимецъ самого ректора,—написалъ сочиненіе мало того что „великолѣпное,“ но вотъ самое главное—какъ разъ точь въ точь такое, какого желалъ Демьянъ Максимовичъ... Всѣ въ неудомѣніи: прозвище не дается, вѣдь, даромъ, а ученики всегда лучше учителя знаютъ силы товарищей. Въ сочиненіи былъ описанъ прудъ въ лѣтнюю ночь. Кто-то ядовито замѣтилъ, что М—чъ никогда въ своей жизни не видалъ пруда; Демьянъ Максимовичъ краснорѣчиво опровергъ, доказавъ ясно, что видѣть вовсе и не нужно было, что самъ онъ, напримѣръ, никогда не видалъ моря, однако же картина восхода солнца на морѣ такъ вотъ и стоитъ предъ нимъ, и онъ сейчасъ напишетъ цѣлую книгу объ этомъ дивномъ явленіи природы.... Кто-то сталъ увѣрять, что въ сочиненіи есть такія слова, какъ „нимфы“ и „наяды,“ которыхъ М—чъ не понимаетъ; Демьянъ Максимовичъ назвалъ возраженіе глупостью, такъ какъ „дѣло не въ томъ, понимаетъ или нѣтъ, а въ томъ—кстати ли употребилъ“... Возражавшіе получили „дурака“, одинъ очутился на колѣняхъ, сочиненіе одного

подверглось безпощадной издѣвательской критикѣ, кончившейся приказаніемъ написать „за это“ два сочиненія.... Тогда дружина приняла свои мѣры: тотчасъ послѣ урока надъ М—мъ учинила она нѣкоторое насиліе, произвела тщательный обыскъ и... о ужасъ! Найдена была черновая, писанная въ тетрадкѣ рукой кого же? самого, да—самого господина ректора!.. Эффектъ получился, разумѣется, невѣроятный, классъ необыкновенно наэлектризовался, съ М—мъ сдѣлалась почти истерика. Послышалась, однако, команда „смирно,“ и высшій судъ главарей дружины объявилъ милостивый и поучительно мотивированный приговоръ: М—чу, по этой мотивировкѣ, все прощено, какъ товарищу, который, не смотря на особое положеніе свое въ домѣ грознаго и сильнаго родственника, не взирая на шикарныя манишки и лакированные ботинки, не смотря на все это, умѣлъ слиться съ бурсой и не только никому не дѣлалъ ничего дурного, но... какой ядовитый и какъ хорошо обезпечивающій мотивъ!... но даже самъ участвовалъ въ заговорѣ противъ Мишки... О, съ какой радостью ушелъ плюгавенькій бурсачокъ домой, гдѣ, конечно, даже и случайно не проронилъ словечка о случившемся...

„Чш... чш... чш... Подлецъ!.. Подлецъ!..“

Это значило: Мишка идетъ. Его любимая, давно вошедшая въ поговорку ругательская фраза, съ которой онъ обращался къ бурсаку, не разбирая вины, сдѣлалась его же прозвищемъ. И нужно было особое со стороны бурсака благоволеніе и особенно хорошее расположеніе духа, чтобы, говоря о Мишкѣ, онъ назвалъ его хотя бы просто Мишкой, а не „чш—подлецъ“. Въ сущности, если не считать совершенно простительнаго въ то время пристрастія Михаила Матвѣевича къ наказаніямъ—ударамъ по лбу суставомъ одного только указательнаго пальца, ставленію на колѣни и сажанію въ карцеръ, „подлецомъ“ назвать его было уже слишкомъ; каждый и понималъ это прекрасно, иные даже публично каялись въ винѣ, но Мишку все-таки называли „чш—подлецомъ“, съ такимъ же правомъ, съ какимъ и Мишка обращался такъ къ ученику, поставившему ему даже самый невинный вопросъ.

„Господинъ учитель! Кто такой Гумбольдтъ?“

—Чш... подлецъ. Я тебѣ дамъ Гумбольдта!..

Скажите, на милость Божію: виноватъ-ли вопросившій, что болѣзненная подозрительность Мишки, или его „меланхоличность“, какъ объясняли бурсаки, усматривала насмѣшку даже въ вопросѣ о непонятномъ ему собственномъ имени? И удивляться-ли послѣ того корпоративнымъ продѣлкамъ бурсаковъ на урокахъ Мишки? Что могло сдержать ихъ? Одинъ страхъ, но—„на людяхъ и смерть красна,“ а полученіе щелчковъ, стояніе на колѣняхъ, сидѣніе въ карцерѣ...—да помилуйте: бываютъ положенія, при которыхъ только одни „плюгавенькіе“ не хотятъ подвергнуться тому или другому взысканію. Вотъ и сейчасъ. Перспектива взысканія, если не заманчива, то во всякомъ случаѣ и не страшна. Теперь всѣ безъ исключенія синтактики рѣшили продѣлать съ Мишкой то, до чего не додумались ихъ предшественники даже въ то время, когда о реформѣ не было еще и помину.

Каждый—по нерушимому уговору—долженъ былъ вести себя такъ, чтобы, кромѣ „чш...—подлецъ“, непремѣнно получить приказаніе стать на колѣни. Достигнуть этого было не трудно: нужно было только знать „систему“ Мишки, заключавшуюся въ простомъ знакѣ равенства между ударомъ по лбу и приказаніемъ стать на колѣни.. И то и другое слѣдовало уже послѣ „чш—подлеца“, но первое обусловливалось географической близостью провинившагося къ Мишкѣ, а второе являлось въ обратномъ случаѣ. Во время урока лбами рисковали только сидѣвшіе на первой скамьѣ, всѣ прочіе, въ случаѣ нарушенія правилъ особой, чисто Мишкинской, дисциплины, рисковали колѣнями. Ergo: первые и должны были до поры до времени сидѣть смирно. Не прошло десяти минутъ, какъ все пространство между печью, дверью, скамьями и „кахведрой“ уже было занято наказанными: стояли на колѣняхъ почти въ плотную. Странная тишина не останавливала вниманія учителя; онъ продолжалъ спрашивать вызваннаго къ доскѣ, на которой висѣла географическая карта. По „условію“, отвѣчавшій долженъ былъ,

когда все будетъ „готово“, посадить Мишку на его любимаго конька, т. е. заставить говорить о его любимой домашней птицѣ, съ которой, къ слову сказать, бурсаки продѣлывали тоже преуморительныя и препакостныя штуки. Какъ это удалось отвѣчавшему, не помню: кажется, заставилъ онъ гдѣ-то на совсѣмъ неподходящемъ мѣстѣ земного шара завестись породѣ нашихъ куръ или гусей. Этого было достаточно, чтобы заставить Мишку сперва расхохотаться, потомъ назвать отвѣчающаго дуракомъ, потомъ вытянуться на стулѣ и начать рѣчь о домашней птицѣ. Увлекся онъ до самозабвенія: сталъ говорить особенно громко, жестикулировалъ неестественно, чаще и чаще повторялъ любимое „то-то-то,“ топалъ ногами.... Какъ вдругъ... О, если бы мнѣ перо Грима, или Андерсена!.. Какъ вдругъ дверцы печки безшумно открылись, и классъ наполнился голубями, воробьями, крысами, мышами, лягушками.... Читатель не вѣритъ: ему кажется это положительно невѣроятнымъ? Успокою его откровеннымъ сознаніемъ, что и мнѣ самому это кажется столь же невѣроятнымъ; больше того: кажется иной разъ фактомъ только потому, что подобная глупость не могла бы никому присниться... Увы! Это было точь въ точь, какъ разсказано, и въ живыхъ найдутся авторы этой фантастической траги-комедіи; они развѣ внесутъ только одну поправку: не ручаюсь, весьма возможно, что мною пропущенъ тотъ или другой представитель дворовой фауны. И такъ, говорю, классъ наполнился всякой живностью. Голуби и воробьи тревожно ударились въ окно; сперва обрадовавшись, а вслѣдъ за тѣмъ и перепугавшись, крысы и мыши разбѣжались по классу, ища выхода; лягушки вывалились на полъ и оставались неподвижны, почувствовавъ подъ собою неудобную почву... Стоявшіе на колѣняхъ, разумѣется, „страшно перепугались“ вскочили на скамьи и окна, одинъ взобрался даже на „кахведру“, а совершенно растерявшійся Мишка инстинктивно бросился къ выходу, и только тогда, когда увидѣлъ, что дверь предупредительно заперта снаружи, повернулся къ классу, нервно затопалъ ногами и почти сквозь слезы произнесъ: „чш... подлецы!“ Отсюда пошло въ бурсѣ одно преданіе, а именно—о томъ, какъ

Мишка научился «чш—подлецъ» склонять во множественномъ числѣ...

Разсказанное произошло въ пятницу, и всѣ были, разумѣется, крайне заинтересованы: что скажетъ завтра господинъ ректоръ? Мишки онъ не долюбливаетъ: когда, годъ тому назадъ, услыхалъ онъ, что Михайло Матвѣевичъ вынулъ изъ кармана пальто вмѣсто носового платка воробьиное гнѣздо съ только что народившимися птенцами, онъ не только хохоталъ до упаду, но и изрекъ что-то вродѣ «по дѣломъ ему». Все это такъ, но... то было иное время: вѣдь теперь въ сущности Андрей Яковлевичъ и «ректоромъ» зовется по старой памяти, а по настоящему же онъ просто „смотритель", и отставка его возможна, и семинарія стала внимательнѣе. Съ другой стороны: что онъ и сдѣлать можетъ? Всѣхъ не выгонитъ; порка общая едва-ли мыслима, изгнаніе коноводовъ рискованно. Реформа-ли виновата, личное-ли нерасположеніе Андрея Яковлевича къ Мишкѣ, необычайное-ли остроуміе бурсаковъ, только къ вечеру того же дня стало извѣстно, что утренняя исторія оставляется безъ послѣдствій: всѣ посмѣялись и—дѣлу конецъ. Такъ продолжали бурсаки пѣть старыя пѣсни или, говоря точнѣе, допѣвать ихъ. Въ самомъ дѣлѣ, сквозь смѣхъ участниковъ всевозможныхъ продѣлокъ слышались уже своего рода слезы, и нѣчто все-таки „новое" больше и больше давало себя чувствовать. Вотъ хоть бы и эта невѣроятная исторія съ дворовой фауной: вызови она порку, и повтореніе ея не заставило бы себя долго ждать; а между тѣмъ невѣроятное, какъ сама исторія, оставленіе ея безъ послѣдствій, больше того—безъ вниманія, на многихъ подѣйствовало положительно удручающе, и автору этихъ строкъ памятны мнѣнія иныхъ бурсаковъ: „дурачье!" „Ей-Богу, все открылъ бы, если-бъ спросили".—„Что за глупости?"... и т. под. Замѣчу кстати: говоря, что исторія оставлена „даже безъ вниманія", я не считаю „вниманіемъ" внушенія, выговоровъ, потоковъ краснорѣчія Андрея Яковлевича. И вы понимаете, конечно, почему не считаю: дѣло касается того еще момента, когда „вниманіемъ" начальства называлась, по меньшей мѣрѣ, порка, а слѣдовательно ничто другое не могло явиться ея замѣной,—переходъ

слишкомъ тонкій къ чему-то новому... Замѣчу и другое: осуждавшіе продѣлку не были вполнѣ искренни, попросту—врали, ибо не только по добру по здорову, но и подъ розгой они все же не назвали-бы виновныхъ: первое дѣло—и сами участвовали, а второе и самое главное—еще жилъ страхъ дружины, какъ послѣднихъ остатковъ старой бурсы...

III.

Изъ послѣднихъ подвиговъ.

Я сказалъ уже, что дружина героевъ бурсы имѣла весьма сильное на всѣхъ вліяніе. Въ Л—ской бурсѣ дружина эта не была особенно велика, но мѣстныя условія были самыя благопріятныя и для образованія дружины, и для ея подвиговъ. Въ г. П—лѣ, положимъ, долгое время находилась семинарія, и фары, грамматики, синтактики,—весь составъ низшей бурсы,—постоянно могли имѣть передъ собой живые примѣры, свои идеалы: это, конечно, дѣйствовало, какъ прекрасное въ своемъ родѣ воспитательное орудіе. Но съ другой стороны — герои низшей П—ской бурсы невольно попадали въ положеніе тѣхъ деревьевъ, которыхъ—по пословицѣ—не видно за лѣсомъ: на нихъ гораздо меньше смотрѣли со стороны, чѣмъ на героевъ семинаристовъ, ими меньше интересовались, ихъ меньше одобряли обыватели, они были, слѣдовательно, лишены очень важнаго условія для выработки истиннаго бурсацкаго героизма... Лишь послѣ перевода семинаріи въ губернскій городъ, оставшіеся синтактики явились въ П—лѣ единственными въ своемъ родѣ и могли отчасти проявить себя; они и стали, было, проявлять, но... наступила реформа и послышалась команда: „стопъ!“ Въ Л—хъ было иначе: герои низшей бурсы воспитывались, правда, не на примѣрахъ, а на разсказахъ о подвигахъ семинаристовъ, зато все прочее было, несомнѣнно, на ихъ сторонѣ: не говоря уже о томъ, что и разсказы-то, всегда полные гипер-

болизма и гораздо болѣе фантастичные, чѣмъ дѣйствительность, должны были дѣйствовать подъ-часъ не слабѣе примѣровъ; но „общественное мнѣніе", всеобщее вниманіе не отвлекалось рѣшительно никѣмъ и ничѣмъ... А условія мѣстныя? Корпусъ—почти за городомъ. Къ громадному училищному двору примыкали: съ одной стороны—безконечное поле, а съ другой—непроходимый лѣсъ, отдѣленный отъ двора такимъ глубокимъ провальемъ, которое даже иному бурсаку внушало невольный страхъ... Въ свободные отъ занятій дни и часы бурсаки исчезали, и лишь изрѣдка и съ трудомъ можно было услышать ихъ пѣсни да громкое перекликаніе въ дали степи или въ глубинѣ лѣса. Тамъ-то создавались ихъ необычайные по смѣлости и оригинальности планы, оттуда приносились въ бурсу рѣшенія, туда направлялось все, что требовало свободнаго сужденія и что боялось даже дремлющаго ока начальства.

Во главѣ дружины въ изображаемую эпоху стоялъ Махводъ. Что это за удивительный былъ типъ бурсака! Обладая превосходными способностями, онъ, однако, остается вѣренъ традиціямъ бурсы, всегда по своему направлявшей и способности, и прилежаніе. Книжка существуетъ для него лишь настолько, насколько отдаленность отъ нея можетъ вызвать нежелательныя лично для Махвода послѣдствія, считая таковыми увольненіе изъ училища или оставленіе въ томъ-же классѣ на третій курсъ, но отнюдь не пустое взысканіе въ видѣ хотя-бы горячаго компресса. Идея товарищества развита въ немъ въ высокой степени, и будь направлена она на что-либо путное, его имя долго жило-бы, какъ живутъ имена дѣятелей покрупнѣе и пошире. Правда, у Махвода были большіе задатки деспотизма, но вольно-же другимъ проявлять слабость, податливость, покорность? И за нимъ шли всѣ немногочисленные дружинники, его боялись плюгавенькіе, ему почтительно давали дорогу даже сильнѣйшіе его физически: сила—силой, но одинъ не воинъ въ полѣ, а за Махводомъ—не одинъ сорванецъ, готовый въ огонь и воду. Полные молодыхъ силъ, они не знали, куда приложить эти силы, и одинъ планъ дѣйствій смѣнялся другимъ, одна

продѣлка уступала мѣсто другой. Никому и въ голову не приходило подвергнуть критикѣ то или другое дѣйствіе, ту или другую продѣлку: все казалось совершенно нормальнымъ, и каждый только ждалъ съ нетерпѣніемъ вечера, чтобы услышать нѣчто новое и, конечно, интересное.

Вечеръ. Въ кучѣ бурсаковъ, корпусныхъ и квартирныхъ, замѣтно большое оживленіе: слышится хохотъ, одобреніе, удивленіе. Что случилось? Махводъ разбилъ цѣлое полчище жидовъ. Послѣдніе, извольте видѣть, были обложены своеобразной контрибуціей: вопервыхъ, они не должны были мѣшать Махводу, или его уполномоченнымъ, ежедневно выдоить одну козу и воспользоваться ея молокомъ; а во-вторыхъ, при встрѣчѣ лично съ Махводомъ должны были снимать шапку, т. е., употребляя военный терминъ дружины, игравшей роль своего рода завоевателей, отдавать ему честь—„тимѝ“ [1]). Всѣ евреи въ предѣлахъ названной области, особенно же левады, гдѣ имѣли они несчастіе пасти своихъ козъ, должны были знать этотъ пароль и безропотно снимать шапки. Надоѣло это евреямъ, и рѣшили они показать свое право не подчиняться требованію. Явилась цѣлая толпа сыновъ Израиля. Уполномоченный доить козу былъ прогнанъ ими безъ всякой „тимѝ“; парламентеру „наклали“; вѣстника объ угрожающемъ приходѣ самого Махвода выдрали за уши... Въ толпу ринулся тогда самъ Махводъ съ орудіемъ, кажется, Самсона, и... вышелъ побѣдителемъ, по крайней мѣрѣ, сегодня: что будетъ завтра—неизвѣстно, ибо проклятые жиды не перестаютъ поджидать Демьяна Максимовича, пропадающаго весь день на охотѣ...

Въ преданіяхъ Л—ой бурсы долго хранился разсказъ и о дальнѣйшемъ. Жидки такъ и не дождались инспектора, а на другой день Махводъ образовалъ уже цѣлое войско, съ которымъ и направился усмирять мятежниковъ. Оказалось, что усмирять было некого: мятежники сами назначили дни перемирія и вовсе не показывались на левадѣ, а начальству все-таки

---

[1]) Греческое слово—честь.

о подвигѣ Махвода донесли, и „войско“ предстало предъ грозныя очи не только младшаго, но, кажется, и старшаго начальства.

„Ну, покажи, какъ ты требуешь „тими?“

Махводъ молчитъ. Толпа бурсаковъ сострадательно смотритъ и ободряетъ шопотомъ.

„Долго ты еще будешь штукарить“?

Начальство, какъ видите, говорило иногда съ бурсаками языкомъ послѣднихъ. Махводъ продолжаетъ упорно молчать.

„Розги!“

Чего ждали, то и получается, а ждали вотъ чего: дѣло касалось Махвода, такъ какой-же, хотя-бы и довѣреннѣйшій, сторожъ не открылъ-бы тайны? Больше того: розга ослабѣла, къ ней прибѣгаютъ уже рѣдко, ею больше угрожаютъ по старой привычкѣ, слѣдовательно, можно и свести ее на одну формальность, умѣючи выбрать вѣтви и т. под. И не особенно „страшныя“ розги явились.

„Раздѣвайся!“

Махводъ молчитъ.

„Ну?“

— Не могу...

„Что—о—о? Почему?“

— У меня заперто, а ключъ потерялъ...

И Махводъ отворотилъ полы нанковаго сюртука, обнаруживая запертыя на громадный замокъ брюки. Раздался громкій хохотъ. Шутка для всѣхъ была неожиданностью. Самъ ректоръ хохоталъ, какъ дуракъ, но, боясь, чтобы въ самомъ дѣлѣ таковымъ не сочли его всѣ окружающіе, послалъ „дурака“ Махводу и ушелъ въ учительскую, гдѣ, говорятъ, продолжалъ хохотать до слезъ. Тѣмъ и кончилась экзекуція, прибавившая въ лавровый вѣнокъ Махвода еще одинъ листочекъ, а бурсаки во всемъ этомъ не безъ основанія увидали перстъ реформы, все благодѣтельнѣе и благодѣтельнѣе проявлявшейся...

Осень. Къ вечеру. Грязный Осипъ усердно маслитъ свою лысую голову отвратительнымъ рижейнымъ масломъ, вытирая

руки о грязные сапоги, чтобы ни одна, значитъ, капля масла не пропала даромъ. Бурсаки привыкли къ подобнымъ картинамъ, отворачиваются и только вскользь касаются ихъ.

„Мажь, мажь, Осипъ: ѣсть все равно не будемъ“...

— Не бу—де—те?.. Нѣшто параванское получили изъ Питербурха?

„Нѣтъ: сливочное“...

— Понимаю. Ну што-жъ? Оставимъ на завтра.

Разговоръ, съ потугами на остроты, прекращается: и Осипъ, и бурсаки другъ друга отлично понимаютъ. Это значитъ, что дружина, по-просту говоря, обокрала „казенный“, давно кѣмъ-то заарендованный садъ, наполнила сундуки прекрасными яблоками, сливами и на нѣсколько дней обезпечила себя и всѣхъ корпусныхъ голодающихъ. Нашествіе на казенный садъ прошло благополучно: были у самой бѣды, но, благодаря все тому-же Махводу, остались цѣлы и невредимы. А дѣло было вотъ какъ. Всѣ полѣзли на деревья и спокойно снимали яблоки, груши, сливы. Сторожа не заставили себя долго ждать: ихъ явилось нѣсколько человѣкъ. По плану Махвода, всѣ бурсаки должны были безпрекословно сдаться, возвративъ собранные фрукты и лишь выговоривъ себѣ право безнаказанно уйти, а въ крайнемъ случаѣ оставить ту или другую принадлежность костюма. Глупые сторожа легко поддались, не допуская никакого злого умысла, и согласились даже ограничиться только фруктами да ничтожнымъ откупомъ въ видѣ брошенныхъ на условленное мѣсто мѣдныхъ монетъ. Чтобы бурсаки не обманули, каждый сторожъ долженъ былъ только подойти къ дереву и все получить изъ рукъ бурсака, пока послѣдній еще не слѣзъ на землю: вѣдь, бурсаковъ все-же больше, чѣмъ сторожей, могутъ улизнуть. Сказано—сдѣлано. Каково-же было пораженіе сторожей, когда разыгралась неожиданная траги-комедія! Не успѣли они занять позиціи у деревьевъ, какъ глаза каждаго оказались засыпанными ѣдкимъ сыпучимъ пескомъ... Вырвался у всѣхъ болѣзненный крикъ, послышались проклятія, но имъ вторилъ только безжалостно-веселый хохотъ бурсаковъ

которые преблагополучно спрыгивали на землю и удирали изъ сада съ нетронутымъ запасомъ фруктовъ, въ ненарушенныхъ костюмахъ и даже съ подобранными мѣдными монетами...

„Это уже гадость, безчеловѣчіе," возмущался Демьянъ Максимовичъ, когда арендаторъ сада грозилъ чуть-ли не искомъ за искалѣченіе сторожей, „и знай я, кто это..."

Но знать было трудно: Махводъ и наиболѣе подозрѣваемые легко доказали, что вчера даже со двора не выходили, и какъ разъ въ то время, когда „это случилось," ужинали и учились, что подтвердили и Осипъ, и всѣ товарищи. .

Но не всегда бурсаки тратили свои силы на подобныя дѣла. Иногда скука давала себя чувствовать: евреи покорно снимали шапки, фруктовъ нѣтъ, дома все уже перечудили, издѣваться надъ Мишкой надоѣло... Тогда они находили другое „дѣло". Вотъ они поставили себѣ цѣлью, напримѣръ, „валяніе скалъ". Провалье, о которомъ я упомянулъ выше, представляло собою какое-то точно заколдованное мѣсто: необыкновенно глубокое, въ иныхъ мѣстахъ заросшее берестнякомъ, всегда темное, оно имѣло къ себѣ доступъ только со стороны лѣса, и очень часто случалось слышать въ немъ вой волковъ... Съ училищнымъ дворомъ оно соединялось узенькой тропиночкой, искусственно сдѣланной подъ стѣной сосѣдняго высоко подымавшагося сада. Перейти въ лѣсъ по этой тропинкѣ опасно было и въ сухое время года, а малѣйшій дождь дѣлалъ ее рѣшительно непроходимой: даже собаки срывались и летѣли въ провалье, неудачно конкурируя съ бурсаками... Расширяясь и расширяясь вслѣдствіе обваловъ, провалье это образовывало массу „скалъ," державшихся нерѣдко только благодаря корнямъ деревьевъ. „Валяніемъ" этихъ-то „скалъ" и занимались иногда бурсаки... Для чего? Съ какой цѣлью? И теперь, черезъ 30 лѣтъ, у меня волосы встаютъ на головѣ, когда я вспомню, какимъ невѣроятнымъ опасностямъ подвергались юноши, а въ подражаніе имъ и дѣти. И какъ знать? Быть можетъ, не одинъ изъ нихъ впослѣдствіи ломалъ голову надъ вопросомъ: откуда у него развитіе того или другого дефекта въ организмѣ? Но

мы знаемъ только тѣхъ, которые не ломаютъ головы надъ вопросомъ объ испорченной карьерѣ, не видя связи между ею и тратой силъ на „валяніе скалъ“... „Этихъ дураковъ самъ Богъ хранитъ и спасаетъ“, говорили сосѣди, видя одинаково страшный и одинаково безплодный рискъ, какому подвергали себя бурсаки.

„Ну, пусть уже Махводъ“, говорила часто своимъ квартирантамъ сердобольная хозяйка: „ему головы не жалко... а то и вы туда-же! Вотъ, ей-Богу, не стану держать на квартирѣ!.. Что это за новости? Когда-нибудь несчастье“...

Но, говорю, молодыя силы искали для себя приложенія, а изъ четырекъ грамматикъ [1]) ни одна не могла удовлетворить ихъ; что же было дѣлать? Въ П—лѣ бурсаки шли на „кулачки“, но въ Л—хъ этотъ спортъ нашелъ мало благодарную почву. А между тѣмъ господинъ ректоръ продолжалъ являться только по субботамъ, господинъ инспекторъ продолжалъ пропадать по цѣлымъ днямъ и даже недѣлямъ на охотѣ, Мишка продолжалъ чудить... Удивительно, какъ еще не явилось желаніе заняться валяніемъ не „скалъ“, а колонъ корпуса или стѣнъ его.

Вотъ на что ухлопывались силы, вотъ какъ спеціализировались способности бурсаковъ даже въ то время, когда бурса de jure считалась уже преобразованной. Понятно, что при такихъ условіяхъ, реформа должна была долго вызывать одни сомнѣнія. Брешь пробивалась слишкомъ медленно. Сначала хоть много говорили, а потомъ и говорить перестали: поплыли по теченію, которое, къ счастію, само хоть и едва замѣтно, но измѣнялось и измѣнялось, и разсказанные подвиги бурсаковъ были уже послѣдними изъ достойныхъ этого названія...

IV.

Безпризорные.

Въ доброе старое время бурсаки вообще не знали другого надзора, кромѣ учительскаго. Пожалуй, квартирныя хозяйки,

---

[1]) Русская, латинская, греческая, славянская.

уполномоченныя батюшками да маменьками, имѣли нѣкоторое значеніе, и то для фаръ, отчасти лишь для грамматиковъ. Дежурные „старшіе“ играли роль ничтожную. Однако, всѣ вмѣстѣ—и учителя, и хозяйки, и старшіе—составляли кое-что, и назвать, напр., П—скихъ бурсаковъ безпризорными нельзя было, не допустивъ преувеличенія. Даже синтактикъ, совершенно игнорировавшій хозяйку, въ нуждѣ прибѣгалъ къ ней, а въ болѣзни пользовался такимъ съ ея стороны уходомъ, какого иной, пожалуй, не могъ бы имѣть и дома. И учителей въ П—лѣ было больше, и общежитія не было... Бѣдная Л—ская бурса въ этомъ отношеніи не пользовалась никакими благами: квартиръ было мало, объ учителяхъ уже сказано... Какой-же разговоръ могъ быть о призорѣ? И полная безпризорность, несомнѣнно, была также не послѣдней причиной и продѣлокъ бурсаковъ, и всѣхъ ихъ похожденій, и даже большихъ несчастій...

—

„На мѣсто!—Чего торчите?“

— Съ Шма—мъ началось...

И учитель, привыкшій къ подобнымъ заявленіямъ, преспокойно подходитъ къ окну или возвращается въ корридоръ и ждетъ, пока ему скажутъ, что—молъ—„уже кончилось“. А началось“ и продолжалось добрыхъ десять минутъ нѣчто такое ужасное, о чемъ и теперь тяжело и больно вспоминать. Шма—скій страдалъ, кажется, падучей; бурсаки обыкновенно называли его болѣзнь „пляской“, не прибавляя для краткости имени Вита. Падучая-ли это была дѣйствительно, иные-ли припадки—не знаю, но только въ одной Л—ской бурсѣ подобное могло чуть-ли не считаться нормальнымъ порядкомъ. Вонъ этотъ несчастный на послѣдней скамьѣ, у самой стѣны. Глаза его сдѣлались зелеными и начинаютъ выпучиваться—кажется, вотъ-вотъ вылѣзутъ на лобъ; руки, особенно пальцы, невѣроятно корчатся; лицо дѣлается мертвенно-блѣднымъ; изъ груди слышенъ точно предсмертный хрипъ; клубы пѣны заливаютъ все—и платье, и скамью... Слышатся какія-то безсвязныя слова больного... Кто-то изъ бурсаковъ отпустилъ глупую остроту, комментируя его бредъ... Сосѣди спѣшатъ убрать книги и те-

тради... Не многіе вышли изъ класса... Но припадокъ окончился; Шма—скій, всегда здоровый и цвѣтущій съ виду, успокоился и тяжело-тяжело дышетъ, а лицо его выдаетъ страшные слѣды перенесеннаго страданія...

„Что-то ужъ больно часто это съ тобой стало повторяться“—жестко говоритъ Демьянъ Максимовичъ, проявляя такъ свое, какъ ему кажется, состраданіе къ несчастному... Бѣдный Шма—скій дальше уѣздной бурсы, разумѣется, и не пошелъ, да едва-ли могъ-бы пойти: не въ ученьи онъ нуждался...

—

Ночь. Кто-то выходилъ и, вернувшись, разбудилъ всѣхъ печальной новостью: „Нечаевъ умеръ“! Одни только удивились, другіе и удивленія особеннаго не выразили, иные, однако, заплакали. О, какая это въ самомъ дѣлѣ грустная строчка изъ жизни Л—ской бурсы! Юноша, подававшій блестящія надежды, физически здоровый, по уму стоявшій выше учителей... Какъ онъ писалъ! Какъ зналъ всѣ предметы! Сколько читалъ! И напрасно учителя гордились имъ: кому-кому, а учителямъ-то онъ былъ обязанъ развѣ только преждевременной смертью. Вѣдь, онъ переводилъ Цицерона въ то время, когда въ классѣ еще не окончили спряженій латинскихъ; онъ читалъ книги, о существованіи которыхъ иные учителя и не подозрѣвали; онъ превосходно писалъ и цитировалъ поэтовъ, которые извѣстны были учителямъ только по имени... Чѣмъ онъ заболѣлъ—никто не зналъ: простудился-ли и не могъ на сквозникахъ залы и корридора бурсы освободиться отъ простуды, получилъ-ли катарръ желудка и не могъ излѣчить его кулешемъ на рижейномъ маслѣ, переутомился-ли и не могъ окрѣпнуть, проводя безсонныя ночи за работой,—не все-ли равно? Никто не интересовался его здоровьемъ, пока не обнаружилось, что его нельзя уже держать въ общей спальнѣ, а такъ какъ больницы своей не было, и назначенная для нея комната пошла подъ карцеръ, то Нечаева отправили въ богоугодное заведеніе, гдѣ онъ и умеръ. Многіе товарищи искренно любили покойнаго и остатокъ ночи провели въ... мертвецкой городской больницы. Согласитесь, это была достойная дань товарищу.

—

„Демьянъ Максимовичъ! Ко—ро—ста...“

— Ко—ро—ста... Мужичье!.. Какая „короста“?

„Чесотка...“

— А ты не лазь по провальямъ...

„Я не виноватъ... я заразился...“

— Гадость этакая...

Но заявленіе уже не первое, и безъ мѣръ обойтись нельзя. Велѣно было освободить и очистить комнату, дать „больницѣ“ ея назначеніе, помѣстить туда всѣхъ зараженныхъ и снабдить ихъ, по указанію фельдшера, медикаментами. Запахъ сѣры и дегтя понесся по корпусу...

„Демьянъ Максимовичъ! Они затягиваютъ...“

— Кто они?

„Ко—рост... Че—со—точные...“

— Это что еще за новости?

Въ сущности, если это и было ново, то только для одного инспекторскаго надзора: нельзя-же, находясь за десять верстъ отъ города на охотѣ, знать, что дѣлается въ „странѣ прокаженныхъ“. А дѣлалось въ этихъ палестинахъ вотъ что. Въ числѣ „прокаженныхъ“ были и дружинники. Послѣднихъ томила скука, и у нихъ явилась геніальная мысль: увеличить число „изолированныхъ“. И вотъ они подстерегаютъ проходящихъ мимо двери, силой тащатъ его въ „больницу“ и тамъ „крестятъ“, погружая несчастнаго въ купель смрада и вони, говоря проще, заражая его умышленнымъ прикосновеніемъ рукъ, полныхъ если не опаснаго для жизни, то отвратительнаго яда...

—

„Идемъ на охоту.“

— А порохъ гдѣ?

„Осипъ дастъ“...

— За сколько?

„За всѣ латинскія“.

Конспиративный разговоръ этотъ обозначалъ слѣдующее. Денегъ у бурсаковъ не было, а старое ружье, маленькаго калибра, было. Подражать начальству такъ естественно! Гдѣ взять пороху? Осипъ и создалъ особый видъ торговли: за

одинъ—два заряда пороху онъ бралъ кучу старыхъ тетрадей. Что онъ дѣлалъ съ бумагой—не извѣстно, но, вѣроятно, мѣна была не невыгодная, иначе не производилась-бы она охотно. Зарядъ давался маленькій, правда, но это дѣлалось или изъ предосторожности, или-же въ увѣренности, что изъ такого ружья все-равно ничего не убьешь. Если, однако, у Осипа было и послѣднее соображеніе, то такового никакъ нельзя было назвать вполнѣ правильнымъ: ружье, положимъ, очень плохое, стволъ трижды запаянъ, но во всякомъ случаѣ владѣльцу его всегда возможно было самого себя отправить ad patres. Никто, кромѣ бурсаковъ, и то не всѣхъ, объ этомъ не зналъ, и благополучный исходъ покупался только счастіемъ безпризорныхъ.

—

Іюнь. Всѣ разъѣхались. Въ корпусѣ—полный каникулярный безпорядокъ. Въ пустомъ коррридорѣ свободно разгуливаютъ собаки, единственные свидѣтели того, что совершается въ одной изъ пустыхъ спаленъ. На грязномъ, полномъ клоповъ матрацѣ лежитъ больной. Онъ только-что „кончилъ курсъ“. Экзамены прошли благополучно, и семинарія улыбается ему. Какъ случилось, что къ концу экзаменовъ слегъ онъ въ горячкѣ—не извѣстно, но слегъ: сильнѣйшій жаръ, частый бредъ, все пьетъ воду, обильно заготовленную на весь день, благо „посуда слабодна“; ничего не ѣстъ. Въ минуты сознанія онъ горько плачетъ; не отъ радости-ли? Вѣдь самъ Демьянъ Максимовичъ зашелъ и ободрялъ совѣтомъ „потерпѣть—скоро-де должны пріѣхать или прислать подводу...“ Но дни идутъ, а все не легче, и подвода все не является... Особенно тяжелы ночи, длинныя, не смотря на лѣто, тоскливыя... Въ одну изъ такихъ ночей больному какъ-то особенно отчетливо представилась его живописная родина: вся Остаповка потонула въ зелени... слышатся пѣсни косарей... съѣзжаются братья... мать покончила съ запасомъ провіанта на каникулы... не забыла она ничего, даже о лишнихъ постеляхъ подумала... Почему-же о немъ точно забыла и она, и всѣ? Э, да не забыли вовсе: просто ждутъ случая, чтобы дешевле было, а то подводчикъ занятъ,

или не знаютъ навѣрное, когда „роспускъ“... А хорошо тамъ!.. И больной принимаетъ безумное рѣшеніе. Чуть свѣтъ онъ встаетъ, одѣвается. Удивительно: откуда силы, бодрость, точно выздоровѣлъ,—не потому-ли и болѣнь онъ, что лежалъ? Роется въ сундукѣ: полученныя за кондицію и предназначенныя было уже для семинаріи деньги всѣ цѣлы,—за вычетомъ обѣщаннаго служителю, остается гораздо больше двухъ рублей. Болѣзненно-бодрымъ шагомъ направляется онъ на базаръ и тамъ договариваетъ перваго попавшагося мужика отвезти его въ О—ку: недалеко, вѣдь, а день теперь длинный, и полъ-сотни верстъ можно проѣхать въ одинъ день, но, въ крайности, ночлегъ... Мужикъ попался такой сговорчивый, добрый, сострадательный: если нужно, онъ готовъ даже сказать инспектору, что онъ и присланъ изъ О—ки... Увидѣвъ въ окно, что больной подъѣзжаетъ къ корпусу на телѣгѣ, Демьянъ Максимовичъ и удивился, и точно обрадовался.

„А!.. Значитъ, тебѣ лучше?.. И подвода пріѣхала—ну, вотъ видишь... Съ Богомъ!.. Смотри же, хохландія, хорошо довези: видишь, паничъ еще крѣпко боленъ“...

Черезъ нѣсколько минутъ, понадобившихся на несложные сборы, изъ воротъ корпуса выѣхала телѣга, въ которой не сидѣлъ, а лежалъ въ полу-забытьи на сѣнѣ больной. Служитель, получивъ свое, пожелалъ счастливой дороги и поспѣшилъ похвалиться Осину для всѣхъ пріятной новостью:

„Уѣхавъ!.. Завсѣмъ слободны!..“ [1]).

---

[1]) Единственно изъ опасенія, чтобы читатель не заподозрилъ точности послѣдняго разсказа о случаѣ, имѣвшемъ мѣсто послѣ того, когда всѣ уже разъѣхались, и не предположилъ желанія сгустить краски на картинѣ безпризорности бурсаковъ, авторъ долженъ признаться, что разсказъ этотъ касается его самого, долго испытывавшаго и всѣ послѣдствія болѣзни и поѣздки...

Авт.

V.

Первыя ласточки.

Не дѣлаетъ весны первая ласточка, не дѣлаетъ ея и вторая, но ни одна все таки не прилетаетъ зимой... Въ то же время, съ прилетомъ и первой оживаютъ надежды, и весна уже кажется гораздо ближе. Такъ было и въ Л—ской бурсѣ. Когда получено было сенсаціонное письмо семинаристовъ, извѣщавшее о назначеніяхъ въ Л—ны новыхъ учителей, никто не считалъ безусловно похороненными старыхъ порядковъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ каждый невольно чувствовалъ, что „пріѣдетъ баринъ", который не станетъ чудить, какъ Мишка, или ради охоты забывать о бурсѣ, какъ Демьянъ Максимовичъ. Пріѣдутъ молодые, полные силъ и энергіи, умные, добрые, гуманные...

„А вы же откуда знаете, что они такіе умные и добрые?"— не безъ плохо скрытой зависти спрашивалъ Демьянъ Максимовичъ, когда, въ минуты хорошаго расположенія духа, что называется, „нарывался" на изліянія бурсаковъ.

— А намъ пишутъ...

И шла подробная передача содержанія письма.

„Гм... Ну, что-жъ? подождемъ... повидимъ... слава Богу!"

Нѣсколько иначе относился къ подобнымъ сообщеніямъ Мишка. Вѣстнику онъ не посылалъ „чш—подлеца" (что и замѣчалось всѣми), злобы не обнаруживалъ; онъ улыбнется своей нервной улыбкой, хныкнетъ какъ-то курьезно, и заведетъ рѣчь о чемъ-нибудь другомъ: видно было, что старому рѣшительно все равно... Бурсаки связывали такое достаточно корректное отношеніе съ окончаніемъ Мишкой домика на левадѣ и его намѣреніемъ выйти въ отставку; хотя подобными предположеніями онъ и не дѣлился ни съ кѣмъ. О главѣ бурсы—Андреѣ Яковлевичѣ—говорить нечего: къ нему никто не дерзалъ лѣзть „съ новостями", и только иногда М—чъ подъ „ужаснымъ" секретомъ сообщалъ, что, по мнѣнію дяди, давно пора освѣжить

атмосферу, зараженную провонявшейся дичью да птичьимъ наметомъ,—какой тонкій намекъ на охотника и птицевода! А сказано было точно такъ: плюгавенькій даже записалъ слова дядюшки. Былъ, правда, случай, что Андрей Яковлевичъ самъ снизошелъ до интимной бесѣды. Это было на урокѣ. По обыкновенію, ученикъ что-то отвѣчалъ, господинъ ректоръ читалъ „Московскія Вѣдомости", а весь классъ не то спалъ, не то полудремалъ.

„Съ будущаго года... *это* объяснитъ вамъ уже новый преподаватель..."

— Значитъ, вѣрно?—сорвалось у бурсаковъ.

„Что вѣрно?"—огорошилъ Андрей Яковлевичъ.

— Да... гово...

Произошло невольное замѣшательство, изъ котораго онъ самъ-же и вывелъ.

„Что—рады?"

Бурсаки весело улыбнулись, лукаво переглянулись, но отвѣта на вопросъ не дали,—вотъ что значитъ чувствовать силу и понимать дисциплину, что и вмѣнялъ себѣ въ заслугу начальникъ.

„Радоваться-то особенно нечему... Кто хотѣлъ, тотъ и теперь учился... А вотъ для такого болвана, какъ этотъ... все равно!"

Тутъ было указано на извѣстнаго не только всей бурсѣ, но и цѣлому городу, верзилу и тупицу Ваську Пр—му, который стоялъ, переминаясь съ ноги на ногу, теръ свой узкій лобъ, грызъ указательный палецъ и рѣшительно недоумѣвалъ: „почему сіе важно?" А шло выспрашиваніе катехизиса. И опять бурсаки—ни слова.

„Критика", продолжалъ господинъ ректоръ, „хороша въ устахъ того, кто имѣетъ право ее дѣлать... Я вотъ читаю (указаніе на № „Московскихъ Вѣдомостей"), и интересуюсь, а вы что? Козъ доить... Скалы валять... Жидовъ бить... А еще: подай имъ новыхъ учителей!.."

Странно: дипломатія это или плюгавенькій враль? Смотри, какъ онъ теперь спряталъ свою голову подъ скамью... Ой, вралъ!.. Но—это пустяки: въ итогѣ распекаиціи все-таки получается очевидное подтвержденіе сообщенія семинаристовъ. И бурсаки ждали слѣдующаго года.

Если бы впечатлѣніе отъ пріѣзда новыхъ учителей нужно было выяснить сравненіемъ, я сказалъ бы, что они сыграли роль очень маленькаго луча свѣта въ темномъ царствѣ бурсы, но все-таки роль луча. Сдѣлать много они не могли: не было у нихъ для этого ни необходимой власти, ни особыхъ данныхъ. И Андрей Степановичъ М—ій, и Ѳедоръ Григорьевичъ З—ій окончили только семинарію. Въ пику старымъ учителямъ, бурсаки, правда, не замедлили отыскать случайныя причины, почему ни тотъ, ни другой не поступилъ въ академію, но сущность дѣла отъ этого не измѣнилась, и, напр., господинъ ректоръ, какъ академистъ, могъ хоть de jure стоять головой выше каждаго изъ нихъ. Но за новыми учителями было то, въ чемъ особенно нуждалась бурса: молодость, умъ, а главное тотъ лоскъ, который и лучшими семинаристами не пріобрѣтался, пока семинарія не была въ губернскомъ городѣ. М—ій и З—ій не могли, не въ состояніи были обмолвиться даже и сказать бурсаку „ты“, а тѣмъ паче—грубость. Больше того: точно умышленно, они превосходно умѣли своимъ обращеніемъ даже сдержать грубость иного бурсака: грубіяновъ и лѣнтяевъ они умѣли заставлять *устыдиться*... Въ самомъ искусномъ пересказѣ всѣ бесѣды новыхъ учителей съ учениками неизбѣжно показались бы чрезчуръ банальными: такъ все было ординарно, не ново и не оригинально для нынѣшняго времени, такъ просто для любого нынѣшняго школьника; но гдѣ-же теперь есть и учебное заведеніе, такъ пропитанное запахомъ провонявшейся дичи и птичьяго намета, какъ пропитана была хотя бы Л—ская уѣздная бурса 30—40 лѣтъ тому назадъ?

— Это вы такъ отличились вчера?

— Какъ, Ѳедоръ Григорьевичъ?

— Да жидка то побили...

— Такъ онъ... давно уже...

— Ну, положимъ, онъ обидѣлъ васъ, очень даже обидѣлъ, ударилъ... Скажите хорошо ли онъ поступилъ? Нѣтъ, нѣтъ... отвѣчайте на вопросъ...

— Да, конечно, нехорошо...

— Чѣмъ же вы лучше его поступили?

И все въ такомъ родѣ. Повторяю: не ново, не оригинально для нынѣшняго времени, а между тѣмъ *тогда* въ результатѣ подобныхъ бесѣдъ являлось то, что подвиги Махвода стали осуждаться бурсаками довольно откровенно...

Бесѣды, въ общемъ не особенно, впрочемъ, частыя, касались и провалья, и доенія козъ, и кражи сливъ, и результаты получались одинаковые.

Иногда оправданія бурсаковъ ставили, повидимому, втупикъ менторовъ. Вступать въ длинные разговоры о томъ, чѣмъ лучше было замѣнить валяніе скалъ, значило нарываться на слишкомъ откровенныя характеристики старѣйшихъ сослуживцевъ, не исключая и самого господина ректора, т. е. смотрителя. Сколько разъ онъ, положимъ, толковалъ восьмую заповѣдь? Какъ часто говорилъ онъ о бездѣльи, пребывая въ которомъ бурсаки занимались даже доеніемъ козъ? А помнитъ ли кто-нибудь, чтобы заповѣдь „не укради“ и грабительское доеніе козъ поставлены были въ связь? Конечно, нѣтъ, и высшій баллъ за отвѣтъ объ этой заповѣди нисколько не противорѣчилъ карцеру за доеніе козъ.

Симпатіи новымъ учителямъ были выражены бурсаками наглядно и, если хотите, оригинально: одинъ изъ нихъ вовсе не получилъ прозвища, а другой лишь иногда и безъ злобы передразнивался, какъ погрѣшавшій въ чистотѣ произношенія какой-то шипящей буквы. Особенно нравился Ѳедоръ Григорьевичъ, и духовно голодные бурсаки нерѣдко злоупотребляли его покоемъ: наступитъ праздникъ, они идутъ къ З—му. Явятся подъ благовиднымъ предлогомъ, по дѣлу, но останутся до вечера, послушаютъ музыку (Ѳедоръ Григорьевичъ чудно игралъ на скрипкѣ, которую бурсаки цѣнили „больше ста рублей“), побе-

сѣдуютъ, многое узнаютъ и все вечеромъ же передадутъ въ бурсѣ, гораздо меньше восхищавшейся подвигами Махвода...

Ѳедоръ Григорьевичъ выкинулъ удивительную штуку: возьми да и прочти въ церкви не то часы, не то каѳизмы. Вотъ прелесть! Заслушались всѣ, въ городѣ ни о чемъ больше и не говорили, а на слѣдующее воскресеніе ни одинъ чтецъ не явился на клиросъ. Это былъ уже не похвальный стыдъ, и священникъ положительно скрежеталъ зубами.

„Да пойми же ты, глупая голова твоя: это-то и есть истинно церковное чтеніе, а то что? Романъ, комедія, театръ, соблазнъ?..“

— Такъ оно такъ... а не могу... Вѣдь онъ въ семинаріи учился... въ академію готовится... Какъ протяну окончаніе... Что—о—ося умн—о—о—жи... Ну, не могу и кончено!

„Дуракъ!“

Въ знакъ выраженія симпатій, бурсаки рѣшили доставить учителямъ удовольствіе и затѣяли театръ. О, что это за удивительный спектакль! Ни книги, ни рукописи не было: играли по памяти, Богъ вѣсть откуда взявшейся... Какъ было весело! А учителя помирали, вѣдь, со смѣху... Помирали проказники даже въ то время, когда сынъ Максимиліана, маленькій черненькій бурсачокъ, съ бумажной лентой черезъ плечо и въ бумажномъ колпакѣ, пѣлъ такую грустную-грустную пѣсню, какъ:

Я въ пустыню удаляюсь
Отъ прекрасныхъ здѣшнихъ мѣстъ—
Сколько горестей и муки
Мнѣ въ разлукѣ должно снесть...

Восторгъ не зналъ предѣловъ, когда на тронъ, сдѣланный изъ простого стола, покрытаго листами разноцвѣтной бумаги, взошелъ самъ царь и представился, держа руку у сердца, прикрытую золотой звѣздой, и размахивая скипетромъ сказалъ: „Я—самъ Царь Максимиліанъ, побѣдитель всѣхъ восточныхъ и западныхъ странъ!“ Восторгъ выразился и вещественно и невещественно: актеры получили на орѣхи, а всѣ—удостовѣреніе, что, молъ, „это—лучше, чѣмъ валяніе скалъ“...

Слышались иногда и печалованія. Возникали они преимущественно въ злосчастной столовой, которой, какъ на зло, не касалась реформа, въ которой несокрушимо продолжали царить Осипъ, грязь и прусаки.

— Посадить бы ихъ сюда: не то бы запѣли!

— А они, думаешь, не были въ этомъ переплетѣ?

— То прошло...

— Все-таки молодчины: любятъ насъ.

— Ихъ любовью сытъ не будешь...

— Да что же они подѣлаютъ?

— Въ семинарію пустъ пишутъ—вотъ что.

Бѣдные бурсаки! Скоро-ли вы дождались, что „они“ написали въ семинарію? Долго-ли грязь и прусаки владѣли вашей житницей? Долго-ли грязный Осипъ маслилъ свою лысую голову и „сапоги венгерской кампаніи“ тѣмъ самымъ рижейнымъ масломъ, на которое указывали вамъ, какъ на невѣдомую будто бы дома роскошь? И знаютъ-ли нынѣшніе ваши преемники то, что перенесли вы? Прошли годы, разрослись Л—ны, новый громадный корпусъ давно и окончательно реформированной бурсы уже споритъ съ корпусомъ гимназіи,—не узнать города, не узнать и бурсы...

П. Борзаковскій.

ПОКУПКА.

— Здорови були!

— Здрастуйте! А чого завгодно?

— Та онъ сынови треба...—Голосъ у старого ввирвався.

Крамарь Уласовычъ глянувъ на сына. Молоде облыччя рокивъ двадцяты,—ще й вусивъ нема. На щокахъ румянець, якъ у дивчыны. А самъ худый, якъ смерть. Закашлявся и кашлявъ довго, вхопывшыся за груды. Крамарь зрозумивъ, що винъ хворый.

— Мабуть ликарствія вамъ треба. Кажить—якого. Усяке е: скопытарь, лыповый цвитъ, сыній каминець, грудна трава...

Уласовычъ, промижъ бакалиею й крамомъ, державъ и оти „ликарствія“, бо знахаркы й бабкы иноди посылалы до ёго людей, якъ у самихъ у ихъ на той часъ не було чого даты.

— А то ще е декохтъ; недавно зъ города прывизъ; дуже пользовытый,—додавъ винъ.

— Не хоче вже винъ ничого!—безнадійно махнувъ рукою сывый батько.

— Хыба не пособляють?

— Де тамъ!.. До трёхъ бабокъ ёго возывъ, и до тройчатського Охрима, и до оврамивського ликаря... Скилько винъ тыхъ ликивъ попывъ та ростырокъ усякыхъ поростыравъ,—ничого!

— Чихотка?

— А то жъ...

— Зъ чого жъ воно сталося?

— А Богъ ёго знае!.. Каже ликарь: спавъ по весни на сырій земли та й застудився. Мы на сырій земли змалку спымо, та й ничого. Де жъ таки, щобъ изъ того сталося!

— Такъ Богъ давъ...—тыхо сказавъ хворый и знову почавъ довго и тяжко кашляты. Батько дывився на сына. Ёго старе, порыте глыбокымы зморшкамы, загориле облыччя якось мовъ бильше зморщылося, зобгалося, а очи ёму поняло безнадійнымъ жалемъ.

Парубокъ позырнувъ по крамныци де-бъ систы, побачывъ ослона, сивъ и довго щетвиддыхувався, а батько все дывысь на ёго.

— Оце тебе такъ пылъ давыть, сыну. Усю дорогу пылъ такый бувъ...

— Эге, пылъ...

До крамныци вступылы двое селянъ. Поздоровкалыся, привиталы зъ недилею и побачылы хворого.

— Ба! Се ты, Якове, возывъ мабуть свого Андрія до дида?

— Де тамъ, Панасе! Уже й личытыся не хоче.

— Тату, на́ що жъ ёго личытыся, колы однакъ не пособыть?

— Сыну, та ты жъ у насъ одынъ. Хто жъ нашу старисть догляне? Кому жъ я хазяйство передамъ?

— Мотри та Семенови все виддасте, тату. И то-жъ ваши диты.

— Э, дочка—чужа дытына, а зять—не сынъ. Та ты жъ ище молодый, сыну! Тоби бъ же ще по стену зъ косою пышатыся... Ты-жъ ище й не нажывся й не нагулявся!..

— Такый мени викъ Богъ давъ...—одказавъ усе тымъ тыхымъ, ривнымъ голосомъ хворый, тилько ёго облыччямъ мовъ биль перебигъ.—Годи про се, тату,—набирайте чого треба.

— Та нехай такъ, сыну... Прыйихалы до васъ, Уласовычу, набраты ёму на смерть.

— Якъ-то на смерть?—спытавъ Уласовычъ.—Винъ ще жывый!

— А шо-жъ я зъ имъ зроблю? Хоче за жыття набраты всёго самъ, щобъ похоронъ бувъ такый, якый самому до впо-

добы. Оце заразъ йиздылы до церквы—высповидався й запрычастывся, а теперъ каже набираты.

— Эге,—додавъ парубокъ,—уже-жъ я высповидався й запрычастывся... отъ наберу ще соби чого треба,—тоди вже на смерть зовсимъ готовый...

— Добре дило, добре!—промовылы чоловикы:—якъ самъ теперъ схоче, такъ и буде.

— Ну, шо-жъ, можно й на смерть,—згодывсь Уласовычъ.—Заразъ вамъ треба попови та дякови хустокъ на свичку.

— И пидъ псалтырь,—додавъ батько.

— Глядить-же, тату, нехай псалтырь чытають, якъ годыться, все, а не перекыдають... А то мени погано буде й у труни лежаты... Вы вже злотого якого накыньте...

— Накыну...

— На хрестъ та на корогвы треба хустокъ,—нагадувавъ крамарь.

— На хрестъ та корогвы не треба,—видказавъ хворый,—маты рушныкамы поперевьязують... Я, тату, не хочу билои труны,—наберимо чого чорненького, дешевенького,—нехай выбьють. И вико горбате нехай зроблють...

— Та се можна.

— Оце вамъ и чорненьке; саме годяще буде,—показувавъ крамарь.

Купылы на труну, щобъ выбыты, купылы ще де-чого.

— Ще пряныкивъ дитямъ треба взяты,—нехай маленьки за мою душу поласують... А медъ дома е...

— Усе, сынку, хвалыты Бога, е,—отъ тилько тоби здоровля Богъ не дае.

— А отъ и забулы серпанку мени на рукы.

— Эге, забулы... Дайте й серпанку!

— Якъ бы зъ пивчымы!.. Боже, гарно, якъ изъ пивчымы ховалы нашу пани!.. Несуть ін въ труни, а сонце такъ на нёи й сяе, а пивчы якъ заспивають, якъ заспиваютъ вичную памьять!.. А народу сыла... и вси плачуть... Хто й не любывъ покійну,

дакъ и той плакавъ... Такъ гарно, що всяке вмерло-бъ, абы такъ поховано.

— Не стече въ насъ сылы на пивчыхъ, сыну.

— Та я знаю, тату... Вы тымъ не журыться,—се я такъ...

— Здается, ты й самъ, хлопче, спивавъ на крыласи,— згадавъ Уласовычъ.

— Спивавъ... покы голосъ бувъ...

— Хороша штука церковный спивъ...

— Хороша... усякый спивъ... Якъ выйдешъ у степъ та пустышъ голосъ... Трава хвылямы хвылюе, сонце на ій выпыскуется... а воля навкругы, така воля!... Такъ бы й полынувъ, колы-бъ крыла... И спивавъ бы, и жывъ бы, якъ той птахъ крылатый!...

— А ладану треба?—перепынывъ Уласовычъ.

— Ни, мы въ тытаря вóзьмемо,—казавъ зайихаты писля службы... Усе вже тутъ покупылы, тату? Теперъ треба до тытаря: свичокъ, хрестъ мени въ рукы...

— А я-жъ сподивався, сыну, що въ тебе плугъ у рукахъ буде!..

— Годи вамъ, тату!.. Не знаю, може ще чого треба? Колы бъ не забуты! Може вы, тату, шо здумаете?

— Не думается мени, сыну... Тамъ тытарь скаже,—винъ самъ знае, чого треба.

— Та й намъ щобъ не забуты... Щобъ усе було добре... Бо то-жъ мое прощання-розставання зъ свитомъ билымъ буде...

Заплатывъ батько, забравъ пóкупку й пишлы. Старый звивъ сына зъ схидцивъ, посадывъ на визъ.

— Грубый народъ,—казавъ крамарь Уласовычъ до свого нового покупця, тутешнёго вчытеля.—Понимаете: ще жывый, а вже самъ соби на смерть купуе! Нiякого чувствiя! Та я тилько згадаю про смерть, то такъ увесь похолону.

— И хочется ото вамъ балакаты про таке! Отъ, лучче про смерть зовсимъ не згадуваты,—одказавъ учытель, и ёго нервове облыччя такъ и перекрывылося.

А батько зъ сыномъ пойихалы до тытаря: свичокъ купыты, хрестъ у рукы...

У рукы, що малы догодуваты до смерти батька й матиръ га й соби збудувàты нове щаслыве жыття...

Якымы слёзами вмыють ти рукы батько-маты, вкладаючы въ ихъ той хрестъ, що заразъ сынъ купуе?

Б. Гринченко.

Изъ исторіи малорусской литературы 20 и 30-хъ годовъ XIX вѣка [1].

(*Библіографическія справки*).

II.

Въ исторіи малорусской литературы до сихъ поръ еще очень много крупныхъ пробѣловъ; между отдаленными ея звеньями до сихъ поръ еще не установлена связь. Тщательные розыски въ старой русской журналистикѣ свободно могутъ дать рядъ неожиданныхъ и очень цѣнныхъ новыхъ фактовъ, которые прольютъ яркій свѣтъ на самую эволюцію малорусской литературы XIX в.

Намъ удалось сдѣлать нѣсколько такихъ открытій. Въ „Новомъ живописцѣ общества и литературы“ (1831, декабрь, № 23, стр. 379—391), издававшемся при „Московскомъ Телеграфѣ“, напечатана небольшая пьеса: „Бытъ Малороссіи въ первую половину XVIII столѣтія“, подписанная неразгаданными нами буквами *Т. М.* Редакція прибавила къ ней слѣдующее примѣчаніе: „*Живописецъ* искренно благодаритъ за сію статью, такъ живо представляющую прежній бытъ Малороссіи“. Но пріуроченіе къ первой половинѣ XVIII в.—только маленькая авторская хитрость: даже и невнимательный читатель сразу по-

[1]) См. Кіевск. Стар. 1900 г. № 5.

чувствуетъ за драматическимъ изложеніемъ вѣянія современной автору дѣйствительности...

Въ виду рѣдкости изданія воспроизводимъ съ документальной точностью [1]) этотъ прекрасный по смыслу и выполненію его памятникъ. Особенно удивителенъ его языкъ—чистый, мягкій и изящный, за рѣдкими исключеніями.

Длинная бричка, называемая Краковскою, влекомая четвернею пестрыхъ лошадей, показалась изъ лѣсу и остановилась передъ обширнымъ домомъ, обнесеннымъ высокимъ частоколомъ; изъ нея вышелъ г. Провинціаленко, Никодимъ Тимоѳеевичъ.

Провинціаленко. Петро, Пе—тро, —чого ты тамъ маракуешь на запяткахъ? А це-жъ твое було дило виттиль спрыгнуты и вывесты мене за руку: хиба мини самому треба велизаты изъ брычкы, чи що?—дывысь! якый винъ дурень!..

Петръ. Та сыхъ-же вытребенькивъ напередъ не було, покы не издылы въ Москву.

Провинціаленко. А що-жъ, хиба ты, видминокъ, не бачывъ, якъ тамъ вси лакеи панивъ своихъ за рукы водять? Чы може забувъ, що я твій панъ? Чы може думаешь, що такъ буде, якъ напередъ було? о ни! не даромъ, бачь, я издывъ въ Москву и не даромъ дывывся на розумныхъ людей, щобъ мини не переняты обычаю моськовьского!

Петръ (*про себя*). Отъ ищѐ ставъ вередоваты! Може ще захоче, щобъ я іого и за нисъ водивъ. О ни!—сіого не буде:—я не дурень.

Провинціаленко. Та чого-жъ ты тамъ мурлыкаешь? Чого ище тамъ моргаешь губамы?—Иды, скажы старій пани, що я пріихавъ изъ Москвы: щобъ вона заразъ съ дочками

---

[1]) Мы только мѣстами измѣнили знаки препинанія—въ тѣхъ случаяхъ, когда ихъ употребленіе слишкомъ расходилось съ современнымъ. Нѣкоторая неровность правописанія объясняется, вѣроятно, великорусскою корректурою.

выйшла на крильце и прыняла мене, якъ слидуе розумній жинци; а я тутычкы трохы пидижду, закимъ вона прыбырется. Чи чуешъ?

Петръ. Та чую! чую! (*тыхо*) отъ якъ ставъ перебендіовать—и самъ нечистый не потрапыть.

Провинціаленко. А ты, Грыцьку (*обращаясь къ кучеру*), якъ будешъ пидъизжаты пидъ крыльце, то закрычы такъ куріёзно, якъ въ Москви; тилько, сдилай мылость, не ляскай батогомъ и не свыщы: си выхлестасы не престалы уже паньскимъ погоничамъ.

Грыцько. Слухаю! (*про себя*) О, теперь уже не буде мини жытья: челядь осміе мене, якъ учуе, якъ я галясую.

Провинціаленко. Здается мини, що вже пани зъ панночками на порози стоить (*садится въ бричку—ѣдутъ*).

Провинціаленко. Бороны-жъ тебе Боже, Грыцьку, якъ ты мини що-небудь не до шмыгы зробышъ! (*подъѣзжаютъ*).

Провинціаленко. Ну, галясуй! (*скоро*) галясуй-же, Грыцьку!

Грыцько. „Гей—вы—пой—ды“.—

Провинціаленко. Та не такъ, плюгавцю! Ахъ, якый соромъ! мовъ жаромъ тебе осыпало. Пострывай-же мини: я-жъ тоби наперу спыну. (*Подъѣзжаютъ и останавливаются*).

Провинціаленко (*выглянувши изъ брички, закричалъ гнѣвно*). А що се? Вы, мабуть, панночкы, и не визналы уже свого батька? Та ходите-же сюда, дурочки, та поможите мини трохы выбратця изъ брычкы.

Уліяна (*супруга Провинціаленка*). А! здоровъ-же бувъ, мій сызій голубчыкъ! Та чого-жъ ты такъ запышнывся? чы заботативъ—чы що?

Провинціаленко. Та стрывай лышь—покы я выйду—яка ты кудесна!—мини здаетьця, що розумна жинка напередъ-бы чоловика поцилувала, а потимъ уже здоровкалась-бы—ось якъ воно бувае у розумныхъ людей.

Дочери Провинціаленка: Наталка, Приська и Домаха ведутъ батюшку на крыльцо, цѣлуя по очереди его руку.

Провинціаленко (*взойдя на крыльцо, останавливается и кланяется*). Ну!—Желаю здравствовать вамъ, любезна супруга и любезни дочкы! Дуже радуюсь, що бачу васъ жывыми и здоровымы; думаю, що и вы веселытеся, забачывшы батька, и дуже тошковалы, покы я бувъ въ Москви?

Дочери (*всѣ вмѣстѣ*). А якъ-же!

Уліяна. И дуже-дуже ради! (*цѣлуетъ супруга, и всѣ уходятъ внутрь комнатъ*).

Провинціаленко. Напередъ всіого, любезна жинка, скажу тоби, що вже я ставъ не той дурень, якій поихавъ въ Москву; теперь у мене багацько прыбавылось розуму!—Тамъ въ Москви вси люды, бачь, умни; тамъ не можно, щобы дурень не набрався розуму.—Та сдаетьця мини, що я за симъ-же добромъ туда и издывъ? Теперъ у насъ все пиде на новый ладъ: и мы не одного сусида зибьемъ зъ панталыку!!

Уліана. А ну! ну!—роскажы, що бачывъ? що выдавъ тамъ, въ тій Москви?

Провинціаленко. Теперь николы—треба напередъ добре поисты, а потимъ опочыты, а завтра уже зачнемъ все гобзоваты на новый штыль! Такъ, бачь, роблять и тамъ: зъ дороги заразъ ѣдятъ и лягаютъ спать—э! постій—бтъ—трохы не забувъ!—заразъ, Уляно, поставъ Панаса у воритъ и скажы іому, щобъ винъ никого не пускавъ и всимъ говорывъ: „панъ не веливъ теперычкы никого допускаты, бо тилькось що прыихавъ изъ Москвы.“—Ище скажы іому, щобъ винъ нарядывся въ свытку, гобзовану шнуркамы; нехай обуе жовти чоботы и визьме замисто булавы... що-бы такѣ?—(*думаетъ*) та хоть ковиньку або макогинъ! Нехай винъ держитъ іи на плечи, якъ рушныцю. А столяру скажы, щобъ заразъ мини покынувъ винъ всяку роботу, та швыдко будовавъ іому возли воритъ будку и гарно покрывъ-бы іи новою соломою.

Уліяна. Хиба-жъ такъ и въ Москви водытця? Оце дыво!—Сусиды подумають, що розбійныкъ жыветъ у насъ пры воротихъ: тильки подивлятця, то и будуть чимъ глядь удырать до дому.

Провинціаленко. Бо воны дурни—не знаютъ, якъ потребуе жыть свитлымъ панамъ; а завтрычку буде мини багацько роботы, а теперичка добре-бъ було чого-нибудь поѣсты.

Уліяна. Та оцежъ и сниданье уже на столи:—ось млынци, ковбасы, пырижки зо сметаною—и холодець зъ поросячими нижками: годуйтесь, Никодимъ Тимофиіовичъ! ось заразъ буде и гарячій буханець.

Провинціаленко. А яка теперъ годына? (*смотритъ на часы и вскрикиваетъ*) Ахъ! беры-жъ, беры се сниданье скорище, се вже бо не до шмыгы: ище тильки висьма годына!—Чы-жъ я ошоломонивъ!—Та за се-бы въ Москви бо зна бы що сказалы!.. Та мини-же и не хочетьця ѣсты, я вже бачь привыкъ жить по-паньски; въ сю саму пору тамъ тилько пьють горяче; скорище грійте самоваръ, та, здилай мини мылость, сама около іого не стряпай, а ныхай Наталка се дило зробыть. А пиднисъ давать кто буде? (*думаетъ*). Та визьмы хоть чоботаря—та нехай винъ заразъ обуе чоботы—тильки мини щобъ ни олія, ни сало не воняло одъ ныхъ, а то заразъ заболыть у мене голова.

Уліана. А чымъ-же? Смальцемъ мазать—чи що?

Провинціаленко. А, бороны Боже!—Чоботы треба мазать—*вапсою*! э, ни! не такъ (*вынимаетъ записную книжку и читаетъ*). О... *ваксою*. Ось бачь, яка вона блестяча (*показываетъ жен*ѣ *сапогъ*).

Уліяна. Мабуть, зъ купорвасу зроблена, що така чорна, якъ галка?

Провинціаленко. А, де тоби! тамъ стильки около еи забобонивъ, що и въ пивгода не выучишся; але я купывъ іи на десять рублывъ, и миркую, що, може, стане на два мисяци. Ище прошу тебе, щобъ Прокипъ и Андрій (отъ що роблять у насъ на выныци), щобъ безприминно все булы тутъ въ маленькій кимнати: ся кимната буде зватыся *прохожа*. Ныхай воны тамъ соби играють въ карты, або въ дзыгу, а якъ хто прійде,—щобъ заразъ пыталы: „а хто вы? а виткиль? а що маете за дило до пана? а якъ сказать пану о вашей мосци?“—И тоди уже доносылы мини, а я вже скажу, чы допустыты, чы

прогнаты—або скажу, що сіогодня багацько дуже письма, и нема никому до мене прыпуску. Ось якъ воно!

Уліяна. Далебище-же, будуть зъ насъ сміятьця люды, и отцураютьця видъ насъ вси хрещени. Схаменуйся, Ныкодыме!

Провинціаленко. Ныхай дурни цураютьця! Уже-жъ, бачь, не прыстало теперь намъ жыты по мужыцькы—ныхай-же вси знають, що мы жывемъ по-московськи!

Наталка. Батюшка, бат...

...Цыть—цыть! (*прервалъ ее Провинціаленко*). Треба клыкаты „папа".

Уліяна. И що вже бо се такѣ? Чы видано-жъ бо де въ свити, щобъ дочкà клыкала батька свого попомъ?

Провинціаленко. Та не попомъ-же, а папою.

Уліяна. Що-жъ то? рымськымъ бы то, чи що?

Провинціаленко. Що бо ты—глузуешь? Я тоби говорю, що мене нехай воны клычуть „папа", тебе „мама", а мы будемъ ихъ клыкаты. старшу—„Натуша", середущу—„Присуша", а найменьшу—„Домуша", а коли треба всихъ трёхъ, то „медузели": вось якъ воно водитьця въ розумній Москви!

Уліяна. Чи бачите! у мене и розуму не достане, щобъ памятовàты оцю коверзію!

Провинціаленко. Ну, а ты, Домуша, гарна моя дочка, що скажешь?

Домаха. А якъ тамъ убираютьця пани и панночкы?

Провинціаленко. Ось якъ. Въ чоботихъ нихто теперъ уже не ходять, а все въ черевыкахъ, але не въ червоныхъ, а въ пистріовыхъ, плетеныхъ,—мабуть, изъ заполочи; панчохы довги до самыхъ колинъ, а на колинахъ пидперезани шырокою стіожкою; у сорочокъ пазухъ теперыча уже нема, и не знаю самъ, для якій се прычыны; карсеты, кохточкы, спидныцы и мантиліи ниде уже не носютьця, и наряжаютьця въ дуже довге и шыроке платье—такé, що я думаю, якъ-бы ты въ іого наряділась, то не прійшла-бы и въ двери! Рукава у іого, якъ у рясы, шыроки, а сзади растиируетьця и дуже далеко оддуваетьця. У пояса дуже тисно, такъ що ажъ ребра знать, и пид-

перезуется стрижкою; шыя гола; на рукахъ до локтивъ довги рукавычки—мабуть, для того, щобъ рукамы не пачкалы платья; на шыи шырокій пистровій платокъ, бувае иноди червоній абь (sic) зеленій. Въ ухахъ превелеченни сергы, мало що до плечь не досягають; на голови волосья скручене, якъ перевесла у снопивъ, и заткнуте велыкимъ гребинцемъ; иноди носять квитки, иноди брыли: зверху чорни, а въ середыни червони; а на брылыкахъ зверху тилипаетьця якась ситка! Панночкы теперь уже не швендяють такъ, якъ у насъ, а ходять зъ выхилясамы, зъ вывертасамы, зъ векрутасамы, такъ що ажъ любо дывытьця; а въ танцяхъ уже не плыгають на-въ-прысядки, а стрыбають помаленьку по-двое въ разъ; а якъ зачнуть точыты балясы, то ихъ уже не опынешь, такъ що якъ-бы чоловикъ одъ нудьгы не скрибъ соби голову, то имъ бы николы не було кинця. Ище я примитывъ, що тамъ паны не чвыркають уже до-долу, а въ маленьки скрыньки, бо дилъ выстланъ коцями, кылымами и рябымы пивстьмы.

Домаха. Ахъ! матиночка моя, що тамъ за дыво! На що-жъ та ситка у панивъ и панночокъ?

Провинціаленко. Того уже и самъ я не знаю, а маракую, що то зроблено для того, щобы тыплище було въ лиціо. Ище слухайте, дочки,—нехай завтрычка прыйде цырулныкъ—я іому розтолкую, якъ васъ острыты по-моськовски и заплесты косы: ось якъ (*вынулъ и показалъ картинку модной прически*). Ище пишлите безпреминно за маніюй и малюйте щокы—такѣ бачь теперь поведенья, безъ іого теперь а не зызыркъ передъ людей!

Всѣ дочери вдругъ. О, ей-Богу, не хочемъ—и цуръ іому, пекъ іому, осына іому.

Провинціаленко. А ни, нельзя,—треба червонить щокы, а то будуть называть мужычкамы (*дочери показываютъ видъ изумленія*).

Провинціаленко (*продолжаетъ*). Э—нельзя! не можно ни якъ. Ище треба бы натыратьця и крохмалькомъ, але вы дуже били и безъ іого.—Слухайте ище: масломъ головы теперь

уже не мажуть, а чымъ то пахучымъ—якъ бачъ воно клычется—забувъ!.. Воно пахнеть такъ гарно, якъ ладанъ (*ищетъ*). Ось воно вамъ—чы бачите! (*даетъ духи и помаду*).

Приська. А що тамъ таке ѣдять?

Провинціаленко. А я прывизъ съ собою мусе-кухаря: винъ знае стряпать всяки нимецьки потравы. А вы уже, донечкы, на кухню—а не шиширь!

Дочки всѣ вмѣстѣ. О, якъ то можно, та насъ и замужъ нихто не визьме.

Провинціаленко. Теперь вамъ замужъ иты не тутычкы, а вже въ розумній Москвѣ—я васъ туды и одвезу, колы настанеть пора, а теперь побалакаемъ о тимъ, якъ-бы вамъ зробитьця такыми чемными панночкàми, щобъ ажъ ангелы зазырàлы вамъ въ очи!..

Домаха (*смотритъ въ окно*). Дивитеся онъ иде до насъ и дядюшка, Поликарпъ Семеновычь!

Провинціаленко (*въ суматохѣ*). Пѐ—тро, Пѐтро, а ходы скорище сюда, вражій сыну: биже шведенько [1]) на крильце и подывыся: колы у Поликарпа Семеновича чоботы змазаны дигтемъ, то скажы іому, що мене нема дома, та не ковеляй-же а иды моторненько.

Поликарпъ Семеновичъ. А що, Пѐтре, панъ дома?

Петръ. Дома, та, бачь, казавъ, колы у васъ чоботы змазаны дигтемъ, то сказать вамъ, що іого нема дома, бо въ іого бачь, все голова болыть отъ дигтю.

Поликарпъ Семеновичъ. А се що такѐ? О, дій іого кату честы! дывысь, якъ винъ чванетьця! А то що за чоловикъ ходе у васъ зъ макогономъ попередъ виритымы?

Петръ. Щобъ не допущаты гостивъ до пана.

Поликарпъ Семеновичъ (*качаетъ головою*). Скажи-жъ, Петре, моему братику, що я первій разъ одь (sic) іого чую,

---

[1]) Повидимому, замѣна *и* чрезъ *е*—черта говора, широкое *е*: биже, шведенько, ковеляй, чванетьця, престалы, велизаты, ане, опынешъ и пр. Кстати, характерно *вузьме*, *тутычкы*, *вирить*, *визми*, *ходе*.

щобы можно ище дурнишымъ прыихаты изъ Москвы, якъ туда поидешъ (*уходитъ*).

Провинціаленко (*Петру*). А щó?

Петръ. Та що—дигтемъ. Винъ ище сказавъ, що вы, мабуть, теперь дурнійшій, якъ въ Москву поихалы.

Провинціаленко. Що ты кажешь? Стрывай-же мени, мужицька порода! Я-жъ тоби оци на табенькы зибью, а дывы! Яку-жъ винь (sic) каписть мини робеть! Ай! гай!.. Виднеси-жъ заразъ іому оце письмо: нехай винъ знае, що я тамъ знався зъ *Высокородными*, и нехай винъ передо мною не чваниться, мовъ свинья въ болоти. А ты, Присуша, наробы заразъ билыхъ карточокъ и скажы пысьцю на всякій напысать: „Никодымъ Тымофиіовичъ Провинціаленко, тилько що прыихавъ изъ Москвы". А якъ се все буде готове, то ныхай горбатій Панько запряжеть въ визъ сывого коня и повезеть ти карточкы до нашыхъ знакомыхъ и до родни, а якъ будуть іого пытаты: „на що се?", нехай имъ, дурнямъ, росказуе всимъ, що теперь, бачь, вси розумни люды замисть себе посылаютъ съ чоловикомъ въ гости пысулькы, що значе, мось бутто самы ѣздылы.

Петръ (*подавая обратно письмо*). Поликарпъ Семеновичъ щось тамъ нарыговавъ.

Провинціаленко. Ке сюды! (*смотритъ*). Що сé? (*читаетъ*). „Капоуху хоть родзинками кормы, а вона все таки капоуха". Дывысь! що-бы се значыло? А?!—Догадався: то, мабуть, значе, що винъ хоть и чытавъ се письмо, а все такы дурень остався, якій и напередъ бувъ, бо не могъ добре прослюбозоваты розумного письма! гей! гей! Отака дурнивъ доля!

Приська. А дивитьця-жъ! Сорока пидъ самисенькимъ викномъ кажеть гостей.

Провинціаленко (*смотритъ*). Ага! Пé—тро, Пé—тро, отъ скоро будуть до насъ гости; обидъ уже готовій, бо вже муся-кухарь спыть, а ты заразъ мини роспечатай бутелку съ тымъ дорогымъ выномъ—якъ бось воно клычетьця? шам-шампаньске—такъ! И поставъ іого на пичку, та затычкы мини не видтыкай, а то визьмешь стусана въ спыну. Кажуть, що

якъ воно въ тепли постоить, то дуже добре на смакъ и гарно шумуе, а я, доки прыйдуть гости, пиду, трохи опочину. (*Всѣ расходятся*).

Какой свѣжій, богатый юморъ! Какъ характеренъ этотъ представитель „вчерашняго панства," который „недаромъ йиздывъ въ Москву и недаромъ дывывся на розумныхъ людей, щобъ... не переняты обычаю моськовського"! Его ужасъ передъ всѣмъ „мужицкимъ"—глубоко подмѣченная бытовая черта.

Вся пьеса—симптомъ высокаго подъема реализма и общественнаго самосознанія въ малорусской литературѣ XIX в., а съ нею генетически связанъ—Гоголь.

Вл. Каллашъ.

ИДЕАЛЬНЫЙ БАТЬКО.

Велычезна парова молотылка подала про себе першу звистку. Гучный оклыкъ ii до праци пронисся по селу, пишовъ луною по степу, оповищаючы блыжни хуторы про певный заробитокъ. Пидъ соломьянымы дахамы почалась суперечка: циле лито и мали, и стари сподивалыся молотьбы въ экономiи, пестылы надiю заробыты на спидныцю, черевыкы, смушеву шапку або на оплаткы, нарешти диждалы побачыты молотылку на гармани, и теперъ свекрухы даремно нагадувалы невисткамъ становытысь до печи, даремно посылалы батькы сынивъ до свого току, або до скоту; навить найслухняниши змагалыся й самовильно простувалы въ экономiю, де ихъ сподивалася може и сутужниша, нижъ дома, зате оплачена добрымы гришмы праця.

Рыпнулы двери и у крайнiй одъ выгону хати. На порози зъявывся высокый, незвычайно худый та блидый парубокъ, рокивъ висимнадцяты. На ёму була чорна, полатана у двохъ мисцяхъ смушева шапка, сира, трохы короткувата чумарка, выбойчани штаны и стареньки чоботы зъ шырокымы халявамы; але билый, якъ снигъ, вымережаный комиръ сорочкы та чепурно залатани рукава чумаркы свидчылы, що маты не шкодувала праци, прыбираючы сына, и напевне не пошкодувала-бъ грошей на краще убрання, колы-бъ тилько постачало у неи на це снагы.

Парубокъ постоявъ хвылыну на порози, пыльно подывывся праворучъ на дорогу, що простяглася темною стёжкою повзъ жовту стерню ажъ до сусиднёго хутора, знявъ шапку зъ головы, подывывся на неи, выбывъ добре въ рукахъ, потимъ надивъ ій знову латкамы назадъ и пишовъ до маленького прыкладку соломы, що стоявъ зразу за хатою.

У виконце вызырнуло стурбоване, заплакане облыччя чорнявои, ще не старои, вродливои жинкы. Вона видсунула обережно кватырку и стала стежыты за парубкомъ. Ось винъ вытягъ зъпидъ соломы чіись вила, взявъ грабли, перекынувъ и те й друге черезъ плече, ще разъ зыркнувъ на дорогу и попростувавъ, не оглядаючысь, до воритъ. Молодыця накынула платокъ и мыттю выбигла зъ хати.

— Не йды, сынку, не йды, Иване!—зупынила вона парубка биля воритъ.—Я жъ тебе цилый ранокъ благала, я и теперъ прохаю: не ходы ты въ економію!

— Чого то такъ?—запытавъ на-пивъ зъ усмишкою, на-пивъ зъ жалемъ парубокъ.—Чого вы боитесь видпустыты мене въ економію? Вси ходять туды, вси тамъ заробляють добри гроши... чому-жъ тилько мени не можна?

— Не ходы, мій сыночку! Не ходы, прохаю тебе!—благала тремтячымъ голосомъ безъ краю стурбована молодыця...

— Я васъ пытаю: чого мени не можна заробляты, якъ людямъ? Чого коженъ лодарь, коженъ пьяныця може безпечно иты въ економію, тилько я та вы не сміемо навертатыся навить до панського гарману?—запытавъ у-друге парубокъ, и ёго блакытни очи метнулы блыскавкы.

— Чы вже-жъ такы ты не можешъ уволыты мою волю? Я жъ тебе ще разъ прохаю—не ходы!—мовыла молодыця, не видповидаючы на пытанне, которе, наче гострымъ ножемъ, пройняло ій серце.

— Я пиду, мамо! Я пиду сёгодни! Я ходытыму, покы буде робота, покы схочу ходыты! Я хочу тежъ маты картузъ, и поясъ, и чумарку хочъ до церквы... Я не допущу и васъ стрыбаты у постолахъ зимою...—видповивъ Иванъ.

— Мы пидемо сёгодни на баштанъ—тамъ тежъ гроши платять,—нагадала молодыця...

— На баштанъ? Ни, годи по баштанахъ поневирятыся! Годи! Прызвели вы й такъ мене до сорому отымы баштанамы. Черезъ васъ мени прызвыща иншого немае, якъ „тонконигъ", або „кавунныкъ".

— Хай Господь того покарае, хто сміется зъ твого безздоровья, а тоби, сыну, не можна встряваты у важку роботу... Адже-жъ памьятаешъ, якъ ты зомливъ торикъ биля вiялкы? Ты слабый у мене... зовсимъ слабый!—зитхнула молодыця.

— Ото-жъ вы сами й опорочылы мене передъ сёлянамы. Торочыте усякому про мое безздоровья, а мени черезъ те,—хочъ мижъ челядь не ходы. Думаете, легко мени було вчора слухаты, якъ Марко та Максымъ знущалысь зъ мене? Легко зносыты, що кожна дытына зважуется бытысь зо мною?... А все черезъ васъ. Я такый самый, якъ и иншыи парубкы, я такый, якъ и чужи диты, мени вже висимнадцять рокивъ мынуло, а вы все видъ своеи пелены мене не видпускаете,—докорявъ Иванъ матиръ, нервово оправляючы разъ-у-разъ выла та грабли на плечахъ.—Я пиду туды, куды йдуть вси мои однолиткы; я робытыму те, що воны роблять;—я пиду туды, де кращи гроши платять, бо не можу я дали зносыты своихъ злыднивъ, обирванымъ старцемъ по селу ходыты!—додавъ Иванъ ще нервовише.

— Не раджу, не раджу я тоби, сыночку мій любый, въ економію иты... Послухай мене, Иване, послухай матерынои порады!—мовыла мало не зъ плачемъ молодыця, заступаючы сынови дорогу до воритъ.

— Мамо! вы не пыталы у мене порады, якъ... (Иванъ не домовывъ чогось), не пытатыму теперъ и я у васъ порады, якъ мени на свити жыть,—видповивъ парубокъ и видчынывъ ворота.

— Страму наберешся! Не пустять тебе... Прыкажчыкъ прожене тебе!—не спынялася молодыця.

— Мене?—запытавъ Иванъ матирь, та такъ запытавъ, такъ подывывся, що молодыця ажъ зохолола...

Ни, николы не бачыла вона свого Ивана у такому настрію, якъ сёгодни, николы не чула видъ ёго такыхъ невычлывыхъ ричей, не бачыла такого суворого погляду... Що трапылося зъ нымъ? Хто ставъ по-мижъ двохъ сердець, що такъ добре розумилыся, такъ щыро кохалыся до останнёго часу! Хто цей ворогъ лютый, що розризнывъ безталанну матирь зъ ій едынымъ скарбомъ—изъ сыномъ? Чы то вона не зумила сёгодни ёго умовыты, чы то винъ зробывся такымъ камьянымъ. Ни, слова ій, полыти гарячымы слёзамы, напевне пройнялы ёго чуле серце—вона сама бачыла, якъ высоко здымалыся груды ій любого сына, колы винъ слухавъ у-досвита ій речи... Але все-жъ такы винъ ій не послухавъ... Щось страшне, несподиване трапылося зъ нымъ учора, обгорнуло чорною пеленою и думкы, и душу, и серце ёго, и теперъ вона перестала розумить свого сына. Вчора винъ повернувся зъ вулыци мовъ несамовытый, пошпурывъ шапкою черезъ усю хату, лигъ спаты не вечерявшы, довго перевертався на лижку, потимъ схопывся, побигъ, довго гулявъ десь по надвирью або у садку, вернувся и тилько передъ свитанкомъ заснувъ. Хто жъ знае, хто скаже, чы на вулыци, чы у-ночи спало ёму щось на думку? Чы дивоцькы очи, чы ясни зори зворушылы ёго душу, чы докирлыви речи челяди, чы гоминъ неспокійнои ричкы закынулы у серце парубка нови бажання, нови почуття, а чы, може, то девьятнадцята весна дае себе у знакы...

Иванъ выйшовъ за ворота, але не зводывъ очей зъ дорогы. Нарешти зъ-за могылкы зъявывся невелычкый гуртокъ челяди... Серце Ивана раптомъ забылося дужче, щокы зачервонилыся—винъ пизнавъ видразу ту дивчыну, котрои все сподивався.

Челядь—пять невелычкыхъ хлопцивъ-погонычивъ, та тры дивкы—шла въ одынъ рядъ, а попереду, наче за ватажка, выступавъ здоровый высокый парубокъ у чорній, новій, накынутій на плечи чумарци. Поручъ зъ нымъ дриботила невысока, довгообраза, гостроносенька, чорнява дивчына. Вона, здавалося, щось доводыла, впевняла у чимсь, або спорылася зъ парубкомъ, що йшовъ по ливу руку видъ неи, бо разъ-у-разъ зверталася до ёго и махала

рукою. Парубокъ цей сміявся, де кильо разивъ показувавъ рукою на хату Иванову, на самого Ивана, звертався до челяди, що йшла позаду,—одно слово, не стыхавъ ни на хвылыну, але Иванъ певенъ бувъ, що винъ проказуе не свои речи, що глузуе винъ зъ ёго хаты, зъ ёго самого, абы догодыты Маркови, що працюе винъ взагали биля Оныськы на корысть свого товарыша—Марка, и не звертавъ на ёго ніякои увагы. Цикавыла ёго далеко бильше постать мовчазного, похмурого, але певного у соби Марка. Винъ ввесь часъ мовчавъ и навить, поривнявшысь зъ Иваномъ, не прывитавъ ёго; проте Иванъ ввесь часъ почувавъ на соби ёго суворый поглядъ, наче чытавъ наскризь ёго думкы...

— Добры-день тоби, Иване!—прывиталась перша Оныська.—А що, Максыме, не я тоби казала, що сёгодни Иванъ выйде на роботу до молотылкы?—звернулася вона жваво до Максыма.

— Невже справди и вы... якъ васъ по батюшци... до молотылкы?—запытавъ ихыдно ухмыляючысь Максымъ.—А чы васъ же прыймуть туды на роботу?—запытавъ винъ дали, наблызывшысь до самого Ивана.

— Знайдется тамъ и мени мисце,—видповивъ Иванъ, рушаючы у-слидъ за челядью, поручъ зъ Оныською.

— Мисця-то про всихъ стане—гарманъ у пана просторный,—а чы знайдется робота про тебе—ото скажы намъ!—запытавъ Марко.

— Тамъ побачымо!—буркнувъ Иванъ.

— Ось гляньте, братця, яки у ёго выла! Круторогы, якъ чумацькы волы—разъ штыркне и въ одынъ разъ усю скырту забере...—засміявся Максымъ.

— Твои, мабуть, кращи? Точнисенько, якъ та нехворощына зъ торишнёго виныка...—заступылася за Ивана Оныська.

— Заведено: якый робитныкъ, таки й выла. Я, якъ зроду не кыдавъ снопивъ, не клавъ ожередивъ, то у мене й выла позычени; а якъ Иванъ мытець и скырты, и ожереды кыдаты, то въ ёго выла кращи.

— Ничого сміятыся, що выла повычени, абы не крадени— видказала Оныська, налягаючы на останне слово.

— Це выла справди крадени,—мовывъ ни крапли не засоромывшысь Максымъ... И Иванъ укравъ-бы любисенько, колыбъ вовкивъ не боявся.

— Я тебе не чипаю, и ты мене не займай!—обизвався Иванъ.

— И справди, чого ты, Максыме, вьязнешъ до Ивана? Я знаю, що тоби зъ Маркомъ ажъ до плачу доходыть, що Иванъ выйшовъ на роботу и стане поручъ зъ тобою на гармани; такъ що робыть—ничого не вдіешъ, даремно тилько гавкаешъ! А тебе, Иване, я бъ оце ажъ поцилувала за те, що ты такы выйшовъ сёгодни до молотылкы, ій-же Богу! Вчора, якъ ты пишовъ, такъ воны, оци каты, якъ заходылыся передражнюваты тебе, якъ ты и тонконигъ на баштани полешъ, якъ кавуны збираешъ, такъ я...

— Цилуй же, цилуй.—Гляды тилько, щобъ винъ тебе не заслынывъ!—перебывъ ій ричъ Максымъ.

— И ото сорому немае выхвалятыся! Ну, и цилуй соби скилько влизе, та тилько же не хвастай, не сорòмъ дивчатъ!—обизвався Марко.

— Та ты не блыкай, не грымай—я тебе не боюся. Тебе, звисно, ни одна дивчына не схоче цилуваты, а Ивана усяка поцилуе. Чы такъ, дивчата?—звернулася Оныська до дивчатъ, лукаво имъ пидморгуючы.

— А вже-жъ такъ!—згодылыся дивчата.

— А вже-жъ такъ!—пидхопывъ и соби Максымъ—бо Ивана нихто и за парубка не вважае.

— Брешешъ, брешешъ! Це ты зъ заздрощивъ кажешъ!—завважыла Оныська.

— Пфу!—сплюнувъ зъ серцемъ Марко.—Не зналы, про вищо балакаты! Та задавысь ты зъ твоимъ Иваномъ! Сатана симъ паръ чобитъ зносывъ, покы васъ до купы звивъ! Потрибни вы комусь обое! Ходимъ, Максыме, напередъ, ходимте уси швыдче, залышымо ихъ самыхъ,—може воны, дасть Бигъ, хочъ икъ вечеру доплентають до гарману!—додавъ винъ, выступаючы напередъ.

У-слидъ за нымъ поспишыла й челядь. Оныська та Иванъ зосталыся у-двохъ.

— Гляды, Иване, робы сёгодни скилько мочи, скилько сылы, хочъ черезъ сылу, щобъ воны бильше на сміялыся зъ тебе!—пораяла Оныська Иванови, колы челядь одійшла на скилькось ступнивъ напередъ.

— Мени байдуже, колы воны зъ мене сміются, я звыкъ змалечку чуты видъ челяди насмишкы.—Ты мене вчора вразыла у саме серце! Я якъ угледивъ, що и ты сміешся вкупи зъ нымы, такъ не тямлю, якъ й выскочывъ зъ клуни.

— Колы-жъ ты, братику, такъ чудно молотывъ горохъ, що мени и доси, якъ згадаю, сміятысь хочется. Оце высоко-высоко пидіймаешъ ципъ, потимъ зъ усіеи сылы объ горохъ луснешъ; выдно, якъ и рукы тремтять одъ натуги и самъ ажъ засапався, а горохъ лежыть цилисенькый, наче и ципу не бачывъ.

— Хиба жъ то я навсправжкы вчора молотывъ? то-жъ я только грався,—збрехавъ Иванъ.

— Я имъ такъ и казала, такъ хиба-жъ воны виры піймуть? Ты ось сёгодни нарошне добре-добре робы, то воны й замовкнуть. Марко може и выязнутыме, бо Маркови досадно, що я зъ тобою гуляю...—мовыла стыха Оныська...

— Хиба я не знаю?—видповивъ теперъ стыха Иванъ.

Бильше воны не промовылы ни слова, але ця коротенька розмова не пройшла за-для Ивана безъ наслидкивъ: колы въ ёго може була ще краплына непевносты у соби, у своихъ сылахъ, то и та краплына зныкла писля Онысьчыныхъ ричей...

II.

Оныська та Иванъ трохы спизнылыся и прыйшлы на гарманъ, колы прыкажчыкъ Сыдиръ Степановычъ кинчавъ розстановлюваты людей, але Оныська певна була, що про неи завжды найдется робота и смишлыво запытала, куды ій иты?

— На верхъ, до барабанщыкивъ,—звеливъ прыкажчыкъ.

— А мени де становытысь? — запытавъ надто смилыво, выступаючы впередъ усихъ, Иванъ.

— Тоби?—тоби, парубче, мандруваты туды, звидкиль тебе прынесло, та памьятаты торишню гребовыцю!—засміявся прыкажчыкъ.

Максымъ та Марко преглянулыся.

— Я не знаю, за вищо насъ торикъ прогналы зъ гребовыци, не розумію, черезъ вищо й теперъ женеге зъ току,— мовывъ зблидлый Иванъ.

— Спытайся про те у пана, а мени данъ прыказъ: ни тебе, ни матери твоеи не прыйматы на роботу, и край—мовывъ прыкажчыкъ, одходячы геть до паровыка.

Прыймить бо, Сыдоре Степановычу, мене на роботу,—попрохавъ Иванъ такъ тыхо, що Марко та Максымъ ничого не почулы.

— Не можу я тебе прыйняты, одвьяжыся ты видъ моеи души,—мовывъ безъ серця, але твердо прыкажчыкъ.

— Винъ роботы просыть? Пидъ полову ёго!—поравъ Марко.

— Куды ёму, „тонконогу“, „баштанныку“ сердешному, та пидъ полову? Ёго тамъ полова мыттю задавыть, воно-жъ нижного заводу!—мовывъ Максымъ, перелываючы, по загаду прыкажчыка, воду зъ одного перериза у другый...

— Не журыся, Иване, мы тебе замисть чопа заткнемо у бочку—якъ разъ же чипъ загубылы,—обизвався водовозъ, братъ Маркивъ. Але Иванъ наче не чувъ ничого; винъ стоявъ и терпляче сподивався, покы прыкажчыкъ розскаже возіямъ., зъ якыхъ стаёкъ почынаты возыты пшеныцю.

— Де-жъ звелыте мени становытысь?—запытавъ знову Иванъ, якъ тилько возіи одійшлы видъ прыкажчыка.

— Ты й доси стоишъ надъ моею душею?—грымнувъ прыкажчыкъ: я-жъ тоби вже казавъ не разъ и не два, що роботы про тебе немае въ економіи. Отъ наказаніе!—звернувся винъ до нимця-машыныста:—ніякымъ робомъ не одвьяжусь одъ цёго парубка, наче зважывся дратуваты мене! Проженить ёго хоть вы, Карло Хведоровычу!—Машыныстъ вызырнувъ зъ-за паровыка.

— Зашемъ онъ такъ бледъ и худъ?—запытавъ замисть видповиди нимець.

— То-жъ то и йе: у тили ледве-ледве душа держыться, а воно й соби лизе до молотылкы.

— Мало кушалъ?!—не то запытавъ,—не то про себе завважывъ нимець.

— Роботу мени яку-небудь дайте!—наблызывся Иванъ до машыныста.

— Нема тоби роботы! геть иды зъ току безъ клопоту!—видповивъ за нимця Сыдиръ Степановычъ.

— Зашемъ нема роботы? Ого! робота йе! Буде робота Много буде робота!—засміявся нимець, прыемно ударяючы долонею по паровыку.— Это молотилка дастъ работа! Ого! Ему тоже буде робота!—додавъ винъ, показуючы пальцемъ на Ивана.

— Въ экономіи нема и не буде николы тоби роботы,—мовывъ прыкажчыкъ.—Иды соби зъ Богомъ, не клопочы моеи головы!—

— Зашемъ иди? Онъ бледъ, онъ худъ, онъ мало кушалъ, онъ хотелъ зароблятъ,—заступывсь машыныста за Ивана.—Ты сталъ тутъ—потягъ нимець Ивана до себе,—а ты, громадна, пашолъ снопъ кидаль!—додавъ винъ, энергично видпыхаючы видъ грубкы паровыка якогось гладкого парубка. Иванъ весело усмихнувся. Мыттю ~~екынувъ~~ винъ грабли та вила зъ плечей, роздягся зъ чумаркы, ухопывъ оберемокъ соломы и хотивъ вже пхаты въ паровыкъ.

— Бытыму, якъ що не пидешъ звидсиль по добрій воли!—грымнувъ навспражкы розгниваный прыкажчыкъ.—Ты знаешъ, що панъ забороняють тоби ходыты въ економію—ну, и не ходы.

— Зашемъ кричаль? Онъ скоро бѣгаль?—здывувався нимець.

— Ему не дозволяють панъ ходыты въ економію,—мовывъ прыкажчыкъ.

— Зашемъ не дозволяйтъ? Онъ краль? онъ пьянъ? онъ грубій?—допытувався нимець.

— Це.... мовывъ щось пошепкы прыкажчыкъ на вухо нимцеви...

— А-а! О-о-о-о?—протягъ машыныстъ и уставывъ свои сири кругли банькы на Ивана. Иванъ не вытрымавъ цёго погляду и опустывъ, наче вынуватый, очи до долу. Пройшла хвылына, несказанно довга та тяжка для Ивана... Прожене! прожене и нимець! думавъ зъ мукою, зъ билью на серци Иванъ и не смивъ вже звесты своихъ очей вгору.

— Иды соби, Иване, зъ Богомъ! Радъ-бы у прыгоди тоби статы, та не можу.. Ты вже велыкый, повыненъ и самъ розумиты, що тоби тутъ не мисце,—звернувся Сыдиръ Степановычъ значно мылостывише до Ивана.

— Зашемъ иди? Я зоставлялъ Иванъ!—потягъ несподивано машыныстъ знову Ивана....

— Неможна, Карло Хведоровычъ! Не можна—яки бо вы! Це-жъ... тее, це, знаете.... Не зоставляйте ёго!—ставъ умовляты прыкажчыкъ.

— Я зоставлялъ Иванъ... уперто мовывъ нимець и ще дужче прытягъ парубка до себе..

— Ваша воля, Карло Хведоровычъ, тилько глядить, щобъ я потимъ не бувъ вынуватымъ....

— Не, не.... я винуфатъ! я зоставлялъ Ифанъ... я винуфатъ!—мовывъ весело нимець, ударяючы себе у груды.—Ифанъ паровикъ, а громадна пашоль сичасъ снопъ кидаль!—скомандувавъ винъ и, глянувшы на годынныкъ, подавъ третій свыстокъ.

Робота закыпила. Осинне сонечко тилько-тилько що пиднялося надъ краевыдомъ и прывитало першымъ проминнямъ новеньку, блыскучу молотылку. Це бувъ першый день іи праци, перша проба іи здибносты, и вона не загаялася показаты свою сылу. Не дали, якъ черезъ годыну робитныкы вже втомылыся, надаючы роботу іи гострымъ бычамъ. Шестеро дивчатъ, що стоялы на платхворми, поскыдалы платкы, карсеткы, але все не встыгалы надаты розвьязаныхъ снопивъ; барабанщыкы вырывалы зъ рукъ снопы, кыдалы ихъ въ барабанъ зъ перерывамы, запыхалы цили оберемкы—молотылка вымагала ще бильшого поспиху. Прыкажчыкъ бигавъ, крычавъ, переставлявъ людей зъ мисця на мисце, лаявся.... Нервовый настрій охопывъ робочыхъ—воны вже пересталы

розумиты, чы праця видповидна ихъ физычній сыли, пьялыся черезъ сылу, зъ серцемъ, проклёномъ, але машыныста ще подававъ свысткы, вымагавъ ще бильшого спиху, бо молотылка йшла на-пивъ у порожни. Нарешти прыкажчыкъ схаменувся.

— Зупынить іи хочъ на хвылыну, хай ій всячына! И солома не складена, и полову по всёму гармани роскыдано, рады ніякъ ничому не дасы!—попрохавъ Сыдиръ Степановычъ нимця.

— Ага! Кому нима роботы?—ажъ покотывся одъ смиху нимець.—Ифанъ нема роботы? Ого! Ифанъ чубъ мокра!

— Я ввесь облываюся потомъ, не-то вашъ Иванъ. Зупынить іи, каторжну;-зроду-вику не бачывъ такои скаженои молотылкы, Сюды треба у-двое бильше робочыхъ клыкать; я пиду прыведу хочъ зъ десятокъ людей,—мовывъ прыкажчыкъ...

Машыныстъ трохы у долони не плескавъ: це-жъ винъ самъ пораявъ іи купыты.... Хай, хай прыкажчыкъ прыведе ще робочыхъ—винъ добавыть ще пары...

— Нема роботы? Нетъ бедный Ифанъ роботы?—звернувся весело нимець до Ивана, зупынывшы молотылку.—Теперъ ты, Ифанъ, отдыхаль, кушай-на булка, вся кушай, а потомъ знову молотиль!—додавъ винъ и подався прочыщаты решета. Люде радисно прывиталы ци перши хвылыны спочынку...

Дивчата посидалы на платхворми, чоловикы побиглы курыты; хто бувъ пидъ половою—побиглы вытрушуваты зъ-за комира та пазухы колючу полову; але ранише одъ усихъ кынувъ роботу Марко. Кыдаты снопы на платхворму—це завжды тяжка и непрыемна робота, але на цей разъ Маркови вона здалася у-десятеро тяжчою и непрыемнишою, нижъ завжды. Ввесь часъ, кыдаючы снопы, Марко не забуваввъ ни на хвылыну, що Иванъ не тилько на гармани, але ще й биля зовсимъ легкои роботы, и ця думка наче додавала вагы до кожного снопа, що винъ мусывъ кынуты, лягала каминемъ на серце, навить зменьшала сылу у рукахъ.

Якъ тилько молотылка зупынылася, Марко побигъ до паровыка.

— А що? ще жывеньки? не пидвередылыся соломкою?—напався зразу винъ на Ивана.

— Ще брыкають, слава Богу: нимець булочкою пиддержалы!—пидтрымавъ Марка Максымъ.

— Може-бъ вы таки пожалувалы ще до насъ, попокыдалы снопивъ? Ввечери гроши однакови, що й мы, визьмете, а робыты однаково зъ намы не хочете?—прысикався знову Марко.

— Тутъ, биля паровыка, повынна стояты дивка, або хлопьякъ—хай-же теперъ и Иванови заплатять таки гроши, якъ и дивчатамъ—мовывъ Максымъ.

— Ты платытымешъ? Твои гроши?—скыпивъ Иванъ.

— Дарма, що не мои гроши—всякому досадно зносыты отаку неправду: мы ось пропадаемо за-рады полтынныка, а ты за играшкы визьмешь ти сами гроши...—завважывъ Максымъ.

— А мени, братця, ось що найдосаднише: оце-жъ винъ пхае сёгодни солому у грубу, а ввечери прыйде на вулыцю, тай выхвалятымется: я бувъ на гармани, заробывъ, якъ и инши парубкы, полтынныка,—мовывъ Марко, закурюючы биля паровыка цыгарку.

— Колы-бъ хочъ Оныська угледила ёго на роботи!—нагадавъ Маркивъ братъ.

— Що зъ того? Вона скаже: винъ не выноватый, що ёго тутъ настановылы; ёму, де звелили, тамъ винъ и ставъ—видповывъ Марко.

— Чого вы вьязнете, чого вамъ треба? Одійдить геть, бо ще комусь голову роскраю!—крыкнувъ на хлопцивъ Иванъ.

— Чы ба! И до снидання не побувъ биля молотылкы, а вже страща!—засміявся Максымъ.

— Кажу—одійдить одъ гриха!—скыпивъ ще дужче Иванъ.

— Зашемъ ви тутъ? Зашемъ не згрибалъ солома, полова? Пашоль работай!—скрыкнувъ на хлопцивъ нимець, що саме нагодывсь тутъ.

— Карло Хведоровычъ! Онъ Иванъ просыться до снопивъ—видпустить ёго, а на ёго мисце я прыведу яку-небудь дивчыну!—звернувся несподиванно Марко до машыныста.

— Зашемъ Иванъ снопи?—здывувався нимець...

— Винъ тутъ не хоче бильше стояты—каже, проби ёму тутъ скушно.

— Зашемъ скучно?—здывувався ще дужче нимець.

— Ёму, бачыте, соромно, що винъ такый здоровый парубокъ, та биля паровыка стоить. Пустить ёго до снопивъ, Карло Хведоровычъ, бо, дывиться, у ёго вже и слёзы на очи навертаются,—мовывъ не зморгнувшы Марко.

Нимець глянувъ на стурбоване, блиде, у червоныхъ плямахъ, облыччя Ивана.

— Тибе скучно? хочъ снопи, Ифанъ? Иды, иды,—згодывся нимець.

Загальный регитъ покрывъ останни слова машыныста.

— Ви радъ?—зрозумивъ нимець по-своему цей регитъ,—ви радъ, што Ифанъ до васъ?

— Эге, эге!.. пидхопылы Марко та Максымъ—скучылы, Карло Хведоровычу, за Иваномъ.

Иванъ взявъ выла и мовчкы пишовъ до скырты...

Тымъ часомъ прыкажчыкъ повернувся зъ села и прывивъ за собою душъ десять робочыхъ. Незабаромъ прыбралы на току, и нимець знову пустывъ у ходъ молотылку. На помичъ дивчатамъ стала ще одна дивка, а на скырту злизло ще два парубкы; але Марко норовывъ, щобъ Иванови доходылося найважче й нарошне ставъ напередъ, прымушуючы и Ивана зайняты постать поручъ.

— Дивчата! дывиться, якого я вамъ кыдія прывивъ! Теперъ вже не буде угайкы за снопамы. Онысько, ось глянь, кого я до тебе прытарабанывъ! — крыкнувъ цилкомъ задоволеный своею помстою Марко.

— Иванъ снопы кыдатыме? Боже поможы!—пидхопылы дивчата.

— Отъ яке дыво, що Иванъ снопы кыдатыме! Адже кыдае снопы и Марко, и Дорошъ, и Степанъ, и ось Спырыдонъ кыдатымуть—та й не дывуетеся... Тилько все зъ Ивана вамъ дывно!—заступылася за Ивана Оныська.—Почынай, Иване, кы-

даты, щобъ заздалегидь накыдаты. Ты кыдай Мотри, а Марко хай постачае мени.

— Думаешъ, не постачу, чы що?—засміявся Марко.

— Тамъ побачымо! видповила пышаво Оныська и одвернулася видъ Марка. Иванъ настромывъ на выла снипъ и кынувъ ёго зъ усіеи сылы. Снипъ перелетивъ черезъ молотылку и упавъ на голову якоись дивчыны.

— Який тамъ катъ шпурляется?—скрыкнула зъ серцемъ дивчына, у котру улучывъ Иванъ.

— Цытьте! Терпы, хрещеный мыръ—Иванъ снопы кыда!—сповистывъ на увесь гарманъ Марко.

— Годи хвастаты! Чого це ты справди глузуешъ? Ачъ який самъ робитныкъ вдатный!—обизвався дядько Хведиръ, що перекыдавъ биля скырты снопы.

— Ты ось краще поминяйся мисьцемъ зъ Иваномъ, колы ты справди такый мытець кыдаты. Ты стань на цей бикъ, а Иванъ хай становыться за витромъ, то ёму легше буде,—додавъ дядько Степанъ.

— А нуте, якъ васъ по батюшци, становиться на мое мисце—звернувся трохы засоромленый Марко до Ивана. Але Иванъ не рушывъ зъ мисця.

— Не комызыся, Иване, не дывыся на Марка—стань, куды люде радять—мовыла Оныська и нарошне перейшла на другый бикъ платхвормы. Иванъ мусивъ перейты тежъ и ставъ навпроты Мотри.

Почалась робота. Иванъ ставъ кыдаты снопы. Спочатку снопы не здавалысь важкымы—иноди зъ пересердя винъ навить и не прымичавъ ніякои вагы, але трохы дали, якъ тилько скырта стала ныжчаты, а на души заспокоилося, снопы значно поважчалы и иноди сталы спрысаты зъ вылъ. Проте винъ надававъ Мотри роботы и ни разу ще не чувъ видъ неи: „снопивъ!“ Зате Маркови прыйшлося насправжкы до скруту: разъ не зручно було проты витру кыдаты, а вдруге и Оныська не давала й дыхнуты.

— Снопивъ! снопивъ!—крычала вона, якъ тилько прымичала, що Марко хотивъ хочъ хвылыну перепочыты.

— На, йижъ! на, йижъ, ненажерлыва!—сміявся Марко, шпурляючы снопамы, але почувавъ, що сылы ёго значно меньшають.

— Вже сопышъ? Передыхаешъ, спочываешъ? Утомывся вже?—напався Марко зъ пересердя на Ивана, котрый справди ледве переводывъ духъ и хотивъ спочыты.—Я за двохъ не робытыму: я прыкажчыкови поскаржуся.

— Адже у Мотри немае угайкы: снопы йе,—видповивъ Иванъ, самъ одначе гараздъ не розуміючы, колы и якъ винъ надавъ таку купу снопивъ.

— Снопивъ! снопивъ!—ажъ затупотила Оныська.

Марко не встыгъ гараздъ обитерты й поту.

Иванъ кынувъ снипъ, другый, третій и знову ставъ спочываты.

— Вже спочываешъ?—запрымитывъ Марко.

— Снопивъ! снопивъ!—гукнула Оныська.

Марко скынивъ: черезъ хвылыну Оныська була закыдана снопамы трохы не зъ головою.

— Теперъ задовольнылася, ненажерлыва? — запытавъ Оныську Марко, прысидаючы на скырти, щобъ хочъ тришечкы перепочыты.

— Снопивъ! снопивъ!—закрычала черезъ хвылыну Оныська.

Марко ажъ пидскочывъ.

— Та що то за знакъ? Куды ты снопы диваешъ? А! онъ що!—нарешти зрозумивъ винъ.—Це ты Мотри мои снопы пересуваешъ. Такъ ни-жъ, цёго я дали не попущу! Ачъ, що прырозумилы! Иванъ гавъ ловыть, а я за ёго працюю... Кыдай, кыдай, котячый недойидокъ, колы прыйшовъ на роботу!—накынувся винъ на Ивана.

— Адже я кыдаю!—видповивъ Иванъ, настромляючы на выла снипъ.

— Адже винъ увесь часъ кыдавъ—у мене не було николы угайкы за снопамы,—заступылася и Мотря.

— Знаю я, бачывъ я, якъ винъ кыдавъ! Ну, теперъ я тоби й снопа не подарую—кыдай наривни зо мною, колы берешъ однакови гооши. Онысько! колы ты хочъ одынъ снипъ передасы Мотри, то я покыну роботу.

— Нужни комусь твои снопы! Иванъ самъ надае намъ обомъ снопивъ—видповила, ледве здержуючы смихъ Оныська.

А Иванъ тымъ часомъ скынувъ шапку, скынувъ чумарку и заходывся шпурляты снопы.

— А що, а що? Дывыся, скилько у Мотри снопивъ! У мене и въ половыну нема стилько, якъ у неи—дратувала Оныська похмурого, безъ краю сердытого, Марка.

— Побачымо дали!—буркнувъ винъ... Побачымо, що дали буде.

— Все добре й дали буде—мовыла зъ певнистью Оныська.

Иванъ тежъ певенъ бувъ, що „дали все добре буде". Чого справди цей Марко каркае. Адже-жъ винъ самъ снопы кыдае! По шисть парубкивъ зъ кожного боку молотылкы стоять на такій же самій роботи; ще тамъ, що зъ того боку стоять, важче доходыться, бо треба снопы кыдаты зъ-долу... Маркови тежъ сутяжнишъ проты витру кыдаты; до того кыдавъ винъ ввесь часъ майже за двохъ. Проте вси воны управляются, вси наривни роблять. Чому-жъ тилько винъ не здолае свого накыду, не управыться зъ снопамы? „Хочется тоби, братику, опорочыты мене передъ людьмы, а найпаче передъ Онысько—та я не попущу себе до того",—подумавъ самъ соби Иванъ и ставъ ще жвавише працюваты.

Пройшло якъ съ пивгодыны. Мотря ни разочку не нагадала Иванови про снопы. Оныська тежъ мовчала и тилько, зустрывшысь зъ поглядомъ Ивана, лукаво пидморгувала на Марка. Марко наче у ротъ воды набравъ: не звертався, не обзывався ни до кого и пыльно поглядавъ, щобъ жаденъ снипъ не попавъ до Мотри.

Але ось щось несподиване трапылося зъ Иваномъ: у голови помутылося, зачервонило у виччю... кольнуло разъ, вдруге у ливый бикъ... ось пройняла колька все сердце наскризь. „Спочыты-бъ трохы"—промайнуло въ ёго голови.

— Не сопы! Не хекай! Кыдай!—прошыпивъ надъ самымъ ёго вухомъ Марко.

— Ось зразу... кыдатыму... видповивъ наче трохы очунявшы одъ цыхъ сливъ Иванъ.

— Кыдай! я вдруге за тебе не робытыму! У всихъ снопы йе; тилько у тебе немае!—мовывъ знову Марко.

Иванъ глянувъ на платхворму—у Мотри справди снопивъ не було, а Оныська наче скамьянила и зъ невымовнымъ жахомъ дывылася на ёго...

— Кыдай-бо!—грымнувъ ще дужче Марко.

Иванъ перевивъ духъ, перемигъ кольку и ставъ знову кыдаты, кыдаты, та ще кыдаты нависни снопы...

Ш.

Прыкажчыкъ, здавалося-бъ, не мавъ теперъ на вищо скаржытысь: ни за лантухамы, ни за водою, ни за соломою не було вгайкы; роспорошени по всимъ току робочи давалы ладъ кожній соломыни, кожній збоини. кожній зерныни; адже Сыдиръ Степановычъ ходывъ невеселый. На вищо винъ вставъ сёгодни спозаранку, рады чого бигавъ по селу, йиздывъ вэрхы по хуторахъ, колы той, на корысть чію винъ працювавъ, не хоче выйты хочъ на хвылыну та подякуваты Сыдорови Степановычу за ёго порядкы? Ось вже сонечко на обидъ звертае, а пана все нема... Даремно прыкажчыкъ выбигае за тикъ, даремно вызырае, даремно посылае въ экономію то за тымъ, то за другымъ, абы нагадаты панови, що на гармани йде молотьба—панъ все не йде.

Але панови й справди теперъ не до молотылкы...

Блидый, безъ краю стурбованый, бигае винъ мовчазный взадъ и впередъ по просторимъ кабинети и, здается, не бачыть, не розуміе, не памьятае ничого, опричъ тіеи думкы, що цилкомъ опанувала нымъ. На шырокій, крытій оксамытовымъ кылымомъ турецькій канапи сыдыть ликарь. Винъ тежъ мовчыть, але спокійне облыччя ёго доводыть, що винъ не тилько не прыймае ніякои участи у турботахъ пана, але навить не розуміе ёго и нетерпляче сподивается тіеи хвылыны, колы нарешти панъ заспокоится и покладе кинець цій довгій, непрыемній и до того незрозумилій аудіенціи.

— Выбачте!—мовывъ нарешти ликарь, пидводячысь зъ канапы—дали я не можу, на превелыкый жаль, зоставатысь у васъ. Вже девята годына, а я мушу сёгодни неодминно одвидать своихъ амбулаторныхъ.

— Благаю васъ, добродію, погодить трохы, не покыдайте мене... Вы бачыте, у якому я настрію. Я стилько покладавъ надіи на васъ... нарешти я хочу запобигты у васъ порады зъ прыводу пытання, дорожчого за-для мене надъ саме жыття— попрохавъ Петро Ивановычъ.

— Впевняю васъ, що ангина вашого сынка пройде черезъ два дни, проте... колы вы, може, не ймете виры мени, то запрохайте иншого ликаря.

— Не те, зовсимъ не те!—перепынывъ Петро Ивановычъ ричъ ликаря... Про ангину я навить забувся и думаты.

— У такимъ рази я вже зовсимъ не розумію, на вищо я вамъ здався?—завважывъ ликарь.

— Сядьте, прохаю васъ, подаруйте мени якъ зъ пивъ годыны, и вы впевнытеся, що я не даремно запрохую васъ зостатысь у мене, що я дійсно маю до васъ, якъ до ликаря, якъ до молодои, интелигентнои людыны, велыке дило.

Ликарь поклавъ свій картузъ на мисьце и сивъ знову на канапи.

— Вы сами звернулы, добродію, увагу на те, що сынокъ мій, колы вы оглядалы ёго, обирвавъ несподивано ричъ на пивслови и зомливъ на короткый часъ.

— Такъ, я звернувъ на це увагу, але особлывого значиння не прыдавъ, бо, здается, сынокъ вашъ—кремьязный хлопець и ни на яки нервозы не може поскаржытысь.

— Помыляетесь, помыляетесь вы, добродію!—мовывъ зъ одчаемъ Петро Ивановычъ. Це винъ вже въ третій разъ зомливае и сёгодни я впевнывся, що те, объ чимъ я боявся подуматы, згадаты,—гирка правда: я певенъ, що мій Сергій эпилептикъ.

— Може вы поспишаете зъ діагнозомъ?—завважывъ ликарь...

— Ни, ни! на превелыке горе мое, на безталання мое, я не помыляюся. Люта, немылосердна прырода не схотила

поступытысь и на ступинь видъ своихъ законивъ за рады мого безталанного сына, не помылувала вона и ёго нещаслывого...

— Хиба эпилепсія у васъ у роду?—запытавъ ликарь.

— Ця хвороба проклёномъ лежыть на всій моій родыни видъ самыхъ пращуривъ... Никого вона не мынула, ридко кому не скоротыла на половыну жыття. Вси мы, родычи, це знаемо. Я йиздывъ за кордонъ, я радывся зъ ликарямы, я личывся, не зважувався довгый часъ женытысь, бо певенъ бувъ, що тягаръ ціеи проклятои хворобы не мыне й моихъ дитей. Але ось на трыдцятимъ роци эпилепсія мене покынула.—Я наче на свитъ народывсь, але ще висимъ рокивъ оберигався женытысь, нарешти я зробывъ цю мерзенну гыдоту—я оженывся и давъ жыття безталанному эпилептику. Уявить-же теперъ мое становыще, зрозумійте мукы моеи совисти!

— О!—поспишывся ликарь заспокоиты стурбованого пана:—це звычайна ричъ! У нашъ викъ батькы залышають своимъ дитямъ писля себе далеко бильше рижныхъ недугивъ, нижъ червонцивъ.

— Звычайна ричъ? Злочынство всяке, душогубство тежъ, добродію, звычайна ричъ; адже я певенъ, що колы-бъ я пидъ вплывомъ помсты або якого хыжого инстынкту утявъ кому-небудь ногу або руку, колы-бъ я вчынывъ навить своему ворогови яке зло,—вы-бъ першый осудылы мене и не схотилы поводытыся зо мною, якъ зъ ривнымъ соби... Бильшъ того,—колы бъ, напрыкладъ, зналы, що я, маючы яку-небудь заразну хворобу, пишовъ помижъ здоровыхъ людей—вы бъ вважалы за свій обовьязокъ зупыныты мене. Черезъ вищо жъ батькы корыстуются окремымы прывилегіямы? Хто давъ прывилегію батькамъ обрикать свою дытыну на виковични мукы, надаючы ій то хворе серце, то туберкулёзъ, то эпилепсію? Якъ можете вы, ликарь, натуралыстъ, называты спокійно таки вчынкы звычайною ричью?

— Одъ усёго серця стыскую вашу руку, Петре Ивановычу, обизвався ликарь.—Я васъ спочатку не зрозумивъ. Мы, ликари, краще нижъ хто иншый бачымо те горе, ти страшенни наслидкы батькивськои необережносты, жертвамы котрои заповнени дитськи

больныци, вьязныци, дома для божевильныхъ. Вы, прынаймни, вкупи зъ наслидуваною хворобою передаете сынови и наслидувани маетки, вы обезпечуете жыття своій хворій дытыни, вы даете можлывисть жыты у пидхожыхъ за-для ёго слабого организму умовахъ; а скилько такыхъ батькивъ, що, надилывшы дытыну своимъ слабымъ организмомъ, кыдають іи на голодъ, холодъ, вымагають видъ дытыны боротьбы, колы вона не здатня навить на спокійне життя...

— О! про це вже ничого й казаты!—завважывъ Петро Ивановычъ.—Колы бъ я не мавъ достаткивъ, щобъ забезпечыты свою дытыну, то я бъ напевне не оженывся. Але, бачыте...—повивъ Петро Ивановычъ свою ричъ дали:—таку дытыну, якъ мій хворый сынъ, мало забезпечыты матеріяльно—ёму насамперед потрибенъ спокій моральный.

— Ну, це вже не видъ васъ залежыть,—мовывъ ликарь.

— Трохы й видъ мене,—завважывъ Петро Ивановычъ.—Я, по соби знаю, постилько жыття наше, интелигентныхъ людей, залежыть видъ того чы иншого идеалу, видъ того чы иншого свитогляду. Я, напрыкладъ, увесь викъ свій бувъ мученыкомъ, дякуючы тому, що батько мій, людына сороковыхъ рокивъ, пестывъ мене у идеалахъ своихъ молодыхъ годивъ.

— Ну-те?

— Я хочу уберегты свого сына видъ траты сылы и энергіи на даремну боротьбу зъ жыттямъ; я выробывъ соби окрему програму для выхованія свого сына и попрохаю у васъ маленькои допомогы.

— Чымъ можу статы вамъ у прыгоди?—запытавъ ликарь.

— Вы недавно скинчылы университетъ, напевне маете звьязокъ де-зъ-кымъ зъ своихъ товарышивъ... порадьте мени, будьте ласкави, кого-небудь у воспытатели до сына. Людына ця повынна буде насамперед выховуваты зъ мого сына индиферентного, спокійного по-всякъ-часъ, и въ гори, и въ радосты, стоика. Бильшъ того, зарады спокою, зарады здоровья свого сына, за котре я повыненъ буду ввесь викъ свій даваты видповидь

передъ судомъ своей совисти, я здатенъ видступыться видъ найдорожчыхъ принцыпивъ и радо прывитаю ту людыну, що навчыть мого сына не прымичаты, прынаймни не звертаты увагы ни на зло, ни на неправду, ни на яку околышню гыдоту—одно слово: ни на вищо, що могло-бъ стурбоваты ёго хвори нервы.

— Ну, такого воспытателя вы напевне не знайдете!—засмiявся ликарь, бо наврядъ, щобъ яка интелигентна, дiйсно освичена людына погодылася зъ такою програмою эгоистычного индиферентызму... Гадаю, що трохы згодомъ, колы вы заспокоитеся, то вы й сами iи видкынете... Але у всякимъ рази, якубъ программу не натхнуло вамъ ваше горе, я буду завжды згадуваты часъ прыемного знаёмства зъ вамы и видъ щырого серця кажу вамъ: вы—идеальный батько! Дайте намъ якъ найбильшъ такыхъ батькивъ, якъ вы, людей зъ такымы принципамы, зъ такымъ певнымъ, яснымъ поглядомъ на свои батькивськи обовьязкы, на свою видповидность за долю своеи дытыны,—и видъ разу въ якыхъ-небудь пивсотни рокивъ, хворыхъ, злочынцивъ, божевильныхъ и взагали нещастныхъ людей поменьшае на добру четвертыну...

— Сергiй йисты хоче... звелышъ даты, чы хай пидожде?—запытала, увиходячы у кабинетъ, молода, повновыда пани, жинка Петра Ивановыча.

— Ни, хай ще перетерпыть до десятои годыны—видповивъ Петро Ивановычъ, зазырнувшы на свiй годынныкъ...

— Вы сами и за йижою наглядаете?—здывувався ликарь...

— И за йижою, и за одягомъ, и температурою—за всимъ винъ самъ доглядае; мени, якъ матери, ничого и робыть,—завважыла весело пани...

— Я тилько що назвавъ вашого чоловика идеальнымъ батькомъ. На превелыку радисть свою, зъ кожною хвылыною впевняюся, що я не помылывся,—звернувся ликарь до панiи.

— О, Петро Ивановычъ, якъ батько, не мае, здается, соби и ривни. Тымъ-то винъ и доларубкувався до сорока рокивъ, що все боявся цихъ страшенныхъ батькивськыхъ обовьязкивъ,—видповила пани.

— Кони подани! сповистыла дивчына... Ликарь мавъ прощатысь...

— Я не довивъ своеи речи до кинця, вы такъ поспишаетесь...—мовывъ панъ.

— Другымъ разомъ радо побалакаемо. Вы зачепылы пытання, съ прыводу котрого йе багацько що казаты; але теперъ я не можу, выбачте мене,—видповивъ ликарь, простуючы до переднёи. Петро Ивановычъ выйшовъ ёго проводыты.

— Дуже васъ прохаю, колы маете яку добру книжку про эпилепсію, то передайте мени—я вамъ незабаромъ поверну ïи,—попрохавъ панъ въ передній.

— Не ражу вамъ чытаты ликарськи книжкы,—завважывъ на-пивъ зъ жартомъ ликарь.

— Ни, ни! Гроши, выховання, медыцыну—все мушу поклыкаты на допомогу соби, щобъ хочъ трошечкы заспокоиты свою совисть,—мовывъ палко панъ.—Тяжко, знаете, невымовно тяжко почуваты себе ворогомъ своеи дытыны,—додавъ винъ трохы згодомъ, одвертаючысь до викна, передъ которымъ давно сподивалася ликаря пара чудовыхъ сирыхъ коней, запряженыхъ у блескуче нове ландо.

— Машынысть ликаря клычуть!—крыкнувъ несподивано пидъ самымъ викномъ якый-сь хлопець...

— На вищо?—запытавъ панъ.

— Парубокъ кинчается!—мовывъ хлопець.

— Якый парубокъ? Де винъ?—запытавъ Петро Ивановычъ.

— На гармани—кыдавъ снопы... зомливъ, упавъ, а теперъ кинчается—видповивъ якось несмилыво хлопець.

— Якый-же це парубокъ?—запытавъ панъ.

— Не знаю... лыбонь Иванъ Степаныдынъ,—мовывъ хлопець.

— Спизнюся я сёгодни до моихъ пацiентивъ, але ничого робыты—треба бигты на гарманъ,—мовывъ ликарь, спишно одягаючы пальто.

— Ни, ни... не турбуйтесь про цёго хлопця: це зъ нымъ звычайна ричъ... винъ давно не здужа... Тутъ йе у насъ больныця—

я звелю зразу одвезты ёго!—поспишывся Петро Ивановычъ заспокоиты ликаря.—Впевняю васъ, що вамъ нема для чого гаяты часу биля ёго... А ты,—звернувся панъ до хлопця, видразу зминывшы голосъ,—гукны до мене прыкажчыка!—Скажы, щобъ все кыдавъ та йшовъ!—додавъ винъ надто, якъ здалося ликареви, суворо. Хлопець майнувъ, скилько духу, до прыкажчыка, а ликарь сивъ спокійно у ландо и выйихавъ зъ двору.

IV.

Ландо завернуло за садъ, помынуло гарманъ и покотылось по-надъ крутымъ берегомъ узенькои, але глыбокои чыстои ричкы. Ликарь обиперся объ подушкы экипажа и закурывъ цыгарку. Винъ почувавъ себе у цей соняшный, осинній ранокъ незвычайно гарно. Чы то чудова панорама на ричку, на витрякы, на ростягнуте довгою стёжкою по-надъ ричкою село изъ садкамы, шырокый степъ, чы то безхмаре небо, що, злываючысь десь далеко на краёвыди зъ темнымъ лисомъ, робыло наче ряму кругъ сёго щастлывого куточка, де люде, напевне, жывуть спокійно пидъ пуховымъ крыльцемъ такои освиченои, такои гуманнои людыны, якъ панъ Петро Ивановычъ; чы то свиже тыхе повитря чудового ранку, а чы, може, це несподиване знаёмство, ця коротенька розмова зъ „идеальнымъ“ батькомъ, зробылы таке вражиння на молоду, чулу душу ликаря? Напевне, напевне це винъ, самъ панъ, навіявъ своимы словамы, своимъ ридкымъ у наши часы свитоглядомъ цей настрій, а краевыдъ и небо, и повитря, и село, и ричка—це тилько эстетычни додатквы до того вражиння, що зробывъ самъ панъ,—це той винокъ, котрымъ уквитчала сама прырода людыну, пизнавшу, прызнавшу и поклавшу соби за обовьязокъ маты завжды ii певни, нерухоми законы на увази.

— Тпрр!—спынывъ несподивано визныця коней.

— Що тамъ таке?—запытавъ ликарь.

— Онъ хтось гукае! Здается, нимець бижыть,—показавъ рукою визныця у ту сторону, звидкиль доносывся гулъ молотылкы.

Ликарь глянувъ туды. Справди, якыйсь чоловикъ, весь у билому, бигъ навпереймы ландо и махавъ платкомъ.

— Винъ щось и крычыть, та не розберу ничого,—мовывъ визныця... Винъ якъ поблызу балака, то не утнешъ видразу, а здалека зовсимъ не розберешъ ничого—додавъ винъ.

— Це винъ, здается, мене гукае!—мовывъ ликарь.

— Може и васъ,—мабуть, чы не до Ивана.

— Господинъ докторъ, господинъ докторъ!—донеслося до ликаря.

— Такъ и йе—це винъ васъ клыче: мабуть, тому сердешному Иванови не перелывкы, бо нимець даремно не побижыть, завважывъ визныця.

Ликарь вставъ зъ ландо и пишовъ машыныстови назустричъ.

— Господинъ докторъ! Ифанъ вмирай! Ради Богъ, скорей!—мовывъ запыханый, червоный нимець, поздоровкавшысь зъ ликаремъ.

— Петро Ивановычъ казавъ, що ёго заразъ одвезуть у больныцю,—спробувавъ одмигтыся ликарь.

— Ифанъ вмирай! Нельзя больныць... Пожальста, господинъ докторъ! Пожальста... одинъ секундъ...—прохавъ нимець, важко переводячы духъ и вытыраючы зъ лоба зъ горохъ завбильшкы крапли поту.

— Николы мени—отъ горе!—мовывъ наче про себе ликарь...

— Пожальста, пожальста, одинъ секундъ!—прохавъ ще пыльныше нимець и повернувъ до гарману. Ликарь пишовъ за нымъ. Нимець простувавъ прямо черезъ канавы до гарману и зупынывся биля вузенького суточка по-мижъ двохъ жытнихъ скыртъ.

— Кидаль снопъ... упаль и—конвульсій... Теперь слава Богъ! прошоль конвульсій, тилько обморокъ!—мовывъ Карлъ Хведоровычъ, опускаючысь навколюшкы передъ лежавшымъ на земли зомлилымъ Иваномъ. Ликарь оглядивъ парубка. „Де я ёго бачывъ?“—промайнуло у ликаря въ голови—„Я певенъ що десь и, здается, недавнечко, бачывъ я и цей высокый, трохы одлогый лобъ,

и цей тонкый, ривный нисъ, и це на-двое передилене пидборидця, и навить цей русявый кучерявый чубъ, що такъ неслухняно падае на очи. Але де? Колы?"

— Теперъ ёму вже полегшало—винъ чы не заснувъ, а за хвылыну таке було, що не прыведы Царыце Небесна! Думалы, що винъ скаличытся на вики: и ногы, и рукы корчыло, й выдъ корчыло на бикъ,—обизвався дядько Хведиръ, скыдаючы зъ гарбы снопы.

— О! какой биль конвульсій!—додавъ нимець... И рукы, и ногы, и голова... Ну, теперъ онъ буде спокойнъ? не будетъ больше конвульсій?—запытавъ винъ, трохы заспокоившысь, ликаря.

Але ликарь не встыгъ видповисты на це пытання, якъ Иванъ знову засипавъ рукамы, ногамы, знову затрипалося усе тило, изновy налыти кривью банькы забигалы, перекосылыся, зъ рота выкотылася темнымъ клубкомъ пина...

— Ищо конвульсій!—мало не крыкнувъ зъ одчаемъ Карлъ Хведоровычъ.

— Хлороформу, швыдче!—звеливъ ликарь.

— Хлороформъ! Жифо бижаль, штобъ даваль помещикъ!—скомандувавъ Карлъ Хведоровычъ, доручаючы нагодывшомуся погонычу клаптыкъ спысаного паперу.

— Винъ, мабуть, помре! Ачъ, якъ ёго кыда, сердешного—ще дужче, нижъ раныше,—обизвався зъ скырты Степанъ.

— Це ёму, мабуть, вже не вперше трапляется?—запытавъ дядькыйвъ ликарь, покрываючы выдъ Ивана машынысстовымъ платкомъ.

— Ни, такого ще зъ нымъ николы не було. Млявый винъ бувъ видъ самыхъ пелюшокъ: якъ розсердытся було, або попоробыть дуженько, такъ и зомліе видразу; а про чорну болисть ще не було доси чуткы,—видповивъ Степанъ.

— Сёгодни винъ попоробывъ трохы черезъ сылу: хотивъ, бачте, довесты челяди, що й винъ здатенъ до роботы, а воно ёму зразу й показало,—завважывъ Хведиръ.

— Воно тамъ и роботы було зъ ёго, Бога рады: копу чы й скынувъ на молотылку, чы й ни?... Мій Опанасъ молодшый за

ёго, проте видъ самого ранку любисенько кыдае снопы,—обизвався знову Степанъ.

— Хиба тилько Опанасъ кыда? И Марко, и Корній, и Тимохвій—уси ёго однолиткы на тій самій роботи. Робота не завадыть, якъ здоровья йе—видповивъ Хведиръ.

— То жъ то й йе! А у цёго безталанного Ивана ни тила, ни сылы и звання нема. Ачъ, якый худый,—мовывъ Степанъ, злазючы зъ скырты.

— Да, да! онъ ошень слабъ, ошень слабъ. Нетъ жиръ, нетъ тѣло!—пидхопывъ нимець, тяжко зитхнувшы и показуючы пальцемъ на росхристани, важко дыхаючи груды Ивана.

Але, властыво кажучы, тутъ не могло буты навить и речи про абы-якый жыръ, абы-яке тило. Незвычайно тонки за-для простои людыны кисткы, обтягнени жовтою, сухою, якъ пергаментъ, шкурою, ситка темныхъ, налытыхъ венозною кривью жылъ, та попсовани, хвори нервы складалы собою ввесь той организмъ, що повыненъ бувъ здобуваты соби коженъ шматокъ хлиба сутяжною працёю.

— Завертай, Хведоре, воливъ, та везы Ивана у больныцю!—гукнувъ несподивано, надиходячы до хворого, чымсь розгниванный прыкажчыкъ.

— Нетъ, нетъ!—запротестувавъ Карлъ Хведоровычъ,—онъ слабъ, онъ конвульсій!

— Ни, годи, Карло Хведоровычъ! теперъ васъ бильше ныколы не послухаю: нагорило й такъ мени видъ пана, дякуючы вамъ за Ивана!

— Я принялъ Ифанъ, я самъ сказаль помещикъ!—мовывъ нимець, ударяючы себе у груды.

— Завертай воливъ та везы швыдче у больныцю,—звеливъ вдруге прыкажчыкъ, не звертаючы ніякои увагы, ни на протестъ нимця, ни на побильшавши ще конвульсіи Ивана.

— Я не дозволю займать Ивана, покы винъ зовсимъ не заспокоится и не очуняе!—мовывъ властно ликарь.

— Онъ вже Матвій и ликы несе,—обизвалася дивчынка зъ гурту дитей, що зибралысь до скырты дывытысь на хворого парубка.

— Ну, жифо, жифо! Давай скорій!—гукнувъ Карло Хведоровычъ на наблызывшогося до гарману хлопця.

— Нема ничого!—видповивъ хлопець и пиднявъ у-гору, наче на доказъ, порожни рукы.

— Якъ-то нема? Що ты брешешъ? ты квитокъ загубывъ?—скыпивъ ликарь.

— Ни, я давъ панови квитокъ, воны прочыталы та й не далы ничого: проби, у больныцю,—тамъ, кажуть, дадуть всёго, чого треба, а машыныстъ хай идуть заразъ до молотылкы.

— Ты жъ казавъ панови, що я на гармани, що це я, ликарь, ославъ тебе?—запытавъ ликарь хлопця.

— Ни, не казавъ.

— То жъ то й йе! Побижить, прохаю васъ, вы, до дому, Хведоре. Ось я напышу зразу до пана. Не гайтесь тилько, бо парубкови погиршало. Скажить тамъ панови...

— Степанъ молодшый—хай винъ пійде!—перебывъ Хведиръ ричъ ликареву.

— Васъ посылають—вы и йдить!—видмигся и соби Степанъ.

— Оба бижаль! оба разомъ, жифо бижаль!—скомандувавъ нимець.

— Але ни Степанъ, ни Хведиръ не рушылы зъ мисця.

— Та що це таке? Оглухлы вы, чы що? Говорыться бо вамъ: идить швыдче до пана!.. грымнувъ на дядькивъ ликарь.

Дядькы почухалыся, переглянулыся и, наче змовывшысь, одійшлы заразомъ геть за скырту.

Ликарь ажъ пидскочывъ.

— Та що це справди таке? Це не люде—це хыжи звири! Вы—прыкажчыкъ; звелить хочъ вы своимъ робочимъ пійты въ экономію.

— Воны не пійдуть!—видказавъ прыкажчыкъ.

— Якъ то не пійдуть? Идить у такимъ рази вы сами до пана. Розуміете—парубокъ помырае у васъ на гармани.

— Ни́колы мени бигаты—у мене тежъ свое дило йе,—буркнувъ прыкажчыкъ и одійшовъ и соби геть.

— Свинь! Скотъ! Я тибе показаль, я тибе... кынувся бувъ Карло Хедоровычъ за прыкажчыкомъ, але мыттю схаменувся и повернувъ назадъ.

— Я сичасъ самъ бижаль! Я жифо!—мовывъ винъ до ликаря, и въ ту-жъ хвылыну зныкъ за ожередомъ.

Ликарь зостався самъ биля Ивана. Молотылка гула за скыратмы; по всёму степу биля довгыхъ скыртъ пшеныци метушывся скотъ, люде. Купка загорилыхъ, чорвоновыдыхъ здоровенькыхъ дитокъ, нагледившысь на Ивана, почалы гратысь на сусидній левади. Передъ ликаремъ, наче зъ земли, выросталы велычезни ожыреды соломы; що хвылыны пройиздылы то пидводы зъ лантухамы, то водовозы, то возіи; праця, жыття кыпило навкругы. И здалося ликареви, що ци конвульсіи, ци мукы хворого Ивана—не що инше, якъ тежъ видгукъ слабого организму на околышній настрій, околышній рухъ здоровыхъ людей. Хто винъ цей парубокъ? Чы мае винъ родыну, чы круглый сырота? Чы батько, чы ненька надилыла свого безталанного сына цымъ нездатнымъ до праци организмомъ? Чы розуміють воны свою провыну передъ сыномъ? Наврядъ! И пригадалося ликареви тепле, спокійне лижко маленького паціента Сергія, пригадалося стурбоване, замыслене облыччя надъ лижкомъ хворого сына Петра Ивановыча, пригадалася до останнёго словечка коротенька щыра розмова зъ „идеальнымъ“ батькомъ. О, колы-бъ, колы-бъ побильшало на свити такыхъ батькивъ!.

Але ось зашелестила солома—ликарь обернувся. Зъ-за скырты несмилыво вызырнула якась дивчына. Вона окынула едынымъ, безъ краю смутнымъ, переляканымъ поглядомъ Ивана и, наче засоромывшысь ликаря, мыттю сховалась за скыртою.

— Онысько!—гукнувъ хтось биля молотилкы.

Солома изновy зашелестила, и дивчына побигла.

А тымъ часомъ Иванови гиршало зъ кожною хвылыною. Затыхшы було трохы, конвульсіи почалыся ще зъ бильшою сылою. Ликарь ставъ пидмощуваты, що мавъ пидъ рукою, пидъ голову Ивана, пидложывъ пидъ рукы роспущени снопы и нетерпляче выглядавъ нимця...

— Свистокъ давай! Не надо молотыть!—гукнувъ несподиванно нимець, перестрибуючы канаву, и черезъ хвылыну склянка зъ хлороформомъ полетила зъ-за скырды и упала повзъ самого ликаря.

— Свистокъ давай!—доносылося до ликаря вже зъ-за клуни.

— Не надо снопъ! Не надо! Не надо молотиль!—гукнувъ ще дали нимець, и ликарь почувъ, якъ здоровенный пасъ молотилкы гепнувся зъ усіеи сылы объ землю.

Молотылка видразу замовкла. Робочи наче скамьянилы: дивчата захололы зъ снопамы у рукахъ, чоловикы задублы зъ пидведеннымы вгору выламы, возіи сталы, якъ вкопани, середъ току, водовозы дывылыся и не бачылы, що вода давно лылась поверхъ цебра; тилько самъ Карло Хведоровычъ не бачывъ, наче не примичавъ того вражиння, що робылы ёго слова, и ще дужче гукавъ, ще дужче спынявъ роботу.

— Що це за знакъ? Карло Хведоровычу, що трапылося?—кынувся перелякано прыкажчыкъ до машыныста.

— Не хотѣлъ молотиль! Не будетъ больше молотиль! Не смей ѣхаль по снопы, не смей подаваль!—лютувавъ, наче самъ не свій, Карло Хведоровычъ, бигаючы помижъ оторопилыхъ мовчазныхъ робитныкивъ, вырываючы зъ ихъ рукъ снопы, выла, оберемкы соломы

— Що тамъ скоилося? Молотилка потерялася, чы панъ може заборонылы молотыть?—допытувався прыкажчыкъ.

— Карлъ Ѳедоровичъ не хотѣлъ молотиль! Карлъ Ѳедоровичъ не хотѣлъ служиль у такой помешшикъ! Карлъ Ѳедоровичъ не хотѣль бралъ денегъ у такой шеловѣкъ. Онъ скверни шеловѣкъ помешшикъ Марьенковъ! Пошоль! Всѣ пошоль! Нихто работаль на гарманъ!—крыкнувъ ще дужче нимець и кынувся до терезивъ, де чоловикы доважувалы пшеныцю. Чоловикы розступылыся, лантухъ упавъ до-долу. Нимець перескочывъ черезъ розсыпану пшеныцю, перебигъ черезъ купу розистланого на брезенти послиду и майнувъ прямо туды, де лежавъ Иванъ.

— Онъ уже спокоинъ? Онъ спаль? Я ёго взяль съ собою, я ёго сдѣлаль майстръ, бедни Ифанъ!—мовывъ нимець, уздрившы

прыкрытого платкомъ, протягшогося у весь зристъ, нерухомого теперъ Ивана.

— Иванъ вже умеръ; не вытримавъ останнихъ конвульсій!—мовывъ сумно ликарь, видкрываючы сыне, ажъ чорне облыччя парубка.

— Умеръ! Ифанъ умиралъ?—перепытавъ не своимъ голосомъ нимець.

— Вмеръ!—мовывъ вдруге ликарь.

— О-о-о-о!—протягъ Карло Хведоровычъ и мовъ скамьянивъ.—Прикащикъ, прикащикъ! подвода мени! Сичасъ подвода! Я—вонъ зъ экономіи... Геръ дохторъ! Геръ дохторъ! Ви знайтъ?.. ви слихалъ?.. Это Ифанъ... Эго худъ, это бледъ,.. это слабъ Ифанъ—это сынъ нашъ помешникъ Марьенковъ! Да! да! сынъ помешникъ!...

Ликарь схопывся на ногы и обвивъ гуртъ людей, що зибрався тымъ часомъ биля Ивана, здывованнымъ поглядомъ.

— Невже цёму правда?—запытавъ винъ.

— А вже-жъ правда! Степаныда, мать Иванова, служыла у пана въ горныцяхъ, покы винъ ще не женывся, тамъ и сына прыдбала,—мовывъ Хведиръ.

— Тымъ-то мы, панычу, и за ликамы Иванови боялыся иты. Хиба-бъ же мы таки не пишлы, колы-бъ воно, мовлявъ, не... тее?—додавъ Степанъ.

Ликарь не промовывъ бильше ни слова, але теперъ винъ зрозумивъ, чіе облыччя прыгадалося ёму, колы винъ дывывся на полумертвого Ивана; теперъ винъ знавъ, якый батько надилывъ свого сына такымъ организмомъ: „идеальный“ батько щыро подилывся и слабымъ организмомъ, и попсованымы нервамы, и нездатнымъ серцемъ зъ своимъ старшымъ сыномъ, навить лыченько свое, вроду свою панську давъ ёму, и тилько дрибныцю—маеткы та батькивськи обовьязкы залышывъ про другыхъ, „законныхъ“ дитей.

— Вамъ кони подани!—нагадавъ прыкажчыкъ ликареви.

— Подякуйте панови за ёго ласку—я пойиду на пидводи, а попередъ треба одвезты Ивана до-дому,—мовывъ ликарь.

Хведиръ побигъ до своеи гарбы, вымостывъ ii соломою, и черезъ хвылыну безпатентного сына идеального батька скынулы на гарбу и одвезлы до хатыны, де жыла ёго маты у сусидахъ.

— Нумо й мы йихаты—звернувся ликарь до Карла Хведоровыча, котрый саме выводывъ якись каракули на клаптыку паперу, вырваного зъ записнои книжечкы.

— Я писалъ сичасъ помешшикъ... Я завтра прислалъ за чемоданъ... я все бросалъ. Я бросалъ 25 рублей въ экономіи... Да, да! Карлъ Ѳедоровичъ не хотѣлъ деньги помешшикъ Марьенковъ,—пусть онъ отдаваль другой сынъ!..

— Хиба йе й другій сынъ?

— Да, да! въ другой село—другой сынъ!

Л. Яновская.

Документы, извѣстія и замѣтки.

Празднество 8-го сентября въ Холмѣ.— Административный центръ малорусскаго Забужья—Холмъ—служитъ, какъ извѣстно, и религіознымъ центромъ края, благодаря древней иконѣ Божіей Матери, привлекающей къ себѣ на поклоненіе толпы богомольцевъ изъ Холмщины, Волыни и Галиціи. Въ Холмѣ-же сосредоточило свою дѣятельность православное братство, организованное вскорѣ послѣ возсоединенія уніатовъ и руководимое высшими представителями мѣстнаго духовенства при участіи и поддержкѣ администраціи. Оффиціально уніаты въ Холмской Руси перестали существовать еще въ 1875 г., но и до сихъ поръ извѣстная часть мѣстнаго малорусскаго населенія, оправдывая усвоенное ей по административной терминологіи прозвище «упорствующихъ», уклоняется отъ полнаго общенія съ православною церковью. Трудно сказать, какую роль въ причинахъ этого упорства играетъ вліяніе польской культуры, помѣщиковъ—поляковъ и католическаго духовенства; весьма вѣроятно, что въ извѣстной мѣрѣ всѣ элементы содѣйствуютъ сохраненію въ народѣ привязанности къ старой вѣрѣ,—но главнымъ факторомъ, обусловливающимъ такую продолжительную борьбу съ уніей, является весь укладъ народной психики, съ которымъ тѣсно связанъ фанатизмъ въ дѣлахъ вѣры. Народъ съ трудомъ, и только послѣ упорной борьбы, примиряется съ ломкою своего культа, но, разъ подчинившись этой ломкѣ, онъ переноситъ старую страстность въ новыя формы вѣры и съ такимъ же фанатизмомъ отстаиваетъ новыя религіозныя привычки, съ которыми онъ уже умѣлъ сродниться, съ какимъ когда-то его предки боролись противъ насильниковъ, посягавшихъ на ихъ

тогдашнюю «святую вѣру». Такимъ образомъ, духовная жизнь холмскихъ русиновъ еще до сихъ поръ протекаетъ нѣкоторымъ образомъ въ условіяхъ «военнаго положенія», которыя немало способствуютъ сохраненію особенностей этого края, выработавшихся подъ вліяніемъ его своеобразной исторіи и дѣлающихъ Холмщину средоточіемъ обильнаго и любопытнаго этнографическаго матеріала.

Особенно удобнымъ моментомъ для наблюденія является праздникъ Рождества Богородицы—8 сентября, когда въ Холмъ стекаются тысячи народа для поклоненія иконѣ и присутствія при богослуженіи, въ этотъ день совершаемомъ съ особою торжественностью. Годъ назадъ мнѣ пришлось самому видѣть холмское торжество, краткое описаніе котораго, полагаю, будетъ небезынтересно и для читателей «Кіевской Старины».

Вся религіозная жизнь Холма сосредоточена на возвышающейся надъ городомъ горѣ, гдѣ расположенъ соборъ, братство съ музеемъ, духовная семинарія и помѣщеніе епископа. У подножія этой горы раскинулся остальной—торговый и штатскій городъ, схожій, въ общемъ, съ крупными уѣздными городами юго-западнаго края. Видъ на городъ съ соборной горы очень живописенъ, напоминая нѣсколько перспективу Подола и Задніпровья, открывающуюся съ Андреевской горы въ Кіевѣ. 8 сентября холмская гора съ ранняго утра уже заполнена богомольцами. Соборная площадь, окружающій ее скверъ, склоны горы—все залито сплошною массою народа, численность которой можно опредѣлить во всякомъ случаѣ не менѣе десятка тысячъ. Широкая лѣстница, соединяющая верхнюю площадку горы съ нижнимъ городомъ, и прилегающія дорожки сквера окаймлены рядами нищихъ, преимущественно слѣпцовъ, съ поклонами и настойчивыми выкриками требующихъ къ себѣ участія ради «пресвѣтой Матухны Холмскѣй». Говоръ нищихъ смѣшанный, съ сильнымъ польскимъ вліяніемъ, или чисто польскій. Вотъ передъ вами лирникъ, обыкновеннаго украинскаго типа, но исполняемыя вирши—также польскія. Рѣзкимъ диссонансомъ поражаетъ слухъ гармоника, на которой одинъ изъ слѣпцовъ аккомпанируетъ своимъ виршамъ вмѣсто лиры; чѣмъ вызвана это замѣна,—стремленіемъ-ли выдѣлиться изъ среды своихъ собратій болѣе «культурнымъ» инструментомъ, или личнымъ вкусомъ пѣвца, трудно сказать, но впечатлѣніе получается не особенно благопріятное, тѣмъ болѣе, что пѣвецъ плохо владѣетъ своимъ инструментомъ и лишь однимъ пальцемъ повторяетъ на немъ мелодію вирши,

аккордами. Волнующееся вокругъ море богомольцевъ—сплошь состоитъ изъ простого народа, въ которомъ были бы совсѣмъ незамѣтны нѣсколько десятковъ представителей средняго класса, если-бы они не сгруппировались въ центрѣ, у деревяннаго помоста, приготовленнаго для торжественнаго молебствія. Необыкновенное разнообразіе типовъ и костюмовъ простонародья отвѣчаетъ многочисленнымъ уголкамъ украинскаго юго-запада, разъ въ году сливающимся въ общемъ религіозномъ чувствѣ. Впрочемъ, судя по внѣшности, уроженцевъ коренной Украины здѣсь почти нѣтъ,—все—украинцы западные, приграничные. Вотъ бритыя лица съ длинными волосами, вотъ сѣрыя съ красною оторочкою свитки, подпоясанныя монашескими, ременными поясами; вотъ—бѣлыя рубахи навыпускъ, при жилеткахъ съ четырмя рядами мѣдныхъ пуговицъ и при бѣлой, грубаго полотна, шапочкѣ съ цвѣтными набойчатыми крапинками. Еще больше разнообразія въ женскихъ головныхъ уборахъ: платки, повязанные длинными концами на спину, платки подъ подбородкомъ съ концомъ на грудь, двойныя повязки—съ бѣлыми платками подъ подбородкомъ, наконецъ повязка, сохранившаяся чуть не отъ великокняжескаго періода—бѣлое полотенце вокругъ головы, съ концомъ закинутымъ черезъ плечо на спину, въ такой повязкѣ изображаютъ нерѣдко св. княгиню Ольгу. Волосы тоже убраны своеобразно: у дивчатъ на лобъ спущены гривки, у замужнихъ—выпущены длинныя пряди изъ-за ушей. Все это пестритъ, колышется, и надъ всѣмъ стоитъ жужжаніе многотысячной толпы. Говоръ преимущественно галицкій, съ обиліемъ шипящихъ звуковъ и даже съ польскими носовыми: „зконд прибулишьте? Ми вже булишьмо скрізь і вшьо роздивилишь“... На вопросъ—кто они такіе,—богомольцы называютъ себя русинами и, повидимому, несмотря на внѣшнее разнообразіе, дѣйствительно, представляютъ цѣльную этнографическую массу, окраинную Русь.

Кончилась служба въ соборѣ. Почтенные старики—церковники, стали готовить длинную эстраду къ молебствію. Помостъ усыпали живыми цвѣтами и сосновою зеленью. По обѣ стороны установились два оркестра военной музыки. На особыхъ деревянныхъ помостахъ показались представители мѣстной администраціи, среди сѣрой толпы стали замѣтнѣе пробившіеся къ центру «паны», заблестѣли генеральскіе мундиры, захлопотала полиція. Вотъ показалась изъ соборныхъ дверей процессія, встрѣченная колокольнымъ звономъ и звуками «Коль славенъ». Два архіерея, пройдя помостъ, сѣли на пригото-

вленныхъ сѣдалищахъ; десятка два священниковъ выстроились двумя рядами вдоль полотна, у конца котораго, на особомъ возвышеніи, установили чтимый образъ; послѣдовало соборное молебствіе, какъ и остальное богослуженіе ничѣмъ, конечно, не отличавшееся отъ обычныхъ церковныхъ службъ. Единственнымъ, но крупнымъ отличіемъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ наиболѣе интереснымъ моментомъ во всемъ богослуженіи—оказалась произнесенная въ концѣ молебна однимъ изъ священниковъ проповѣдь. Молодой представительный батюшка взошелъ на устроенную сбоку каѳедру и началъ, при глубокой тишинѣ, свою «казань», на малорусскомъ языкѣ. Помимо языка, необыченъ былъ и общій характеръ проповѣди, которая представляла собою не сухое, схоластическое развитіе извлеченной изъ текстовъ священнаго писанія темы, а живую, образную рѣчь, съ ораторскими пріемами и жестами; такъ, вѣроятно, говорили свои проповѣди южно-русскіе духовные ораторы XVII—XVIII вв., такъ отчасти и теперь говорятъ католическіе проповѣдники. Не располагая точнымъ текстомъ прослушанной мною любопытной проповѣди, я могу передать лишь ея общую схему, въ приблизительныхъ выраженіяхъ.

«Сьогодня, православни хрыстіяны, мы святкуемо день рождества Пресвятои Богородыци. Колы хто межы намы празднуе свои именины, то йому прыносять въ даръ те, що йому прыемне. Теперъ Маты Божа празднуе на неби свои именины, и мы повынни прынесты Ій дороги для Неи дары. Що-жъ ій найбильше прыемно? Колы Хрыстосъ бувъ на весилли въ Кани Галилейській, Маты Божа сказала слугамъ: робить те, що Винъ вамъ скаже. Отже ій найбильше буде прыемно, колы мы будемо робыты такъ, якъ велыть намъ Ісусъ Хрыстосъ. Слухайте заповидивъ Божыхъ и робить добри дила, щобъ пекельный вогонь васъ не мучывъ. А вы, начальныкы! Вы повынни жыты такъ, щобы даваты собою прыкладъ прбстымъ людямъ и щобы не можна було сказаты такъ, якъ теперъ говорять, що наука псуе чоловика». Произнося послѣднюю тираду, проповѣдникъ обращался къ группѣ мундировъ и лентъ, носители которыхъ смиренно выслушали увѣщаніе. Затѣмъ, обратившись къ представителямъ духовной власти—епископамъ, проповѣдникъ заговорилъ на общерусскомъ литературномъ языкѣ: «А вы, наши духовные отцы и пастыри, молитесь Господу и Пресвятой Богородицѣ, чтобы Они дали намъ силы совершать достойно возложенное на насъ служеніе. Ты-же, Пресвятая Покровительница наша», продолжалъ ораторъ, обращаясь опять-таки

по-русски къ образу Богородицы, «моли Сына Твоего и Бога нашего, да укрѣпитъ и поддержитъ насъ...»

Съ напряженнымъ вниманіемъ слушалъ народъ проповѣдь. Въ особенно патетическихъ мѣстахъ ея, при упоминаніи «пекельного вогню» и другихъ перспективъ загробной жизни,—слышались массовые вздохи толпы, а кое-гдѣ и всхлипыванія. Ораторъ сошелъ съ каѳедры и вновь занялъ свое мѣсто въ рядахъ священниковъ. Молебны продолжались въ обычномъ порядкѣ и затѣмъ процессія, съ хоругвями и образомъ, прослѣдовала обратно въ соборъ. Праздникъ кончился. Толпа постепенно стала рѣдѣть, гора понемногу очистилась. Тамъ и сямъ расположились на травѣ отдѣльныя группы богомольцевъ для отдыха. Подъ горою, на нижней площади и прилегающей улицѣ открылся базаръ, довольно, впрочемъ, мелкій. Пряники, съѣстные припасы, желѣзныя издѣлія, лубочная литература, образки, крестики, ленты,—словомъ, обычный товаръ сельскихъ праздничныхъ ярмарокъ. Между ларями ходили «дядьки» и дивчата, присматриваясь къ выставленному «краму». Вотъ два длинноволосыхъ подолянина въ сѣрякахъ съ ременными поясами и высокихъ шапкахъ приторговываютъ ножи; бойкій торговецъ-тулякъ оживленно расхваливаетъ свой товаръ почему-то ломанною польскою рѣчью: «вѣле даецѣ, пане добродзѣю, вѣле даецѣ?» пристаетъ онъ къ флегматичнымъ покупателямъ, молчаливо переворачивающимъ въ рукахъ облюбованныя вещи. Къ ларю подходятъ двое гимназистовъ, и тулякъ быстро поворачивается къ нимъ, чистымъ московскимъ говоромъ предлагая свой товаръ ихъ вниманію.

Въ этотъ-же день, черезъ нѣсколько часовъ послѣ богослуженія, бываетъ торжественное годичное собраніе православнаго холмскаго братства, при участіи всѣхъ прибывшихъ къ празднику представителей высшей духовной и свѣтской власти. Какъ и всякое подобное собраніе, оно имѣетъ вполнѣ формальный характеръ, но въ качествѣ внѣшняго проявленія мѣстной духовной жизни, собраніе холмскихъ братчиковъ является характернымъ дополненіемъ къ программѣ праздника 8 сентября. Своеобразный и яркій этнографическій колоритъ торжества, крестный ходъ, братчики и, всего болѣе, малорусская проповѣдь—все это переноситъ зрителя въ эпоху религіозныхъ движеній, одухотворявшихъ и объединявшихъ когда-то общественную жизнь южной Руси.

Къ вечеру постепенно богомольцы разъѣзжаются и расходятся по всѣмъ направленіямъ. Любопытную картину представляетъ отъѣздъ богомольцевъ по желѣзной дорогѣ. Къ вокзалу подается длинный рабочій поѣздъ, съ товарными вагонами, которые переполняются сотнями богомольцевъ. Вотъ изъ одного вагона послышалось пѣніе; оно подхватывается въ сосѣднихъ вагонахъ, и скоро вся толпа пассажировъ превращается въ многотысячный хоръ, болѣе или менѣе нестройно, но съ чувствомъ поющій церковныя пѣснопѣнія. Тихо трогается подъ это пѣніе поѣздъ, постепенно ускоряя свой ходъ по направленію къ Волыни, но еще долго издали доносятся отголоски пѣнія одушевленной общимъ религіознымъ порывомъ толпы...

Общее впечатлѣніе, производимое холмскимъ торжествомъ, носитъ какой-то двойственный характеръ. Народный колоритъ празднества и мѣстная связь его съ преданіями мѣстной исторической жизни въ очень благопріятномъ свѣтѣ рисуетъ отношеніе между этими традиціями и современнымъ административнымъ укладомъ холмскаго края. Но... почему-же въ другихъ частяхъ той-же Малороссіи, съ тѣмъ-же кореннымъ населеніемъ, не нашелъ себѣ въ такой-же мѣрѣ примѣненія принципъ уваженія къ мѣстнымъ особенностямъ? Почему въ остальныхъ малорусскихъ губерніяхъ не только не слышна церковная проповѣдь на языкѣ мѣстнаго населенія, не дозволяются даже къ печати существующія сборники малорусскихъ проповѣдей? Казалось бы, ясно, что религіозныя и нравственныя истины могутъ найти гораздо больше доступа къ душамъ и сердцамъ слушателей, когда онѣ преподаются на родномъ языкѣ и не облекаются въ ту книжную, сухую форму, которую неизбѣжно придаетъ имъ чуждая, «панская», оффиціальная рѣчь. Казалось-бы, что если въ краѣ, гдѣ издавна шла горячая и упорная борьба между православіемъ и католицизмомъ, малорусскій языкъ въ проповѣди признанъ былъ важнымъ орудіемъ религіознаго просвѣщенія, то зачѣмъ-же оставлять безъ этого орудія остальное малорусское населеніе? Не потому-ли такъ сильно развито въ Холмщинѣ религіозное чувство и не потому-ли въ остальной Малороссіи такъ процвѣтаетъ религіозный индифферентизмъ и сектантство?

А. Ирпенскій.

Печатное дѣло въ Малороссіи въ началѣ XIX ст. Любопытные матеріалы для исторіи печатнаго дѣла въ Малороссіи извлекаемъ изъ не такъ давно опубликованныхъ Матеріаловъ для исторіи просвѣщенія въ Россіи. [1]) Въ 1802 году министръ только что учрежденнаго тогда Министерства Народнаго Просвѣщенія графъ П. В. Завадовскій обратился къ министру Юстиціи Г. Р. Державину съ оффиціальнымъ отношеніемъ отъ 16 октября, дабы онъ приказалъ, кому слѣдуетъ, собрать и доставить полныя свѣдѣнія о типографіяхъ, подчиненныхъ по манифесту 8 сентября министерству Нар. Просвѣщ. Того-же года, отъ 28 ноября, министръ Юстиціи препроводилъ графу Завадовскому вытребованную имъ изъ канцеляріи Правительствующаго Сената записку о всѣхъ казенныхъ и вольныхъ типографіяхъ, съ означеніемъ, на какомъ основаніи были они учреждены. Изъ этой записки мы беремъ лишь интересующія насъ данныя.

Записка изъ дѣлъ Правительствующаго Сената 1-го департамента о казенныхъ и вольныхъ типографіяхъ съ означеніемъ, на какомъ основаніи были онѣ учреждены. «Въ вѣдомствѣ Святѣйшаго Синода находятся типографіи въ Москвѣ, въ Кіевѣ и Черниговѣ, которыя учреждены: въ Москвѣ—по указу государя царя и великаго князя Іоанна Васильевича въ 7061 году, по Рождествѣ—1553-го года; въ *Кіевѣ*—по грамотѣ отъ Всероссійскаго князя Андрея Юрьевича Боголюбскаго (sic!), данной въ 6667-мъ, по Рождествѣ—1159-мъ году, которая и отъ Всероссійскихъ Государей и императоровъ подтверждена; а въ *Черниговѣ*—по указу государя царя и великаго князя Алексѣя Михайловича. Въ нихъ печатаются книги однѣ церковныя, съ апробаціи Святѣйшаго Синода, подъ просмотромъ: въ Москвѣ—опредѣленнаго отъ Синода директора, въ Кіевѣ—печерскаго архимандрита, а въ Черниговѣ—тамошняго архіерея». «Въ *Новороссійской* губерніи, по апробованному въ 1764 году той губерніи штату, хотя для напечатанія духовныхъ и свѣтскихъ книгъ назначено учредить типографію, но заведенъ тамъ только одинъ станъ, и изданы въ печать азбука и *комедія*, также тамошнимъ купцамъ и поселянамъ пашпорты и карантинныя свидѣтельства; печатаніе же духовныхъ и гражданскихъ книгъ, за неполученіемъ о печатаніи

[1]) Сборн. матер. для истор. просвѣщ. въ Россіи извлеченныхъ изъ Архива Министер. Нар. Просвѣщ. С.-Петер. 1897, т. II., стр. 59—138.

первыхъ отъ Святѣйшаго Синода на представленіе резолюціи и за несыскомъ типографическихъ служителей, не происходило. Цензуру жъ положено имѣть губернскимъ чинамъ; а чтобъ къ наблюденію касающагося до вѣры и духовныхъ книгъ опредѣленъ былъ протопопъ Саврской, какъ ученой человѣкъ, о томъ представлено въ Святѣйшій Синодъ».

Въ томъ же 1802 году 23 ноября гр. Завадовскій послалъ отношенія 40 военнымъ и гражданскимъ губернаторамъ, а также попечителямъ округовъ С.-Петербургскаго и Харьковскаго Н. Н. Новосильцеву, Московскаго, Дерптскаго, Казанскаго и Виленскаго, съ приложеніемъ «Записки, по которой нужно доставить свѣдѣнія о типографіяхъ»: 1) есть ли въ губерніи вольныя типографіи, въ какихъ именно городахъ и сколько? 2) Въ которомъ году онѣ заведены, кѣмъ и съ чьего позволенія? 3) Какія даны имъ при заведеніи привилегіи? 4) Кто ихъ настоящій содержатель? 5) На какихъ языкахъ производится печатаніе? 6) Какія именно книги и ландкарты отпечатаны были въ типографіяхъ со времени ихъ заведенія?

Изъ отвѣтовъ попечителей и губернаторовъ графу Завадовскому мы выбираемъ лишь тѣ, которые относятся къ области Малороссіи.

Отвѣтъ попечителя С.-Петербургскаго и Харьковскаго учебныхъ округовъ Н. Н. Новосильцева отъ 28 декабря 1803 года.

... «честь имѣю донести, что я предписалъ всѣмъ директорамъ училищъ о доставленіи мнѣ объ оныхъ свѣдѣній; сколько же могу судить по полученнымъ мною до сихъ поръ, во всемъ пространствѣ онаго нѣтъ типографій, зависящихъ отъ училищъ. При Харьковскомъ университетѣ учреждается теперь одна, которая въ теченіе слѣдующаго года будетъ въ дѣйствіи... Въ Харьковѣ хотя и существуетъ типографія подъ надзираніемъ директора училищъ, но она поручена ему отъ тамошняго губернскаго правленія; при томъ же она столь маловажна, что едва заслуживаетъ имя типографіи».

Отвѣтъ Малороссійскаго (черниговскаго) генералъ-губернатора князя А. Б. Куракина (съ приложеніемъ) отъ 9-го января 1804 года:

«Честь имѣю представить у сего записку о находящейся здѣсь въ *Черниговѣ* одной гражданской типографіи, съ надлежащимъ по предмету сему объясненіемъ; при чемъ долгъ имѣю донесть Вамъ, милостивый Государь, что въ *Полтавской* губерніи никакихъ типо-

графій не имѣется, а хотя въ самомъ городѣ Полтавѣ и есть одинъ станокъ, но и сей за малостію литеръ остается безъ употребленія».

Приложеніе.

1) Въ Малороссійской Черниговской губерніи, кромѣ одной духовной въ городѣ Черниговѣ, въ Троицкомъ Ильинскомъ монастырѣ, имѣется одна гражданская типографія въ Губернскомъ Правленіи.

2) Оная въ Губернскомъ Правленіи типографія состоитъ въ небольшомъ количествѣ литеръ и нужныхъ инструментовъ; заведена по содержанію Высочайшаго указа, 1783 года генваря 15 состоявшагося, онымъ Правленіемъ 1797 года.

3) Привилегій никакихъ не дано.

4) Содержателя не имѣется, а состоитъ въ вѣдѣніи Губернскаго Правленія.

5) Печатаніе производится на одномъ Россійскомъ языкѣ.

6) Книгъ и ландкартъ печатано не было, а одни только исходящіе къ распубликованію указы и другія по указнымъ дѣламъ бумаги отпечатывались и нынѣ отпечатываются».

Отвѣтъ Кіевскаго и Минскаго военнаго губернатора А. П. Тормасова (съ приложеніемъ) отъ 14 февраля 1804 года.

Губернаторъ увѣдомляетъ, что въ Кіевской и Минской губерніяхъ состоятъ типографіи: при Губернскихъ правленіяхъ—по одному только станку, «заведенныя изъ суммы, на расходы Губернскихъ правленій опредѣленной, единственно для облегченія переписокъ въ дѣлахъ канцелярскихъ»,—въ *Кіевѣ* въ 1800, а въ Минскѣ—въ 1798 г., «на коихъ происходитъ печатаніе однихъ только указовъ и экземпляровъ съ нужныхъ дѣлъ на русскомъ и польскомъ языкахъ; да кромѣ сихъ существуетъ типографія въ Кіевской губ. въ уѣздномъ [1]) городѣ *Махновкѣ*, принадлежащая по праву купли содержателю, Московскому купцу Селезневу». Въ препровождаемомъ при отношеніи «приложеніи» владѣлецъ Махновской типографіи даетъ точныя свѣдѣнія:

1) Типографія заведена въ 1793 году на счетъ графа Прото-Потоцкаго и первоначально была сдана нѣкоему Геринку.

---

[1]) Съ 1796 и до 1846 г.

2) Послѣ присоединенія къ Россіи украинскихъ земель, когда Махновскія имѣнія съ типографіей подверглись кофискаціи, послѣдняя по контракту была сдана купцу Селезневу, который и началъ съ 1802 г. печатаніе книгъ, давъ предварительно подписку о непечатаніи и непродажѣ запрещенныхъ указомъ Правительств. Синода отъ 30 апрѣля соблазнительныхъ книгъ; но съ 21 декабря этого-же года типографія была объявлена въ продажу съ аукціона за 3520 злотыхъ и пріобрѣтена въ полную собственность тѣмъ же купцемъ Селезневымъ.

3) При покупкѣ типографіи въ ней находилось: «4 станка и литеръ Россійскихъ и Польскихъ старыхъ 30 пудовъ, которая (типогр.) по свѣдѣнію съ начала учрежденія ея состояла на языкахъ: русскомъ, латинскомъ, польскомъ, греческомъ, нѣмецкомъ, французскомъ и еврейскомъ». Печатаніе же Селезневымъ производилось только на 3-хъ языкахъ: польскомъ, русскомъ и нѣмецкомъ. [1])

Объ этой Махновской типографіи А. А. Чарторыйскій упоминаетъ въ своей окружной вѣдомости о типографіяхъ Виленскаго округа, отправленной 24 августа 1804 года гр. Завадовскому, говоря, что въ ней книги печатаются на яз.: «польскомъ, нѣмецкомъ, русскомъ, французскомъ и еврейскомъ. Изданы нѣкоторыя молитвенныя и учебныя книги. Содержитъ купецъ 3-ей гильдіи Семенъ Селезневъ».

Въ той же самой вѣдомости А. А. Чарторыйскій сообщаетъ свѣдѣнія о *Бердичевской* типографіи, основанной въ 1758 г. обществомъ ксендзовъ Кармелитовъ Босыхъ. Печатаются книги на язык.: польскомъ, россійскомъ, французскомъ, нѣмецкомъ и латинскомъ.

Но наиболѣе подробныя свѣдѣнія о типографіяхъ представлены были Подольскимъ и Волынскимъ губернаторомъ Ив. Эссеномъ при отношеніи его отъ 10 мая 1804 года.

Изъ его вѣдомости мы видимъ, что типографіи существовали:

Въ Волынской губерніи.

1) *Въ Луцкѣ* съ 1787 г. заведена Луцкимъ Доминиканскимъ кляшторомъ по привилегіи, данной польскимъ королемъ 1783 г., «которой

---

[1]) Напечатано имъ на рус. яз: „Колесо счастья", „Мечъ воинствующаго христіанина", „Новая Россійская азбука для обученія дѣтей чтенію"; на русско-нѣмецк.: „Новые нѣмецкіе и россійскіе разговоры"; на польск.: „Афиціумъ дневного набоженства".

предоставлено на разныхъ языкахъ печатаніе, которая (типографія) и нынѣ содержится тѣмъ-же клиштороmъ. Печатаніе производится на яз.: россійскомъ, латинскомъ, французскомъ и польскомъ». Въ 1803 г. случился въ Луцкѣ пожаръ, и потому не имѣется свѣдѣній, какія были напечатаны книги. Изъ упомянутыхъ въ вѣдомостяхъ 30-ти книгъ, вышедшихъ изъ Луцкой типографіи, большинство составляетъ учебныя пособія.

2) *Въ Дубнѣ* съ 1802 г. заведена княземъ Любомирскимъ и нынѣ (1804 г.) содержится Дубенскимъ мѣщаниномъ евреемъ Іанасомъ Якубовичемъ. Книги печатаются только на еврейскомъ языкѣ.

3) *Въ Житомірѣ*: а) съ 1803 г. заведена Новоградъ-Волынскимъ мѣщаниномъ, евреемъ Гершкомъ Шимановичемъ съ разрѣшенія Губернскаго правленія. Печатаются лишь еврейскія книги; б) *Главнаго Житомірскаіо Суда* 2 департ. Основана въ 1783 г. этимъ судомъ. Печатаются только дѣла суда на польск. яз. Содержитъ секретарь суда—Рожанскій.

4) *Въ Острогѣ* съ 1792 г. заведена мѣстными мѣщанами, евреями Шмулемъ Берковичемъ и Арономъ Іосіовичемъ съ разрѣшенія владѣльца города, референдаря Малаховскаго. Печатаются книги лишь на еврейскомъ яз. «для богомоленія», съ разрѣшенія Рижской цензуры.

5) *Въ м. Корцѣ, Новоградъ-Вол. повѣта*, съ 1790 г. заведена евреемъ Шмулемъ Берковичемъ,—еврейская.

6) *Въ м. Славутѣ, Заславскаго у.*, съ 1790 г., заведена евреемъ Мошкомъ Пинсаховичемъ съ разрѣшенія владѣльца мѣстечка, кн. Сангушко,—еврейская.

7) *Въ м. Полонномъ* съ 1788 г. заведена евреемъ Шмулемъ Берковичемъ,—еврейская.

8) *Въ Почаевѣ* съ незап. времени при Почаев. Базил. монастырѣ, кѣмъ и съ чьего дозволенія—неизв.; несомнѣнно, что въ 1618 уже печатались книги. Печатаются книги на яз.: польскомъ, славяно-Россійск. и латинск. До сего времени издавались лишь молитв. и духовн. книги. Содержится ксендзами Базиліанами.

Въ Подольской губерніи:

1) *Въ Каменцѣ-Подольскомъ*, при Губернскомъ правленіи съ 1798. Печатаются книги на россійскомъ и польскомъ языкахъ. Книгъ и ландкартъ не печаталось, а лишь циркуляры и указы.

2) *Въ Миньковцахъ*, Ушицкаго у. а) завед. съ 1792 майоромъ Мархоцкимъ, безъ всякаго разрѣшенія; съ 1798—1802 была закрыта, съ 9 февр. 1802 снова открыта. Печатаніе производится на польскомъ яз.: экономическіе регистры, формы рапортовъ, собственно для экономіи Мархоцкаго, изданъ для малолѣтнихъ дѣтей букварь, а съ 1802 г.— только экономическіе регистры; б) Завед. съ 1792 г. съ разрѣш. помѣщ. Мархоцкаго, но съ 1798—1802 была закрыта; содержитъ еврейка Эстера Мошкова; печатаніе только на еврейскомъ языкѣ; в) Завед. съ 1802 г. евр. Мордкою Шельваховичемъ съ разрѣшенія помѣщика Мархоцкаго—еврейская.

3) Въ *м. Межиричьѣ*, Литинск. у., съ 1787—евр. Михелемъ Дувидовичемъ, съ разрѣшенія помѣщика Орловскаго,—еврейская; б) съ 1787—евр. Хаскелемъ Шейваховичемъ, съ раз. помѣщ. Орловскаго,—еврейская.

4) *Въ Яновѣ*, съ 1801 г.—евр. Хаимомъ Гершковичемъ,—еврейская.

Отношеніе военнаго губернатора А. Г. Розенберга отъ 17 мая 1809 года.

... «въ Херсонской и Таврической губ. типографій никакихъ не имѣется, кромѣ одной въ г. Николаевѣ», но она въ вѣдѣніи Черноморскаго адмиралтейства, и свѣдѣній о ней безъ разрѣшенія морскихъ силъ получить нельзя было.

Въ Екатеринославской губерніи есть типографія только въ самомъ Екатеринославѣ, подвѣдомственная мѣстному Приказу Обществ. Призрѣнія; въ 1787 г. она была взята Потемкинымъ изъ Государственной Военной Коллегіи и находилась при немъ до смерти, а послѣ этого поступила въ вѣдомство Приказа. Привил. никакихъ не имѣетъ, т. к. существовала подъ именемъ княжей походной типографіи. Ландкарты не печатались, а изъ книгъ лишь: «Изслѣдованіе христіанства» и «Опытъ о человѣкѣ».

В. Д.

Варьянтъ пѣсни про голоту. Настоящій варьянтъ пѣсни *про голоту* далеко отступаетъ отъ извѣстныхъ уже въ печати въ разныхъ сборникахъ (см. между прочимъ думу о Ганжѣ Андыберѣ, помѣщенную въ Запискахъ о Южной Руси П. А. Кулиша, т. I, стр.

200—209 и приложенія стр. 319—321), а потому считаемъ умѣстнымъ дополнить имъ печатные этнографическіе матеріалы.

—

Изъ-за горы зъ-за крутой хмарка наступа,
А зъ-пидъ тіи та хмарочкы дощыкъ накрапа,
А мы того та й дощыку та и не врабплы,
Взялы кварту, другу зъ жарту та на дощи силы,—
Пылы, пылы горилочку ще й солодкый медъ.
Та веселая бесидушка, де ридъ зъ родомъ пье,
А ще лучче, а ще краще, де отаманъ йе;
Та хочъ же винъ не купуе,—порядокъ дае.
Прыйшовъ багачъ, прыйшовъ дукачъ. та въ порога ставъ
Та зъ нашои голеченькы сміяться начавъ.
А якъ крыкнувъ нашъ отаманъ та на свою голь:
«Та возьмить дуку та за руку, та выведить вонъ!»
Одынъ веде за рученьку, другый за плече,
Третій иде позадъ ёго, та все въ шыю бье:
«Не йды багачъ, не йды дукачъ, де голеча пье».
А винъ выйшовъ за ворота, всимъ людямъ рече:
«Не йдить, братця-товарыши, де голеча пье,
Бо мижъ тею голечою тамъ отаманъ йе,
То хто ввійде—не займае,—й того въ шыю бье».

(Записано въ 1898 г. отъ кр. с. Литвяковъ, Лубенскаго уѣзда, Ганны Кириченковой, 56 л.).

Сообщилъ **В. Милорадовичъ.**

Варьянтъ пѣсни про дурня. Въ № 12 «Кіевской Старины» за минувшій годъ (стр. 126—128) помѣщенъ варіантъ пѣсни про дурня изъ пѣсеннаго матеріала, собраннаго Максимовичемъ въ 1830—40-хъ годахъ, при чемъ тамъ было указано, что до того времени извѣстно было въ печати лишь два стихотворныхъ варіанта: въ «Этнографическомъ Збирныкѣ», т. V, и въ «Кіев. Ст.», 1889 г., кн. XII. [1]) Въ настоящее время намъ присланъ В. К. Харламповичемъ еще

[1]) Вслѣдствіе корректурнаго недосмотра вм. 1889 г. напечатано 1883.

одинъ стихотворный варіантъ, четвертый по счету, по темѣ очень близкій къ напечатанному въ «Этнографическомъ Збирникѣ» (тѣ же проявленія крайней глупости) и довольно близкій къ помѣщенному въ № 12 минувшаго года; въ отношеніи къ послѣднему онъ короче на одинъ куплетъ. Любопытно отмѣтить, что въ печатаемомъ ниже варіантѣ фигурируетъ впервые вмѣсто обычнаго «Кузьма, Кузьмына, Космына»—болѣе соотвѣтствующее имя Савки.

1) Погнавъ Савка во́лы,
Во̀лы по дорози,
Во́лы по дорози,
Босый по морози.

2) Ажъ тамъ чоловикъ
Го̀рохъ молотыть,
А винъ ёму каже:
«Дай тоби, Боже,
Сто возовъ избыты—
Решето набыты!»

3) А тамъ Савку былы,
Былы—волочылы,
Былы—волочылы,
Розуму учылы.

4) «Ой ты-жъ, моя маты,
Маты Васылыхо,
На що-жъ ты навчы́ла
На такее лыхо?»

5) «Ой ты, сынку, дурню,
Ой ты, нерозумный!
Ко́лы тоби трапытся
Та́кую ричь ба̀чыты,
То̀ ты имъ ска̀жы:
«Дай тоби, Боже,
Не переносыты,
Не перевозыты,
Возы поломыты,
Копи потомыты!»

6) Повторяется 1-ый стихъ.

7) А-жъ тамъ чоловикъ
Мерця везе,
А винъ ёму каже:
«Дай тоби, Боже,
Не переносыты,
Не перевозыты,
Возы поломыты,
Кони потомыты!»

8) Повторяется III-ій стихъ.

9) Повторяется IV-ый стихъ.

10) «Ой ты, сынку, дурню,
Ой ты-жъ, нерозумный!
Ко́лы тоби трапытся
Та̀кую рычь бачыты,
То ты имъ скажы:
«Вичная памьять!»

11) Повторяется I-ый стихъ.

12) А-жъ тамъ чоловикъ
Коня запрягае,
Коня запрягае,
До шлюбу всядае.

13) А винъ ёму каже:
«Дай, тоби, Боже,
Вичную памьять!»

14) Повторяется III-ій стихъ:

15) Повторяется IV-ый стихъ.

16) «Ой ты, сынку, дурню,
Ой ты, нерозумный!
Ко́лы тоби трапытся
Та̀кую рычь бачыты,
То ты имъ скажы:
«Дай тоби, Боже,
Зъ нею шлюбъ узяты
И викъ скоротаты!»

17) Повторяется I-ый стихъ.

18) А-жъ тамъ чоловикъ
Свыню смалыть,
А винъ ёму каже:
«Дай тоби, Боже,
Зъ нею шлюбъ узяты
И викъ скоротаты!»

19) Повторяется III-ій стихъ.

20) Повторяется IV-ый стихъ.

21) «Ой ты, сынку, дурню,
Ой ты, нерозумный!
Ко́лы тоби трапыться
Та̀кую ричь бачыты,
То ты имъ скажы:
Дай тоби, Боже,
Хороше зробыты
И тое спожыты!»

22) Повторяется I-ый стихъ.

23) Ажъ тамъ чоловикъ
Штаны спускае,
Штаны спускае
. . . . . .

24) А винъ ёму каже:
«Дай тоби, Боже,
Хороше зробыты
И тое спожыты».

25) А тамъ Савку былы,
Былы—волочылы,
Былы—волочылы,
Розуму учылы.

Два неизвѣстныя письма И. П. Котляревскаго. Въ №№ 140, 144, 153 и 158 «Полт. Губ. Вѣд.» за текущій годъ помѣщена статья В. П. Симоновскаго «Участіе Малороссійскихъ казаковъ въ Отечественной войнѣ 1812 года». (Посвящается землякамъ-казакамъ Городнянскаго и Роменскаго уѣздовъ).

Остановившись нѣсколько на біографіи предка своего, Петра Симоновскаго, автора «Кратк. описс. о козацк. малоросс. народѣ. Москва, 1765 г.», авторъ, на основаніи дѣлъ канцеляріи Малороссійскаго губернатора (Я. Лобанова-Ростовскаго), имѣетъ въ виду освѣтить вопросъ объ участіи малороссійскихъ козаковъ въ Отечественной войнѣ 1812 г. Съ этой цѣлью онъ приводитъ подлинныя распоряженія государственныхъ дѣятелей того времени. Изъ напечатанныхъ: «дѣло о формированіи полковъ и о роспускѣ ихъ» и «предварительныя распоряженія къ образованію Украинскаго казачьяго войска» (въ іюнѣ 1812 г.) явствуетъ, что уже 30-го іюля того-же года были готовы: 9 полковъ въ Полтавск. губ. и 6—въ Черниговской. Между прочимъ 5-ый полтавскій полкъ формировалъ капитанъ *Котляревскій*, авторъ «Энеиды». Такъ какъ въ дѣлѣ, подъ № 15 (на 372 листахъ), начатомъ 29 іюля 1812 года, содержится, между прочимъ, два подлинныя письма *Котляревскаго* къ князю Я. П. Лобанову-Ростовскому, характеризующія отношенія ихъ между собою и обрисовующія отчасти нравственную личность автора «Наталки-Полтавки», то небезынтереснымъ будетъ привести оба эти документа въ подлинникѣ:

(Л.: 13). «Сіятельнѣйшій Князь, Милостивый Государь! По препорученности Вашего Сіятельства, 10 числа сего мѣсяца началъ я пріемъ казаковъ къ сформированію 5-го казачьяго полка; но по медленному сначала доставленія (?) казаковъ не такъ успѣшно дѣлается, какъ-бы хотѣлось. Впротчемъ люди принятые мною хороши, стариковъ нѣтъ и очень молодыхъ мало большею частью поступаютъ въ казаки съ удовольствіемъ, охотностію и безъ малѣйшаго унынія; всѣ съ пиками, но много сабель есть изъ косъ передѣланныхъ. Есть съ ружьями и пистолетами, но сіе оружіе въ посредственной исправности; лошади небольшія, но къ службѣ годныя; одѣяніе все новое, но надобно будетъ привесть въ единообразіе; въ однихъ шапкахъ не соблюдена мѣра, ибо однѣ довольно высокія, а у другихъ низки, но всѣ одинакаго вида. Всѣ силы употреблю, чтобы оправдать довѣренность Вашего Сіятельства и заслужить продолженіе Вашихъ ко мнѣ милостей. Твердо уповаю на увѣреніе Вашего Сіятельства, что я

только употребленъ Вами *для сформированія* полка, а не для служенія въ оном. Я и по бѣдности моей и по старости матери моей, которую поддерживать есть мой долгъ, никакой службы несть внѣ Полтавы не могу. Если должность моя надзирателя (при школѣ приказа общественнаго призрѣнія) заслуживаетъ предъ Вашимъ Сіятельствомъ какое одобреніе, то оставленіе меня при оной будетъ знакомъ Вашихъ ко мнѣ милостей; моя награда есть та, что я служу подъ начальствомъ Вашего Сіятельства и всегда въ глазахъ Вашихъ. Неоставте Ваше Сіятельство моего положенія безъ вниманія. Съ глубочайшимъ высокопочитаніемъ и душевною приверженностію къ особѣ Вашего Сіятельства честь имѣю быть, Сіятельнѣйшій Князь Милостивый Государь, Вашего Сіятельства нижайшимъ слугой Иванъ Котляревскій. Августа 12-го дня 1812 г. М. Горошинъ».

(Л.: 45). «Сіятельнѣйшій князь, Милостивый Государь! Наконецъ, 5 конный казачій полкъ сформированъ, однихъ только офицеровъ и унтеръ-офицеровъ не достаетъ. Люди въ полку очень хороши, лошади лучше посредственныхъ, о амуниціи хлопочу съ отдатчиками, чтобы была въ исправности, равно уравниваю шапки, полукафтаны и пики, коихъ одно древко безъ желѣза будетъ въ 4 аршина; недоимки въ людяхъ и лошадяхъ скоро не будетъ никакой. Не взыщите Ваше Сіятельство за дерзость мою о представленіи для разрѣшенія о котлахъ. Я думаю не одному мнѣ покажется сія статья затруднительною; то казакамъ артели имѣть необходимо, а посему и артельныя деньги нужны и безъ котловъ обойтись невозможно. Обращаюсь съ покорнѣйшею просьбою къ Вашему Сіятельству о присылкѣ въ 5 казачій полкъ командира и объ отпускѣ меня къ моей должности. Сверхъ того, что я не имѣю никакого приготовленія ни на службѣ, ни къ походу, воспитанники остаются до сего времени безъ зимняго платья. По множеству заботъ Вашему Сіятельству невозможно вспомнить объ нихъ; Полтавскій приказъ очень безпеченъ; у Григорія Алексѣевича также теперь множество занятій, а помощники мои исполнители только, и такъ бѣдныя дѣти до сего пользовавшіеся отеческими Вашими попеченіями, теперь оставленные безъ должнаго призрѣнія потерпѣть могутъ. Сжальтесь надъ сими сиротами Ваше Сіятельство и удостойте ихъ меня взаимнаго Вашего вниманія и благоволенія. Съ глубокимъ высокопочитаніемъ и душевною преданностію къ особѣ Вашего Сіятельства имѣю честь быть, Милостивый

Государь, Вашего Сіятельства, нижайшимъ слугою Иванъ Котляревскій. Августа 27-го дня 1812 г. Горошинъ».

Оба письма написаны собственноручно и переданы съ буквальною точностію.

Глуховская сатира. Намъ попалъ въ руки листочекъ, довольно потертый и истрепанный, судя по почерку и правописанію—начала нынѣшняго столѣтія, содержащій въ себѣ стихотворную сатиру на глуховскую администрацію. Если не ошибаемся, въ печати это стихотвореніе не было извѣстно, а потому, думаемъ, небезъинтересно будетъ опубликовать его, такъ-какъ оно, помимо общаго тона, обнаруживающагося въ содержаніи піесы, касается нѣкоторыхъ именъ, которыя, можетъ быть, помогутъ лицамъ, знакомымъ съ недавнимъ прошлымъ Глухова, опредѣлить болѣе точно и время написанія этой сатиры.

—

Подано въ нѣшнюю (?) *канцелярію, года извѣстнаго, мѣсяца небеснаю, а числа въ святцахъ.* [1])

Всепресвѣтлѣйшій Царю,
Всемилостивѣйшій Владико!
Ты создалъ мало и велико.
Просять Отца Адама чады
У Тебя Бога нощады,
А о чемъ, тому слѣдують пункты,
Самъ Создатель узришь Ты.

I.

Господи Боже нашъ Милосердный Спасъ!
Ты сотворилъ всяку тварь и насъ;
Мы тебя, яко рабы, просимъ
И жалобу нашу на полицію Глуховскую приносимъ.
Помилуй насъ и сохрани
И отъ такова скверная начальства оборони,

[1]) Сохраняемъ правописаніе подлинника.

Кое безъ законно поступаетъ съ нами,
И приказные играютъ въ карти вмѣстѣ съ жидами,
За тѣ денги, что въ насъ отнимаютъ,
И свои судные карманы набиваютъ,
А намъ никакой помощи не подаютъ
И съ насъ что грабять, то и продаютъ.
Ето такъ дѣлаютъ приказные,
Дворяне, мѣщане и самозванцы разные.
А еще господа повѣтчики
Самые страшные обидчики,
Кои за нашу собственную сумму
Сажаютъ насъ подъ стражу въ тюрму,
Приказывая намъ, чтобъ мы гдѣ хотя брали...
(Строка совершенно истрепана)

II.

Пуще-же всего разорили насъ кварталные,
Какъ въ Москвѣ людей мошенники карманные.
О Царю! Воззри на нашъ сей плачевный восторгъ!
Скоро нелзя будетъ вивезти нѣчего на торгъ,
Потому что нелзя такъ продать,
Чтобъ приказному празниковаго не дать.
Нѣкто-же болше, какъ господинъ Хаманъ
Дбаетъ себѣ поболше въ карманъ.
Хочетъ, чтобъ у него было, какъ у добрыхъ людей,
На сахаръ, чай, а остальные для б...ей.
О Господи, Царю! Что дѣлаютъ женатие люди,
Не знаютъ того, что на томъ свѣтѣ имъ буде.
Бѣдному-жъ Заворочаю нигдѣ поживится,
Приходитъ въ контору, чтобъ водки хоть напиться.
Сей превеликій простакъ
Всегда дѣлаетъ такъ.

III.

Сколько ни будешъ вертѣть,
А нигдѣ и Малиненка дѣть.
Сей для насъ человѣкъ смирній

И Государю своему слуга вѣрній.
Хоть онъ Кислинчихинъ зять,
Но умѣе потроху *снишку* (sic!) брать.
А про полицмайстра после скажу,
Какъ немного получше сложу,
А теперь не найдешъ мѣри,
Ибо Богъ его знае, какои онъ вѣри.
Писмоводитель-же, какъ бы вамъ сказать мясникъ,
Попросту-же луче назвать ризникъ,
Сей со всякаго умѣеть такъ поживится,
Чтобъ было на что подивится.
Когда-то и съ насъ цѣловики бралъ,
Чтобъ ему чортъ кожу содралъ.
И всякъ можеть разсудить, что изъ Хама
Нѣкогда, нѣкогда не будеть пана.
И дабы высочайшимъ
Временемъ кратчайшимъ
Дýши таковыхъ начальниковъ Владыко погубилъ
И такое грабительство въ городѣ истребылъ,
Чтобы съ евреевъ поткупу не брали
И христіянъ-бы безвинно въ тюрму не сажали.
Всемилостивѣйшій Владыко Царю!
Тебя милостиво просимъ
И сію прозбу со слезами приносимъ.
Явы намъ милость свою многу,
Дабы мы благодарили Тебѣ Богу;
Чтобъ тотъ Твоеи милости лишился,
Кто изъ узятковъ много розжился.

✦

Къ сему прошенію, жалобъ нашихъ приношенію, подписались тѣ, которые соч... *(конецъ оторванъ)*.

Сообщ. В. Н.

Подписка на памятникъ И. П. Котляревскому въ Полтавѣ. Въ дополненіе къ суммѣ 1693 р. 33 к., поступившей до сихъ поръ въ редакцію на сооруженіе памятника И. П. Котляревскому въ Пол-

тавѣ (см. № 6-й), вновь пожертвовано: г-номъ Стельмаховичемъ—25 руб., г-номъ Кокошинскимъ—15 р., г. Ястржембскимъ—7 р. 45 к., г. Фридландомъ—5 р., г. Коссовичемъ—2 р., гг. Головинымъ, Дьяковымъ, Сердечнымъ, Пушковымъ, Савиничемъ, Судзиловскимъ, Ждановъ, Стратановичемъ и г-жей Горячковской—по 1 руб. каждымъ (всего 9 руб.), г-номъ Генцелтомъ—70 коп., г-номъ Степановымъ—20 к., и собранныхъ по мелочамъ—9 р. 65 к.,—всего *74 рубля*, что вмѣстѣ съ прежними составитъ *1767 р. 33 к.*, которые и отправлены въ Полтаву.

Текущія извѣстія.

Увѣковѣченіе памяти Е. П. Гребенки. Въ предыдущемъ номерѣ «Кіевской Старины» (отдѣлъ II-й, стр. 10) нашъ уважаемый сотрудникъ Н. Стороженко, сообщая о печальномъ состояніи могилы Е. П. Гребенки, заключилъ свое сообщеніе обращеніемъ къ чувству національнаго патріотизма почитателей таланта покойнаго писателя. Въ настоящее время, какъ сообщаютъ «Биржевыя Вѣдомости» (№ 193), можно констатировать отрадное движеніе въ этомъ направленіи, а именно: для увѣковѣченія памяти покойнаго писателя рѣшено переименовать ст. «Петровку» въ «Гребенку», а слѣдующая станція будетъ названа по мѣсту погребенія Е. П. Гребенки—«Убѣжищемъ». По иниціативѣ одного изъ учениковъ Гребенки, занимающаго въ настоящее время видный постъ въ московскомъ военномъ округѣ, среди почитателей таланта покойнаго писателя собирается сумма на постановку ему памятника вблизи ст. «Убѣжище».

Новонайденный фотографическій портретъ Т. Г. Шевченка. Художнику Сластіону въ Петербургѣ удалось отыскать негативъ фотографіи Т. Г. Шевченка, донынѣ мало извѣстной. Снимокъ былъ произведенъ художникомъ Доссомъ, лѣтъ около 20 уже тому назадъ умершимъ. По смерти Досса, вдова его продала все, что осталось въ фотографическомъ ателье мужа, его бывшему ученику—Здобнову. Этотъ послѣдній, пріобрѣтя наслѣдіе Досса, не подозрѣвалъ, что среди всевозможнаго хлама находится и негативъ портрета Шевченка. Въ по-

слѣднее время г. Здобновъ разыскалъ затерявшійся негативъ и теперь производитъ съ него прекрасные снимки. («Літературно-Науковий Вістник», кн. VIII).

Чествованіе памяти Маркіана Шашкевича. 2 августа въ память Маркіана Шашкевича филіей «Просвіти» въ Каминци Струмыловій устроенъ былъ музыкально-вокальный вечеръ въ обширномъ помѣщеніи цирка, артистически убранномъ стараніями д-ра Яцева. Эстрада имѣла видъ живого города. Гостей явилось болѣе 300 особъ,—изъ Львова, Бродовъ, жовквиського, сокальскаго и ярославскаго повѣтовъ. Явился и мѣстный польскій элементъ. Непріятно поражало и удивляло всѣхъ то обстоятельство, что изъ т. наз. старорусской партіи явилось лишь нѣсколько особъ, хотя всѣмъ были отправлены приглашенія. А вѣдь на такое торжество, какъ чествованіе памяти Маркіана Шашкевича, должны были-бы явиться всѣ Русины!

Послѣ рѣчи о. Сидора Зельскаго, въ которой были изображены эпоха Маркіана Шашкевича и его заслуги, слѣдовала музыкально-декламаціонная часть, безукоризненно исполненная. Чистый доходъ, поступившій съ этого вечера, предназначенъ въ пользу потерпѣвшихъ въ этомъ году отъ наводненія. (Дѣло ч. 186).

Конкурсъ на соисканіе преміи за драматическое произведеніе. Въ «Кіевск. Старинѣ» за текущій годъ сообщалось о назначеніи галицкимъ «краевымъ выдиломъ» конкурса на соисканіе преміи—премій четыре, въ 500, 400 и двѣ по 300 кронъ—за наилучшее оригинальное драматическое произведеніе, написанное на украинск. языкѣ. 8 іюля, какъ сообщаетъ «Літературно-Науковий Вістник», кн. VIII, состоялось засѣданіе конкурсной коммиссіи подъ предсѣдательствомъ члена краевого выдила д-ра Верещинскаго, въ присутствіи д-ра Савчака, которое разсмотрѣло 13 присланныхъ драматическихъ произведеній. Изъ этого числа—10 признаны совершенно неподходящими ни въ литературномъ, ни въ сценическомъ отношеніяхъ. Что-же касается остальныхъ 3 произведеній (комедія «Поводатир», драмы: «Пристрасти» и «В народі»), то коммиссія признала, что хотя они и заслуживаютъ вниманія, но по причинѣ множества недостатковъ въ нихъ, нельзя ни одной удостоить преміи. Въ результатѣ—назначенъ новый конкурсъ, срокомъ по 1 августа 1901 года.

Украинскіе курсы для учителей народныхъ школъ. «Руске Товариство педагогічне» въ октябрѣ и ноябрѣ текущаго года устраиваетъ публичные курсы для учителей народныхъ и «выдиловыхъ» школъ по нижеслѣдующей обширной программѣ.

1) Педагогика, психологія и логика (др. В. Коцовскій и др. Тадей Мандыбуръ); 2) Русскій (украинскій) языкъ (проф. А. Колесса, В. Коцовскій, Теофиль Грушевичъ, Илья Кокорудзъ); 3) Польскій языкъ, 4) Нѣмецкій яз.; 5) Географія (обзоръ географіи Украины-Руси); 6) Исторія (проф. М. Грушевскій, Стеф. Томашивськый и Юліянъ Левицкій). (Дило, ч. 155).

Г. І. Деркачъ. *(Некрологъ).* Въ Томскѣ скончался извѣстный антрепренеръ малорусской труппы—Деркачъ. Покойный былъ родомъ изъ г. Екатеринослава, гдѣ его отецъ служилъ протоіереемъ при каѳедральномъ соборѣ. Родился онъ въ 1846 году и послѣ домашней подготовки поступилъ въ мѣстную гимназію. Не окончивши полнаго курса гимназіи, Деркачъ поступилъ въ юнкерское училище. Успѣшно окончивши его, онъ поступилъ корнетомъ въ Уманскій уланскій полкъ. Вскорѣ Деркачъ отдается всецѣло артистической дѣятельности. У него была драматическая труппа; держалъ онъ также и оперетку и затѣмъ составилъ малорусскую труппу. Въ составѣ труппы Деркача мы находимъ имена лучшихъ русскихъ артистовъ, какъ напримѣръ—гг. Горевъ, Правдинъ, г-жа Глама-Мещерская и др. Въ 1893 г. Деркачъ цѣлый зимній сезонъ игралъ въ Парижѣ.

Въ день празднованія 300-лѣтія уральскаго козачества, покойный былъ приглашенъ атаманомъ козачества г. Шиповымъ играть во дворцѣ, въ присутствіи Его Величества Императора Николая II, бывшаго въ то время Наслѣдникомъ Престола. Ставилась, говорятъ «Сиб. В.», на сценѣ «Наталка-Полтавка»; за прекрасное исполненіе ея покойный удостоился получить отъ Его Величества золотой перстень съ монограммой. (Одес. Лист. № 162).

Библіографія.

Протоколы Верховнаго Тайнаго Совѣта, какъ матеріалъ для исторіи Малороссіи XVIII в. (*Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества, томы: 55, 56, 63, 69, 79, 84, 94, 101*).

Верховный Тайный Совѣтъ былъ учрежденъ 8 февраля 1726 г. Вѣдѣнію его подлежали, во-первыхъ, дѣла чужестранныя, т. е. касающіяся сношеній съ иностранными государствами, а во-вторыхъ, и тѣ внутреннія дѣла, которыя требовали собственнаго рѣшенія императорской власти. Эти послѣднія были изъяты изъ вѣдѣнія Сената и Коллегій, которые во всемъ остальномъ должны были дѣйствовать на основаніи своихъ прежнихъ уставовъ. Позволялось и аппеллировать къ Верховному Тайному Совѣту на Сенатъ и на Коллегіи иностранную и морскую подъ угрозой только, что аппеллировавшій лишается жизни, чести и имѣнія, если его аппелляція окажется неосновательной. Верховному Тайному Совѣту принадлежалъ также и высшій надзоръ надъ всѣми коллегіями и другими учрежденіями.

Въ первой половинѣ существованія Верховнаго Тайнаго Совѣта малорусскія дѣла вѣдались въ Сенатѣ; но указомъ 18 августа 1727 года они были перенесены въ коллегію иностранныхъ дѣлъ [1]). Это перенесеніе дѣлъ находится, по всей вѣроятности, въ связи съ возстановленіемъ гетманства въ Малороссіи и является, такимъ образомъ, какъ-бы возстановленіемъ того стараго порядка, при которомъ на Малороссію смотрѣли, какъ на страну «чужеземную», имѣющую

[1]) Сборникъ Рус. Имп. Общ. т. 69, стр. 255 и 257.

свои особыя права и привилегіи. Раньше Малороссія вѣдалась въ посольскомъ приказѣ.

Въ архивѣ посольскаго приказа, коллегіи иностранныхъ дѣлъ и Сената и слѣдуетъ, поэтому, главнымъ образомъ, искать наиболѣе существеннаго матеріала для политической исторіи Малороссіи XVII и XVIII вѣковъ, для исторіи ея отношеній къ Великороссіи и наоборотъ. Въ архивахъ же этихъ учрежденій должно заключаться и много данныхъ для характеристики различныхъ сторонъ внутренней жизни Малороссіи, такъ какъ, особенно начиная съ XVIII вѣка, дѣла, начинаясь въ Малороссіи, нерѣдко переходили и заканчивались въ Сенатѣ, унося съ собой изъ Малороссіи много документальнаго матеріала.

Сравнительно съ Сенатомъ и Коллегіею Иностранныхъ Дѣлъ, Верховный Тайный Совѣтъ не могъ проявлять широко свою дѣятельность въ отношеніи Малороссіи. Ко времени учрежденія его страна уже въ значительной степени перестала быть «чужеземной», а, судя по протоколамъ, и дѣлъ-то, для которыхъ-бы требовалось собственное рѣшеніе императрицы, было сравнительно немного. Апелляціи на Сенатъ и Коллегіи, въ виду страшной угрозы, доходили до Верх. Тайн. Совѣта тоже чрезвычайно рѣдко.

Все это, конечно, не даетъ еще права занимающемуся исторіей Малороссіи XVIII в. игнорировать протоколы Верх. Тайн. Совѣта. Среди немногочисленнаго матеріала, разсѣяннаго въ нихъ и относящагося къ исторіи Малороссіи, находятся въ высшей степени важныя данныя, которыя, съ одной стороны, рисуютъ намъ характеръ отношеній Петербургскаго правительства къ Малороссіи послѣ смерти Петра, съ другой—дополняютъ и проливаютъ нѣсколько новый свѣтъ на факты малорусской исторіи XVIII вѣка, въ отрывочномъ видѣ уже появившіеся въ печати.

«Протоколы Верховнаго Тайнаго Совѣта» издаются Императорскимъ Русскимъ Историческимъ Обществомъ, подъ редакціею академика Н. Ф. Дубровина. Печатаются они цѣликомъ, безъ выпусковъ и ничего общаго не имѣютъ съ тѣми «Протоколами Верховнаго Тайнаго Совѣта», которые были напечатаны въ III книгѣ «Чтеній Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ» за 1858 годъ подъ этимъ ошибочнымъ заглавіемъ. Тогдашній начальникъ Московскаго Главнаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ кн. М. А. Оболенскій въ томъ-же 1858 г. въ «Библіографическихъ Запискахъ»

указалъ на ошибку редакціи «Чтеній», напечатавшей подъ именемъ «Протоколовъ Верх. Тайн. Совѣта» копію съ рукописи А. Ф. Малиновскаго, хранящейся въ архивѣ М—ва Иностр. Дѣлъ подъ заглавіемъ: «Управленіе Всероссійской Имперіи во время бывшаго Верховнаго Тайнаго Совѣта съ 1726 по 1730-й годъ».

Рукописью издаваемыхъ теперь академикомъ Н. Ф. Дубровинымъ протоколовъ пользовался раньше покойный С. М. Соловьевъ. Имъ, между прочимъ, извлечены оттуда данныя относительно малорусскихъ дѣлъ, которыя мы находимъ въ XVIII и XIX т. его «Исторіи Россіи». Но Соловьевъ, интересуясь, главнымъ образомъ, политической судьбой Малороссіи, далеко не исчерпалъ содержанія «Протоколовъ.» Поэтому, мы, повторяя нѣкоторыя данныя, сообщенныя уже Соловьевымъ, постараемся дополнить ихъ на основаніи напечатанныхъ «Протоколовъ» и указать и на другія свѣдѣнія по малорусской исторіи, которыя можно почерпнуть оттуда.

I.

Первыя засѣданія Верховнаго Тайнаго Совѣта были посвящены обсужденію дѣлъ персидскихъ и турецкихъ. Столкновеніе Россіи съ этими государствами, происшедшее въ концѣ царствованія Петра I, не уладилось и въ первый годъ послѣ его смерти. Дѣла русскихъ шли очень плохо: войска едва удерживали занятыя раньше персидскія области, откуда всѣ жители разбѣжались, податей не платили, а постоянно угрожали возмущеніемъ. Турки помогали Персамъ, и никакія старанія русскихъ дипломатовъ въ Константинополѣ, Неплюева и Румянцева, удержать Порту отъ этой помощи не удавались. При такомъ положеніи дѣлъ требовалось особое напряженіе государственныхъ силъ, требовались новыя финансовыя средства и войска—съ одной стороны, а затѣмъ полное спокойствіе внутри государства—съ другой.

Послѣ измѣны Мазепы Малороссія всегда возбуждала подозрѣніе у петербургскаго правительства. Исторія Полуботка и К° еще болѣе усилила эту подозрительность. Немудрено, поэтому, что, обсуждая вопросъ о турецкихъ и персидскихъ дѣлахъ, Верховный Тайный Совѣтъ вспомнилъ и о малорусскихъ дѣлахъ. 11 февраля 1726 года члены Совѣта разсуждали о томъ, чтобы представить на усмотрѣніе императрицы слѣдующія ихъ мнѣнія: 1) пока еще не дошло до

разрыва съ Турками, слѣдуетъ «ради удовольства и приласканія тамошняго народа» выбрать изъ малороссіянъ персону годную и вѣрную въ гетманы; 2) подати, которыя теперь собираются, всѣ сложить, оставивъ только тѣ, которыя собирались раньше при гетманахъ; войско содержать, по прежнему, какъ было при гетманахъ и какъ объ этомъ сказано въ статьяхъ; 3) суды отправлять самимъ малороссіянамъ, давъ право апелляціи на ихъ рѣшенія въ малороссійскую коллегію [1]). Въ этомъ мнѣніи Верховнаго Тайнаго Совѣта сказывалась, конечно, значительная уступка требованіямъ старшины, какъ они были заявлены, между прочимъ, въ послѣдній разъ Полуботкомъ и его товарищами.

Уступки, проектированныя Верховнымъ Тайнымъ Совѣтомъ, не всѣ тогда-же получили реальное осуществленіе. 23 февраля члены Совѣта опять разсуждали о томъ, быть-ли гетману въ Малороссіи? Мысль эта вызвала сильный протестъ со стороны графа Толстаго, который заявилъ, что онъ «не можетъ совѣтовать» возстановить гетманство въ Малороссіи, такъ какъ покойный императоръ Петръ I не позволилъ выбирать гетмана и власти у полковниковъ и старшинъ поубавилъ съ той цѣлью, чтобы «Малую Россію къ рукамъ прибрать». Вслѣдствіе этого полковники и старшина «пришли въ немалую ссору съ подданными», и если снова возстановить гетманство и возвратить прежнюю власть старшинамъ, то, при настоящемъ положеніи дѣлъ съ Турціей, могутъ возникнуть опасныя затрудненія» [2]). Вопросъ на этомъ, повидимому, и прекратился, такъ какъ на этотъ разъ въ Совѣтѣ онъ уже больше не поднимался.

Въ связи съ вопросомъ о гетманствѣ стоялъ вопросъ и объ отпускѣ домой старшины, задержанной въ Петербургѣ по дѣлу Полуботка. Въ числѣ задержанныхъ были, кромѣ самого Полуботка, умершаго вскорѣ затѣмъ въ Петропавловской крѣпости генеральный судья Чарнышъ, генеральный писарь Савичъ и миргородскій полковникъ, старикъ Даніилъ Апостолъ, самъ добивавшійся быть назначеннымъ въ малороссійскіе гетманы. 28 марта 1726 года члены Верховнаго Тайнаго Совѣта разсуждали о малороссійской старшинѣ, въ особенности о миргородскомъ полковникѣ Даніилѣ Апостолѣ. Къ дальнѣй-

---

[1]) Сбор. Рус. Ист. Общ. т. 55 стр. 25—26. Соловьевъ Исторія Россіи т. XVIII стр. 923 (Изд. Общ. Пользы).

[2]) Сборн. Рус. Ист. Общ. т. 55 стр. 60.

шему удержанію послѣдняго въ Петербургѣ, по мнѣнію Совѣта, не представлялось никакого серьезнаго повода; его слѣдуетъ отпустить домой въ полкъ, а въ Петербургѣ оставить его сына въ качествѣ, конечно, заложника въ вѣрности отца [1]). 1 апрѣля мнѣніе Совѣта было представлено на усмотрѣніе императрицы, но послѣдняя не рѣшилась утвердить его, а отложила до поры до времени [2]), и только 5 мая 1726 г. мнѣніе Верховнаго Тайнаго Совѣта было утверждено: Апостолъ былъ отпущенъ въ Малороссію, при чемъ съ него была взята «крѣпкая» присяга въ вѣрности и въ видѣ заложника былъ оставленъ одинъ изъ его сыновей [3]). 16 мая вопросъ объ отпускѣ Даніила Апостола домой былъ рѣшенъ окончательно [4]), а 18 мая того-же года съ него была взята присяга, въ которой онъ обѣщался и клялся быть вѣрнымъ, добрымъ и послушнымъ рабомъ и подданнымъ какъ императрицѣ, такъ и ея наслѣдникамъ, «по крайнему разумѣнію, силѣ и возможности, не щадя въ нужномъ случаѣ живота, предостерегать и оборонять всѣ права и преимущества, направляемыя къ Высокому Ея Величества Самодержавству, силѣ и власти; стараться обо всемъ, что можетъ касаться вѣрной службы и пользѣ государственной»! «Такожъ, говорилось далѣе въ присягѣ, обѣщаюсь и клянуся азъ, что лишь, будучи въ Малой Россіи безъ указу и безъ повелѣнія Ея Императорскаго Величества съ турки, съ крымцы, съ поляки, съ запорожцы и съ другими ни съ которыми посторонними областьми ни о чемъ не списываться и корреспонденцій не имѣть, и самому никуда не отъѣзжать и, живучи въ Малой Россіи, никакихъ возмущеній не токмо самому не чинить, но и другихъ къ тому не подущать». Въ заключеніе Апостолъ клялся, что «какъ скоро и за кѣмъ увѣдаетъ что-нибудь клонящееся во вредъ Императрицѣ и Государству, то будетъ не только заблаговременно доносить, но будетъ стараться всѣми мѣрами отвращать и недопускать [5]). Съ этимъ старый миргородскій полковникъ былъ отпущенъ на родину. Предосторожность русскаго правительства въ то самое время, когда, по отзыву самого уже Верх. Тайн. Совѣта, къ

---

[1]) Сбор. Им. Рус. Ист. Общ. т. 55 стр. 150.

[2]) Ibid. стр. 178—179.

[3]) Сбор. Имп. Рус. Ист. Общ. т. 55 стр. 263.

[4]) Ibid. стр. 293.

[5]) Ibid стр. 294.

удержанію Апостола въ Петербургѣ не представлялось никакой серьезной или даже просто никакой причины, показываетъ, какъ преувеличенно смотрѣли тогда въ Петербургѣ на малороссійскія дѣла вообще и на Полуботковскую исторію въ частности. При ближайшемъ изслѣдованіи тогдашнихъ отношеній, никакихъ данныхъ для возникновенія серьезныхъ протестовъ въ Малороссіи противъ великорусскаго правительства не было, а потому не было никакихъ поводовъ для опасеній, высказывавшихся въ Петербургѣ. Группа, поддерживавшая Полуботка, не являлась представительницей всего малорусскаго населенія и интересы ея рѣзко расходились съ интересами большинства малорусскаго народа [1]). Петербургское правительство имѣло, во всякомъ случаѣ, превратное понятіе о положеніи дѣлъ въ Малороссіи. Для историка, который-бы занялся исторіей инкорпораціи Малороссіи въ XVIII вѣкѣ, важно будетъ выяснить процессъ, какимъ образомъ у петербургскаго правительства образовался тотъ пристрастный и односторонній взглядъ, при помощи котораго оно такъ боязливо смотрѣло на Малороссію и такъ превратно понимало всѣ возникающія въ ней отношенія. Архивы Сената и Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ должны бросить свѣтъ на этотъ вопросъ. Имѣющійся въ нашемъ распоряженіи матеріалъ даетъ право предположить, что великорусскія учрежденія, основанныя Петромъ Великимъ въ Малороссіи, играли тутъ рѣшающую роль... Созданная для сравнительно узкихъ цѣлей, Малороссійская Коллегія, въ силу порядка вещей, заняла сразу политическое положеніе и начала ту борьбу противъ малорусскихъ понятій въ области внутренней политики, которая продолжалась полъ вѣка, отличалась такого страстностью и внесла столько путаницы въ малорусскія отношенія. Подъ вліяніемъ этой страстности слагались и отношенія петербургскаго правительства къ Малороссіи, ускорявшія ломку малорусскаго строя и отнимавшія у этой ломки какую-бы то ни было систему...

Сынъ Апостола остался, такимъ образомъ, въ С.-Петербургѣ; остались также Яковъ Лизогубъ, Иванъ Чернышъ и Василій Жураховскій. 17 октября 1726 года въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ былъ поднятъ вопросъ объ отпускѣ трехъ послѣднихъ въ Малороссію на тѣхъ-же основаніяхъ, на какихъ былъ отпущенъ Даніилъ Апостолъ, т. е. чтобы взять съ нихъ присягу въ вѣрности и оставить въ Пе-

[1]) *Ал. М. Лазаревскій* Павелъ Полуботокъ въ Рус. Арх. 1880 г. кн. I

тербургѣ ихъ дѣтей въ видѣ заложниковъ [1]). 21 октября слушался докладъ объ этомъ, причемъ для дѣтей старшины предполагалось выстроить дома на Васильевскомъ Островѣ [2]). Докладъ рѣшено пополнить, но чѣмъ—изъ Протоколовъ не видно. 11 ноября опять говорили въ Совѣтѣ о генеральной старшинѣ и рѣшили доложить о ней императрицѣ [3]); 19 декабря тайный совѣтникъ Макаровъ взялъ дѣло о старшинѣ для доклада [4]); а 23 декабря въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ была объявлена резолюція, что «Ея Величество не только не соизволила, но повелѣла, чтобъ они, по прежнему Ея Величества указу (8 февраля 1725 г.), жили здѣсь, въ С.-Петербургѣ, и побудить ихъ къ строенію домовъ, какъ тотъ прежній ея величества указъ повелѣваетъ» [5]).

Оставшійся заложникомъ Петръ Апостолъ, судя по его дневнику, напечатанному Ал. М. Лазаревскимъ въ іюльской книжкѣ «Кіевской Старины» за 1895 годъ, былъ въ очень близкихъ отношеніяхъ съ кн. Меньшиковымъ, въ домѣ котораго онъ немало проводилъ вечеровъ. При силѣ и затѣмъ всевластіи Меньшикова, молодому Апостолу жилось, вѣроятно, хорошо, свободно. Но вотъ его патронъ падаетъ—и въ протоколахъ Верховнаго Тайнаго Совѣта за 10 сентября 1727 года мы встрѣчаемъ такую запись: «призванъ гетманскій сынъ Петръ Апостолъ и сказанъ ему указъ, чтобъ онъ съ княземъ Меньшиковымъ не ѣздилъ, а жилъ въ Санктпетербургѣ безъѣздно и почасту-бъ являлся въ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ» [6]). Указъ этотъ вызванъ, очевидно, тѣмъ обстоятельствомъ, что когда Меньшикова посылали въ ссылку въ Раненбургъ, то было объявлено, что съ нимъ можетъ ѣхать всякій, кто захочетъ. Связанный дружбой Апостолъ, вѣроятно, также хотѣлъ ѣхать съ опальнымъ княземъ, но здѣсь-то ему и напомнили, что онъ не вольный человѣкъ, а политическій заложникъ [7]). 16 сентября 1727 года въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ допрашиванъ по дѣлу Меньшикова секретарь его Вистъ, какая дана инструкція посланному въ Ригу генералу Урбановичу?

---

[1]) Сб. Рус. Ист. Общ. 56 т, стр. 269—270.

[2]) Ibid. 290.

[3]) Ibid. 364.

[4]) Ibid. 538 и 603.

[5]) Ibid. 601.

[6]) Сбор. Рус. Ист. Общ. 63 т. стр. 274.

[7]) Ibid. стр. 275.

Вистъ отвѣтилъ, что не знаетъ, и указалъ при этомъ на бывшихъ при Меньшиковѣ Апостола, Потемкина и Даровскаго, которые объ этомъ знаютъ. Рѣшено ихъ вызвать и допросить [1]).

Это было уже въ то время, когда Данилъ Апостолъ выдвигался со стороны петербургскаго правительства кандидатомъ въ гетманы. 1 октября состоялось его избраніе [2]). Казалось, что все недовѣріе къ нему исчезло—однако, этого не видно, судя по обхожденію съ его сыномъ. Въ «Протоколахъ Верховнаго Тайнаго Совѣта» подъ 4 октября мы находимъ запись: «Апостолова сына удержать отъ полковничества» [3]). Вѣроятно около этого времени выставлена была кандидатура Петра Апостола на полковничій урядъ. Въ 1728 году гетманъ пріѣхалъ на коронацію въ Москву. Онъ, понятное дѣло, употребилъ всѣ усилія, чтобы дать возможность выдвинуться своему сыну—заложнику. Старшій сынъ его Павелъ былъ въ то время уже миргородскимъ полковникомъ. 7 апрѣля 1728 года Петръ II былъ на обѣдѣ у гетмана. Послѣ обѣда, говоритъ «Журналъ о поѣздкѣ гетмана въ Москву» —Петръ II «пошолъ въ канторку тую, гдѣ ясновельможного ложко стояло, и тамъ съ ясновельможными милостиво разговаривалъ и смотрѣлъ булавы и бунчуки, якіе въ той конторцѣ на стѣнѣ висѣли, а между тѣмъ изволилъ пожаловать пана Петра Апостола, сына ясневельможнаго, лубенскимъ полковникомъ, за что ясневельможный публично повергъ себя подъ ноги Его Им. Величеству, всеподданнѣйше благодарилъ и просилъ на все отечество малороссійское милостивѣйшаго Его Имп. Вел. призрѣнія» [4]). Указъ объ этомъ назначеніи появился, впрочемъ, гораздо позже и, вѣроятно, вышелъ противъ ожиданія гетмана. Совѣтники юнаго императора нашли, вѣроятно, преждевременнымъ отпускать сына гетмана въ Малороссію, а потому подъ 9 сентября 1728 г. въ «Протоколы» занесено, что государь «пожаловалъ гетмана Апостола сына его Петра, указалъ ему быть полковникомъ казацкимъ, а жить ему въ *Москвѣ*. Только лѣтомъ 1730 года, значитъ уже въ царствованіе Анны Ивановны, послѣ уничтоженія Верховнаго

---

[1]) Сбор. Русск. Ист. Общ. 63 т. 294 стр.

[2]) Соловьевъ Исторія Россіи (изд. Общ. Пользы) Т. IV, стр. 1106.

[3]) Сбор. Рус. Ист. Общ. 63 т. стр. 430.

[4]) Матеріалы для отечественной исторіи Судіенка т. I отд. I стр. 34.

Тайнаго Совѣта, Петръ Апостолъ былъ отпущенъ въ Малороссію и вступилъ въ управленіе лубенскимъ полкомъ, оставаясь на урядѣ до 1757 года.

II.

Мы видѣли, что уже въ одно изъ первыхъ засѣданій Верховнаго Тайнаго Совѣта былъ поднятъ вопросъ объ уменьшеніи налоговъ, взимаемыхъ съ малорусскихъ жителей. Налоги эти были увеличены въ 1723 году. 31 марта этого года президентъ тогда только что учрежденной Малороссійской Коллегіи бригадиръ Вельяминовъ представилъ Цетру I свои «пункты», свои соображенія какъ относительно порядка взыманія, такъ и распредѣленія налоговъ. Петръ утвердилъ эти пункты. Всякіе доходы въ Малороссіи, какъ денежные, такъ и хлѣбные, по указу императора, полученному въ Малороссійской Коллегіи 3 іюня 1723 года, должны были собираться въ казну урядниками и войтами малороссійскаго народа, какъ и раньше собирались. Малороссійская Коллегія должна принимать эти сборы и давать изъ нихъ жалованье по пунктамъ Богдана Хмельницкаго и по даннымъ инструкціямъ. Покуховное, показанщина, пчелиная, табачная десятины, войсковая часть съ мельницъ и др. сборы шли прежде на гетмана, полковниковъ, сотниковъ и др. старшину; собирались эти сборы, главнымъ образомъ, съ убогихъ козаковъ и посполитыхъ людей; старшина, значные козаки, полковые товарищи, монастырскіе и церковные владѣльцы были отъ нихъ свободны. Указомъ Петра велѣно собирать эти сборы со всѣхъ, «равно отъ высшихъ и до нижнихъ чиновъ, не выключая никого». Покуховное бралось въ Малороссіи только съ шинкарей и съ вышинкованныхъ куфъ; между тѣмъ малороссійскіе обыватели продавали водку великороссійскимъ обывателямъ, платя только скатное по 6 алтынъ и 4 деньги и по 8 алтынъ и 2 деньги. Указъ Петра предписываетъ брать покуховное и въ этомъ послѣднемъ случаѣ [1]).

Объ отмѣнѣ этихъ сборовъ и была рѣчь въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ 11 февраля 1726 года. Но вопросъ былъ рѣшенъ только 1 іюня: постановлено было послать въ Малороссійскую Кол-

---

[1]) Кіев. Ст. 1888 Октябрь 175—182.

легію указъ, чтобы въ казну съ малороссійскаго народа собирались только сборы, существовавшіе раньше указа 1723 года. Сборы же, установленные этимъ указомъ, пріостанавливались до истребованія отъ Вельяминова вѣдомостей, сколько какихъ сборовъ взымается въ отдѣльности [1]).

Большая часть засѣданія 1-го іюля 1726 года была посвящена малорусскимъ дѣламъ по преимуществу. По инструкціи, данной Вельяминову, и по указу Сената въ 1722 г. велѣно присутствовать въ Малороссійской Коллегіи шести чиновникамъ изъ штабъ-офицеровъ кіевскаго и глуховскаго гарнизоновъ, перемѣняясь погодно. Вельяминовъ просилъ теперь объ измѣненіи этого порядка: слѣдуетъ назначить постоянныхъ членовъ, потому что перемѣнные, какъ къ «коллежскимъ вновь сочиняемымъ дѣламъ не заобычайны», не могутъ вести ихъ исправно, они только учатся, а потому и въ дѣлахъ правленія чинится остановка. Сенатъ присоединился къ просьбѣ Вельяминова, и въ Малороссійскую Коллегію были назначены непремѣнными членами оберъ-кригсъ-коммиссаръ Афанасій Арсеньевъ вице-президентомъ, полковникъ Петръ Кошелевъ, майоръ Андрей Колычевъ и мѣстный комендантъ Филиппъ Толбухинъ—совѣтниками [2]). Тогда же Сенатъ сдѣлалъ еще нѣкоторыя представленія въ Совѣтъ, по которымъ самъ онъ не могъ постановить рѣшенія. По указу 1722 года Малороссійской Коллегіи поручено было разсмотрѣть, какіе налоги слѣдуетъ наложить на малороссійскій народъ, чтобы они не составляли тягости для населенія, и какими путями слѣдуетъ ихъ взымать? Малороссійская Коллегія обратила вниманіе Сената на то, что въ Малороссіи существуютъ торговцы-мѣщане, не платящіе ничего со своихъ торговъ въ казну; малороссійскіе и великороссійскіе владѣльцы, имѣющіе въ своемъ владѣніи мосты, перевозы, торговыя бани, рудни, гуты, рыбныя ловли и содержащіе ихъ на свой счетъ, также въ казну ничего не даютъ. Коллегія предполагала обложить и тѣхъ и другихъ—торговцевъ, смотря по промысламъ, на томъ основаніи, что они имѣютъ ничѣмъ неоправдываемую свободу предъ казаками и посполитыми, изъ которыхъ первые несутъ военную службу, вторые—или работаютъ на своихъ владѣльцевъ, или-же несутъ извѣстныя подданическія повинности. Предполагала коллегія

---

[1]) Сбор. Рус. Ист. Об. т. 55 стр. 322—323, 339.

[1]) Сб. Рус. Ист. Общ. т. 55 стр. 323—324.

обложить также и владѣльцевъ четвертою частью ихъ доходовъ съ промысловъ, такъ какъ они собираютъ ихъ не съ своихъ подданныхъ, а съ постороннихъ. Сенатъ соглашался на обложеніе мѣщанъ; что же касается обложенія владѣльцевъ, то высказался противъ этого на томъ основаніи, что «напередъ сего съ тѣхъ званій никакихъ сборовъ не бывало» [1]). Когда дѣло перешло въ Верховный Тайный Совѣтъ, онъ остался вѣренъ принципамъ первоначальнаго своего рѣшенія и постановилъ резолюцію: «о наложеніи вновь доходовъ прислать прежде смѣту, сколько всѣхъ будетъ, а безъ указу не собирать». [2])

При Скоропадскомъ резиденціей гетмана сдѣланъ пограничный съ Великороссіей городъ Глуховъ, въ которомъ и поставлены два гарнизонные полка. Коллегія просила перенести резиденцію куда-нибудь въ центръ Малороссіи, въ Нѣжинъ или въ Прилуки, такъ какъ отдаленность положенія Глухова отъ центра Малороссіи и его окраинъ отражается на дѣлопроизводствѣ: на пересылку дѣлъ тратится много времени; къ тому же далекое разстояніе удерживаетъ многихъ жителей отъ подачи прошеній въ Коллегію о своихъ обидахъ. Сенатъ поддерживалъ въ своемъ представленіи Верх. Тайному Совѣту ходатайство Малороссійской Коллегіи [3]), но Совѣтъ не согласился съ этимъ, и Коллегія была оставлена въ Глуховѣ [4]).

Былъ поднятъ вопросъ и о помѣщеніи для Коллегіи. Въ сенатскомъ указѣ 1722 г., изданномъ по случаю учрежденія Коллегіи, было сдѣлано распоряженіе объ отводѣ ей для помѣщенія дома, а коллежскимъ членамъ и служителямъ—квартиръ, причемъ со временемъ предполагалось построить собственный для Коллегіи домъ «какими людьми и съ какихъ доходовъ пристойно»; но въ 1723 г. это предположеніе отмѣнено: дома строить не велѣно. Въ 1726 г. Коллегія доносила въ Сенатъ, что она нѣсколько разъ требовала отъ войсковой генеральной канцеляріи отвода себѣ приличнаго помѣщенія, потому что домъ, гдѣ она помѣщается, обветшалъ; но канцелярія не могла удовлетворить этого требованія, потому-что соотвѣтствующаго дома въ Глуховѣ не находилось. Коллегія опять

---

[1]) Сбор. Рус. Ист. Общ. т. 55 стр. 326.

[2]) Ibid. 342.

[3]) Ibid. стр. 326.

[4]) Ibid. стр. 324.

подняла по этому поводу вопросъ о постройкѣ собственнаго зданія для нея и для конторъ съ каменными подвалами для казны; необходимо было построить также дома для членовъ Коллегіи и ея служителей, для чего слѣдовало собрать съ малороссійскаго народа по восьми копѣекъ или по 3 алтына со двора. [1]) Верховный Тайный Совѣтъ не рѣшилъ окончательно вопроса, но потребовалъ по этому поводу отъ Вельяминова точную смѣту, «чтобъ казнѣ излишней траты не было» [2]).

Слѣдующее предложеніе Сената касалось опять фискальныхъ цѣлей. 1 іюня 1722 года сенатскимъ указомъ велѣно для челобитчиковыхъ дѣлъ употреблять въ Малороссійской Коллегіи простую бумагу; съ вершенныхъ челобитчиковыхъ дѣлъ пошлинъ и денегъ на канцелярію не брать. Въ Малороссіи сверхъ того сдѣлки, какъ малороссіянъ, такъ и великороссіянъ, по покупкѣ грунтовъ, мельницъ и др. заводовъ, о бѣглыхъ крестьянахъ, крѣпости на нихъ, заемныя и др. письма писались или въ ратушахъ или-же своеручно, а пошлинъ съ нихъ никакихъ не бралось. Коллегія предполагала ввести для челобитчиковыхъ дѣлъ пошлину и канцелярскія деньги, а также учредить особую крѣпостную контору, въ которой бы записывались всѣ крѣпости и взымалась съ нихъ особая крѣпостная пошлина [3]). Совѣтъ не согласился съ этимъ мнѣніемъ: все оставалось по прежнему, только прошенія должны были подаваться на гербовой бумагѣ [4]).

Затѣмъ слѣдовалъ вопросъ о бѣглыхъ, занимавшій вообще видное мѣсто въ сношеніяхъ Великороссіи съ Малороссіей съ самаго момента присоединенія послѣдней.

Указомъ Сената отъ 8 марта 1723 года велѣно бѣжавшихъ за рубежи и пойманныхъ на заставахъ бить кнутомъ и отсылать на прежнія жилища; подговорщиковъ-же къ побѣгу, по жестокомъ наказаніи, ссылать на вѣчную каторгу; если-же на заставахъ будутъ пойманы малороссіяне, то распрашивать ихъ, откуда они, и отсылать на прежнее ихъ мѣсто жительства, не подвергая ихъ наказанію. 1 сентября 1725 года, уже, значитъ, послѣ смерти Петра I, былъ

---

[1]) Сб. Рус. Ист. 55 стр. 326.
[2]) Ibid. 324.
[3]) Ibid. стр. 326.
[4]) Ibid. стр. 324 и 338.

изданъ новый, дополнительный указъ, которымъ подговорщиковъ къ побѣгу и проводившихъ чрезъ рубежъ бѣглецовъ велѣно казнить смертью, вѣшать на тѣхъ порубежныхъ мѣстахъ, чрезъ которыя они проводили бѣглецовъ, и тѣлъ ихъ для страха не снимать съ висѣлицъ. Малороссійская Коллегія затруднялась, какой изъ этихъ указовъ примѣнить къ малороссіянамъ? [1]). Сенатъ предполагалъ сравнить ихъ съ великороссіанами, и Верховный Тайный Совѣтъ согласился съ этимъ: съ бѣглецами великороссами, рѣшилъ онъ, слѣдуетъ поступать по указу 1723 г., малороссіянъ-же наказывать не кнутомъ а батогами; что-же касается подговорщиковъ, то здѣсь, безразлично къ происхожденію, долженъ былъ примѣняться указъ 1725 года [2]).

Далѣе слѣдовалъ вопросъ о выборѣ старшины. По пунктамъ Богдана Хмельницкаго, представляла Коллегія, малороссамъ дано право выбирать между собой на уряды войсковые, по прежнему; но 9 января 1715 года выданъ указъ гетману и полковникамъ, которымъ запрещался прежній выборъ и поставленіе полковой старшины и сотниковъ. Если-же гдѣ-нибудь открывалась вакансія, то полковникъ долженъ былъ составить раду и посовѣтоваться съ полковою старшиною и сотниками о кандидатахъ на оказавшуюся вакансію и затѣмъ, выбравъ изъ нихъ человѣкъ двухъ или трехъ заслуженныхъ и неподозрительныхъ въ вѣрности, представлять ихъ гетману, которому предоставлялся уже окончательный выборъ кандидата и утвержденіе его универсаломъ въ должности, а также и приведеніе его къ присягѣ. Коллегія доносила Сенату, что во многихъ малороссійскихъ полкахъ нѣтъ многихъ сотниковъ и полковой старшины; вслѣдствіе этого въ дѣлахъ является замедленіе и остановка; генеральная канцелярія шлетъ въ Коллегію промеморіи, въ которыхъ ставитъ на видъ, что, за отсутствіемъ обозныхъ, судей, писарей, сотниковъ и др. чиновъ — въ управленіи много неисправностей, такъ какъ наказные чины не могутъ со всѣмъ управиться, да къ тому-же и почтеніе къ нимъ со стороны обывателей не такъ велико, какъ къ настоящей старшинѣ. На разрѣшеніе Верховнаго Тайнаго Совѣта ставился Сенатомъ вопросъ, за отсутствіемъ гетмана, и при примѣненіи указа 1715 года, кому назначать старшину изъ кандидатовъ: Войсковой-ли Генеральной Канцеляріи, или-же Малороссійской Коллегіи сообща съ Канцеля-

[1]) Сб. Рус. Ист. Общ. 55 стр. 327.

[2]) Сб. Рус. Ист. Общ. 55 стр. 325 и 338.

ріею [1])? Совѣтъ подтвердилъ порядокъ выбора кандидатовъ по указу 1715 года. Если не будетъ гетмана въ Малороссіи, то изъ представленныхъ полковниками кандидатовъ, Коллегія сообща съ Генеральною Канцеляріею должна выбрать годныхъ къ отправленію должности и затѣмъ, не назначая ихъ, писать въ Сенатъ [2]). Отъ послѣдняго уже зависѣло дальнѣйшее распоряженіе. Съ указомъ 1 іюня 1726 г. сдѣланъ, такимъ образомъ, еще важный шагъ къ ограниченію малорусскаго самоуправленія и къ уничтоженію малорусскаго самобытнаго строя.

—

III.

Указъ 4 іюля 1726 года, которымъ уничтожались всѣ сборы съ малороссійскаго населенія, установленные въ 1723 году, кажется, и не приводился въ исполненіе, хотя и былъ посланъ Вельяминову. Онъ является только любопытнымъ образчикомъ колебанія русской политики въ отношеніи Малороссіи. Отмѣна сборовъ съ малорусскаго народа, при безпорядочности русскаго бюджета первой половины XVIII в., не могла не отразиться сильно на общемъ состояніи русскихъ финансовъ: требовалось или замѣнить уничтожаемые въ Малороссіи сборы чѣмъ-нибудь другимъ, или-же вернуться опять къ старому, оставить всѣ сборы до поры до времени дѣйствующими. Верховный Тайный Совѣтъ вначалѣ предпочелъ обождать съ окончательнымъ рѣшеніемъ вопроса до полученія точныхъ свѣдѣній изъ Малороссійской Коллегіи, сколько казна теряетъ, отмѣняя сборы, введенные Петромъ I. 21 іюня, какъ-бы спохватившись, онъ издалъ новый указъ, которымъ отмѣнялось постановленіе отъ 4 іюня 1726 г. и возстановлялась сила Петровскаго указа отъ 16 апрѣля 1723 года, при чемъ дѣйствія послѣдняго нѣсколько даже расширялись, такъ какъ не только великороссійскіе и малороссійскіе владѣльцы должны были платить сборы, введенные въ 1723 г., но также и крестьяне, отписанные въ Малороссіи на Государя, которые до сихъ поръ отъ платежей были свободны. Указъ 21 іюня требовалъ отъ Коллегіи присылки свѣдѣній, какъ о количествѣ отдѣльныхъ сборовъ, такъ и

---

[1]) Сбор. 55 стр. 324.

[2]) Сборн. 55 стр. 325 и 338.

о видахъ ихъ [1]). Этимъ указывалось на временное значеніе указа, который дѣйствительно, какъ увидимъ, имѣлъ только силу полгода, до полученія вѣдомостей отъ Вельяминова о количествѣ сборовъ, взимавшихся по указу 1723 года.

За это время случился маленькій эпизодъ, который отчасти показываетъ, кто и почему являлся въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ защитникомъ интересовъ малороссійскаго народа.

23 марта 1727 года Верховный Тайный Совѣтъ слушалъ прошеніе свѣтлѣйшаго князя Меньшикова относительно освобожденія отъ поборовъ въ Малороссійскую Коллегію пожалованныхъ ему городовъ Почепа и Янполя. Въ прошеніи своемъ Меньшиковъ указывалъ на то, что Почепъ и Янполь пожалованы ему въ 1709 году «съ принадлежащими къ нимъ мѣстечками, селами и деревнями и со всякими съ нихъ, что шло на гетмановъ, пожитками и доходами»; но Малороссійская Коллегія, основываясь на указѣ 1723 года, продолжаетъ брать поборы, которые раньше шли на гетмана, а затѣмъ на Меньшикова. А между тѣмъ въ 1724 году на докладной выпискѣ по межевому дѣлу Меньшикова съ почепскими козаками Петръ написалъ, чтобы князь владѣлъ всѣмъ тѣмъ, что укрѣплено за нимъ жалованною грамотою. Основываясь на этомъ, и Сенатъ 19 августа 1725 года отмѣнилъ сборы съ Меньшиковыхъ имѣній и послалъ указъ объ этомъ въ Коллегію. Изъ присланныхъ послѣднею вѣдомостей оказалось, что съ 1723 по 1726 годъ съ Меньшикова взыскано 4090 р. 24 к. деньгами и 2172 четверти 3 четверика разнымъ провіантомъ тѣхъ сборовъ, которые раньше шли на гетмана; да сверхъ этого, по указу 1723 г., было взыскано, наравнѣ съ другими владѣльцами, новыхъ сборовъ съ заводовъ и подданныхъ 1960 руб. 81 коп. Первые сборы Сенатъ 26 апрѣля 1726 года постановилъ возвратить Меньшикову, относительно же вторыхъ усомнился, имѣя въ виду указъ 17 августа 1726 года, оставлявшій въ силѣ Петровское распоряженіе 1723 года, и предложилъ, поэтому, этотъ вопросъ на разрѣшеніе Верховнаго Тайнаго Совѣта. Послѣдній утвердилъ рѣшеніе Сената, оставивъ за Меньшиковымъ сборы, которые шли раньше на гетмана: «а какіе порознь доходы въ Малороссійскую Коллегію нынѣ собираются и по сколько чего въ годъ, о томъ на основаніи указа отъ 3 іюня 1726 г. прислать вѣдомость». Далѣе Совѣтъ постановилъ

[1]) Сб. т. 55 стр. 489 и 56 стр. 1.

потребовать отъ Коллегіи объясненій, отчего вѣдомости до сихъ не присланы и отчего она, не смотря на указы, продолжаетъ взымать доходы съ Ямполя и Почепа.

9 мая, наконецъ, подъячій Гаврило Замятнинъ подалъ изъ Кабинета запечатанный пакетъ, въ которомъ оказались доношенія Малороссійской Коллегіи на всѣ указы и вопросы Верховнаго Тайнаго Совѣта: о несобираніи въ Малороссіи поборовъ съ куфъ и заводовъ, о присылкѣ соображеній по поводу разныхъ сборовъ, установленныхъ въ 1723 году, что можно изъ нихъ убавить, а что прибавить; наконецъ, объясненія по поводу взыманія поборовъ съ имѣній свѣтлѣйшаго князя Меньшикова. При этомъ Коллегія прислала двѣ вѣдомости—одну о неокладныхъ сборахъ, собиравшихся раньше на гетманскую булаву и кухню въ Шептаковской и Чеховской волостяхъ, и въ дворцахъ Баклановскомъ, Обмочевскомъ, Подлипенскомъ, Самбурскомъ и Переволоченскомъ, и сколько этихъ сборовъ предполагалось въ 1724 году, за роздачею нѣкоторыхъ изъ гетманскихъ маетностей; другая вѣдомость содержала въ себѣ свѣдѣнія о доходахъ, какіе вообще собирались сборщиками въ Малороссійскую Коллегію [1]); причемъ было присоединено мнѣніе о томъ, какіе изъ нихъ можно убавить.

Въ доношеніи своемъ Коллегія писала о полученіи всѣхъ указовъ Верховнаго Тайнаго Совѣта относительно сборовъ и давала объясненія, почему замедлила отвѣтомъ и почему, несмотря на указы, она взымала поборы съ имѣній свѣтлѣйшаго князя Меньшикова. «Посылкою оная вѣдомость умедлена для того, что Малороссійская Коллегія . . . . . имѣла смотрѣніе, какіе доходы могло убавить или прибавить». Что-же касается Меньшиковскихъ имѣній, то Коллегія ссылалась на указъ 20 іюня 1726 г., оставившій въ силѣ Петровское распоряженіе, по которому сборы взымались со всѣхъ безъ исключенія. Но какъ только Коллегія получила указъ Верховнаго Тайнаго Совѣта, она сдѣлала распоряженіе сборщикамъ, чтобы Почепъ и Ямполь оставили въ покоѣ, а съ другихъ малороссійскихъ и великороссійскихъ владѣльцевъ продолжали взымать доходы по прежнему [2]).

Присланная Коллегіей вѣдомость даетъ слѣдующія свѣдѣнія о доходахъ, поступившихъ въ Малороссійскую Коллегію въ 1724 г.

---

[1]) Сб. Р. И. Общ. т. 63 стр. 479.

[2]) Тамъ-же стр. 484—486.

Всего разныхъ сборовъ поступило 72128 р. 24$^{3}/_{4}$ коп.; въ числѣ ихъ были: покуховное и скатное съ вина—22284 р. 78$^{1}/_{4}$ к.; съ продажи вина поведернаго—888 р. 22$^{1}/_{2}$ коп.; покуховнаго и скатнаго съ дегтю—1260 р.; съ винокуренныхъ заводовъ—8094 р. 38 к.; съ пчелъ 3145 р. 88 коп.; табачная десятина 1241 р. 9$^{1}/_{2}$ коп.; съ мельницъ—1004 р. 26 коп.; сборъ съ купцовъ за ярмарки и торги 4367 р. 5 коп.; вѣсовыхъ съ пуда товаровъ—1094 р. 29 коп.; налогъ съ пивоваровъ (броваровъ)—248 р. 83 коп.; съ вишинкованнаго волошскаго и вишневаго вина 258 р. 63 коп.; съ мостовъ, перевозовъ и гребель 6710 р. 83 коп., индуктныхъ пошлинъ (ввозныхъ) 18697 р. 62 коп.; съ откупныхъ статей 1495 р. 20$^{1}/_{2}$ коп.; съ свадебъ выводныхъ 124 р. 72 коп.; съ мясниковъ и чиншевыхъ, также за увольненіе городовыхъ мѣщанъ годоваго платежа 261 р. 50 коп. Съ купцовъ, ѣздящихъ за границу, сборъ съ возовъ и воловъ—60 р. 10 к.; съ полковыхъ сѣнокосовъ, отдаваемыхъ въ наемъ 4 р. 72 коп.; съ шинкарей торгующихъ брагой, съ калачницъ и годового съ подданныхъ ратушныхъ селъ—19 р. 40 коп.; съ торговой ратушной бани—836 р. 48 коп.; наконецъ, съ рыбныхъ ловель и за проданную рыбу 30 р. 25 коп.

Доходы эти распредѣлились слѣдующимъ образомъ: 14372 р. 61$^{1}/_{2}$ коп. шли до скарбу войскового; 30079 р. 88$^{1}/_{4}$ к.—на гетмана; 48 р. 7$^{1}/_{2}$ коп. на генеральную старшину; 224 р. 18 к. на генеральнаго писаря и генеральную канцелярію; 15633 р. 9$^{3}/_{4}$ коп.—на полковниковъ и полковую старшину; 103 р. 5 коп.—до полкового скарбу и на полковую артиллерію; 245 р. 82$^{1}/_{2}$ коп.—на сотенную и городовую старшину; 22 р. 22 к.—на бунчуковыхъ товарищей; 7251 р. 84$^{1}/_{4}$ коп.—на ратуши; 3393 р. 80 к.—на монастыри и церкви; 753 р. 61 коп.—на великороссійскихъ владѣльцевъ.

Сверхъ этого раньше на гетмана и старшину не собирались еще 42366 р. 95$^{1}/_{4}$ коп., которые стали поступать въ казну только послѣ указа 1723 года, и, такимъ образомъ, денежный доходъ составился въ 114495 р. 20 коп.

Доходы, впрочемъ, этимъ не исчерпывались. Съ мельницъ шли они натурой, а съ торговъ сыпучими тѣлами бралось покошевное; количество этихъ доходовъ простиралось до 30578 четв. 4 четвериковъ.

Въ 1725 г. доходы были: 98559 р. 20½ коп. деньгами 24068 четв. 1¼ четв. хлѣбомъ; 19 пуд. 16 ф. меду; 120 пуд. 32½ ф. соли; 56 пуд. табаку; 869 ведеръ 13 кв. вина простаго; 48 ведеръ масла коноплянаго.

Въ 1726 году деньгами собрано 92391 р. 35⅓ к.; хлѣбомъ 1955 четв. 6½ четв.; меду въ сборѣ не было; соли 156 п. 24 ф.; табаку 72 пуд. 4 ф.; вина 769 вед. ½ кв.; масла 8 ведеръ 7 кварть [1])

Посылая вѣдомость о сборахъ, Малороссійская Коллегія присоединила къ нимъ и свои соображенія на счетъ того, какіе сборы можно убавить. Она предполагала, во-первыхъ, отмѣнить ¼ часть хлѣба съ мельницъ. Обыватели привозили его сырымъ, долго держать его было невозможно, сборщикамъ онъ, поэтому, доставлялъ не мало затрудненій. Отъ отмѣны этого сбора убывало доходовъ на 10403 р. 94 к., а присоединивъ къ нимъ поколовщину и покабанщину съ мельницъ 4047 р. 19½ к.—всего убывало 14451 р. 13½ к. Предполагалось отмѣнить затѣмъ покошовное, которое бралось по ковшу отъ воза съ провозимаго для продажи хлѣба—на 1814 р. 31½ коп. Табачная десятина бралась по 60 коп. за пудъ; Коллегія предполагала уменьшить ее до 30 коп., отчего сборовъ можетъ уменьшиться на 2934 р. 12 коп. А всего, съ отмѣною указанныхъ Коллегіей сборовъ, доходы должны были уменьшиться на 19199 руб. 57 коп., или выразиться въ общей суммѣ 105305 р. 40½ коп. Всѣ эти сборы были неокладные, сколько сборщики успѣвали собрать, въ окладные-же ихъ и помѣстить было невовможно, потому что окладныхъ сборовъ и не было въ Малороссіи.

При докладѣ Верховному Тайному Совѣту было указано на 7-й пунктъ договорныхъ статей Богдана Хмельницкаго, гдѣ шла рѣчь о сборахъ, а также на 2-й пунктъ инструкціи Малороссійской Коллегіи, гдѣ говорилось о сборахъ по пунктамъ Богдана Хмельницкаго. Это и послужило исходнымъ пунктомъ для уменьшенія сборовъ съ малорусскихъ обывателей: 12 мая 1727 года былъ изданъ указъ, въ которомъ заявлялось, что императоръ, «милосердуя о своихъ подданныхъ малороссійскаго народа, пожаловалъ ихъ, указалъ съ нихъ доходы денежные и хлѣбные собирать тѣ, которые подлежатъ по пунктамъ гетмана Богдана Хмельницкаго, и которые сбирали при

[1]) Сбор. Рус. Ист. Общ. т. 63 стр. 484—508.

бытности бывшихъ потомъ гетмановъ. А также всякіе доходы положены съ опредѣленія Коллегіи по донесеніямъ генералъ майора Вельяминова вновь, тѣ отставить вовсе и впредь съ нихъ не сбирать». Въ этомъ-же указѣ малороссійскій народъ былъ «обнадеженъ», что скоро у него будутъ опредѣлены гетманъ и старшина [1]).

12 мая былъ рѣшенъ и другой важный вопросъ—великороссіянамъ было запрещено покупать земли въ Малороссіи. Кто купилъ до этого указа, у того полки должны взять земли обратно, заплативъ имъ сумму, означенную по купчимъ; если-же кто купитъ послѣ указа, у тѣхъ отбирать земли безденежно.

Интересны мотивы, которые побудили Верховный Тайный Совѣтъ издать этотъ указъ.

Поводомъ къ этому послужило слѣдующее обстоятельство. Прилуцкій полковникъ Галаганъ донесъ въ Малороссійскую Коллегію, что въ м. Монастырищахъ капитанъ стоящаго тамъ Олонецкаго полка Бершнякъ купилъ у многихъ посполитыхъ грунта и захватилъ въ подданство самыхъ посполитыхъ; другіе посполитые хотятъ тоже послѣдовать ихъ примѣру и идти въ подданство къ Бершняку. Между тѣмъ въ Малой Россіи во владѣльческихъ селахъ и деревняхъ, кромѣ державцевъ, грунтовъ никто покупать не долженъ. Галаганъ спрашивалъ, какъ поступать, если случаи, подобные этому, будутъ повторяться? Малороссійская Коллегія не рѣшила сама вопроса, а 13 сентября 1726 года обратилась въ Сенатъ, а послѣдній въ Верховный Совѣтъ, причемъ представлялъ свои соображенія, что на основаніи уложенія и гетманскихъ пунктовъ слѣдуетъ запретить великороссіанамъ покупку земель въ Малороссіи, «ибо по указамъ и по пунктамъ всѣхъ гетмановъ о покупкѣ въ Малой Россіи великороссіанамъ земель ни малаго позволенія не показано» [2]).

—

IV.

Приведенныя свѣдѣнія изъ Протоколовъ Верховнаго Тайн. Совѣта далеко не исчерпываютъ ихъ содержанія, какъ источника для Малорусской исторіи. Мы, напр., совершенно опускаемъ здѣсь свѣдѣнія

---

[1]) Сб. Рус. Ист. Общ. т. 63 стр. 464.

[2]) Сб. Рус. Ист. Общ. т. 63 стр. 510—512.

о посылкѣ козаковъ къ крѣпости св. Креста, о тѣхъ страшныхъ потеряхъ въ людяхъ, какія испытывало козацкое войско отъ климата, потеряхъ, вынудившихъ правительство замѣнить козацкіе походы на Гилянъ денежными сборами. Протоколы заключаютъ въ себѣ драгоцѣнныя свѣдѣнія о великорусскихъ полкахъ и ихъ расквартированіи въ Малороссіи; нѣкоторыя свѣдѣнія по исторіи управленія, на сколько это, конечно, касалось Верховнаго Тайнаго Совѣта. Интересна, напр., исторія назначенія Милорадовича Гадячскимъ полковникомъ, и т. д.

Въ заключеніе мы остановимся только на данныхъ протоколовъ, относящихся къ исторіи стародубскаго полковника Пашкова, тѣмъ болѣе, что у историка Стародубскаго полка А. М. Лазаревскаго о Пашковѣ говорится слишкомъ кратко и только слѣдующее: «Вмѣсто Кокошкина въ 1724 году въ Стародубъ назначенъ былъ подполковникъ Илья Ивановичъ Пашковъ, который пробылъ полковникомъ до 1728 года и смѣщенъ вслѣдствіе поданныхъ на него жалобъ за взятки и другія насилія» [1]). Данныя протоколовъ говорятъ намъ, что это были за насилія? По жалобѣ полчанъ Пашковъ допрашивался какъ въ Глуховѣ, такъ и въ Коллегіи Иностранныхъ дѣлъ и показалъ, что стоящимъ на заставахъ офицерамъ онъ давалъ инструкціи о сборѣ на него съ проѣзжавшихъ купцовъ съ пароконнаго воза по 20, съ одноконнаго по 16 коп., а съ ярмовъ и меньше; одинъ москвитянинъ, купивъ въ Стародубѣ нѣсколько куфъ вина, уѣхалъ оставивши при немъ солдата. Когда послѣдній умеръ, Пашковъ велѣлъ отписать вино на ратушу, а затѣмъ взялъ на себя. Стародубскіе полчане жаловались кромѣ того на неправильные суды Пашкова, взятки, отниманіе мельницъ и грунтовъ. Докладывая обо всемъ этомъ Верховному Тайному Совѣту, Коллегія Иностранныхъ Дѣлъ говоритъ: «понеже Петръ I изволилъ въ Малой Россіи въ нѣкоторыхъ полкахъ полковникамъ изъ великороссійскихъ людей быть для того, чтобы они, по примѣрамъ прежнихъ тамошнихъ полковниковъ, не были и тѣмъ-бы народъ тамошній отъ чинимыхъ имъ отъ старшинъ тягостей, обидъ, грабительствъ, отнятіемъ грунтовъ, лѣсовъ, мельницъ, весьма былъ свободенъ, и судъ и расправу чинилъ правдою, безъ волокитно и безъ взятковъ, и безъ накладовъ. Ежели кто въ

---

[1]) Описаніе Старой Малороссіи т. I стр. 50.

томъ преступитъ и станетъ жить съ примѣра прежнихъ тамошнихъ полковниковъ, то и за одно малое преступленіе повиненъ казни; а довольство имъ, полковникамъ, велѣно имѣть съ полковыхъ маетностей». 11 января 1729 года Верховный Тайный Совѣтъ положилъ резолюцію, по которой у Пашкова были отобраны всѣ деревни и онъ отрѣшенъ отъ должности; все награбленное имъ должно быть возвращено прежнимъ владѣльцамъ [1]). Послѣ этой резолюціи слѣдствіе надъ Пашковымъ не было еще закончено. Оно продолжалось, и, вѣроятно, были открыты еще новыя злоупотребленія; но о нихъ намъ не говоритъ Протоколъ Верховнаго Тайнаго Совѣта...

Ник. Василенко.

А. Лотоцкій. *Народное образованіе въ Подоліи въ его прошломъ и настоящемъ* („*Образованіе*", *1899 г. апрѣль—іюнь, стр. 71—91, 29—53*).

Вопросъ о народномъ образованіи, какъ объ одной изъ наиболѣе существенныхъ нуждъ народныхъ, въ послѣднее время, вполнѣ естественно, пріобрѣтаетъ все большее и большее общественное значеніе. О немъ много пишутъ, еще больше говорятъ, но разрѣшеніе давно уже назрѣвшаго вопроса не подвигается впередъ, по крайней мѣрѣ въ желательной степени. Вполнѣ очевидно, что для того, чтобы поставить его на твердую почву, необходимо изученіе дѣйствительнаго положенія дѣла, необходимо болѣе близкое знакомство съ нимъ. Но именно въ этомъ случаѣ исторія и статистика народнаго образованія страдаютъ слишкомъ крупными пробѣлами, и мы съ тѣмъ большимъ удовольствіемъ готовы привѣтствовать каждую серьезную попытку разрѣшенія или освѣщенія той или иной части въ области народнаго образованія,—такова цитированная выше статья г. Лотоцкаго.

Авторъ послѣдней, задавшись цѣлью—разсмотрѣть состояніе школьнаго дѣла „въ одномъ изъ наиболѣе обиженныхъ, въ отношеніи изученія, уголковъ Россіи—въ Подольской губерніи", приступаетъ къ этому разсмотрѣнію съ указанія на дьячковскія школы въ прошломъ столѣтіи и раньше, на состояніе народнаго образо

---

[1]) Сб. Р. Ист. Общ. т. 94 стр. 22—24.

ванія подъ вліяніемъ крѣпостного права въ началѣ истекающаго нынѣ столѣтія (дѣятельность Чацкаго) и затѣмъ переходитъ къ болѣе подробному изложенію хода образованія со времени закрытія основанныхъ Чацкимъ школъ,—отдѣльно остановившись на исторіи развитія свѣтскихъ (министерскихъ) и церковныхъ школъ для народа, какъ учрежденныхъ независимо другъ отъ друга и существенно различавшихся между собою по самой организаціи.

Болѣе близкое разсмотрѣніе положенія какъ тѣхъ, такъ и другихъ заставило автора прійти къ печальнымъ выводамъ. Потребность въ образованіи глубоко сознавалась и сознается народомъ, но наличность народныхъ школъ не въ состояніи удовлетворить этой потребности народа (на 2.150.000 жителей, въ томъ числѣ 322.000 душъ дѣтей школьнаго возраста, въ настоящее время—министерскихъ 284, 2172 церковно-приходскихъ и 728 школъ грамотности; всего—одна школа на 25,4 кв. вер., на 1.485 душъ и на 200 дѣтей школьнаго возраста; внѣ школы остается 240.000 дѣтей школьнаго возраста, т. е. около 75%). Лучше обставленными въ матеріальномъ и педагогическомъ отношеніяхъ являются школы М. Н. Просвѣщенія, но школъ этихъ мало сравнительно съ общимъ количествомъ населенія и территоріальною обширностью губерніи (на одну такую школу приходится въ среднемъ до 10.000 душъ населенія, средній районъ ея равняется почти 150 верстамъ). Болѣе значительнымъ съ количественной стороны является церковный типъ школы. Но за то внутреннія качества школы этого типа ставятъ подъ большое сомнѣніе самый существенный вопросъ—объ успѣшности обученія въ ней: въ силу различныхъ отрицательныхъ условій, половина всего числа учащихся въ этой школѣ не обнаруживаетъ никакихъ успѣховъ и, вслѣдствіе этого, оставляется на повторительный курсъ въ тѣхъ же группахъ; но помимо всего, существующія школы не могутъ удовлетворять образовательнымъ потребностямъ народа даже со стороны количественной (одна школа на 200 дѣтей школьнаго возраста). Едва-ли можно надѣяться, чтобы всѣ эти дефекты въ народномъ образованіи могли быть поправлены при помощи скудныхъ бюджетовъ М. Н. Просвѣщенія и Епархіальнаго училищнаго совѣта. Остается лишь ожидать, что земство, введеніе котораго ожидается въ Юго-Западномъ краѣ, съ должнымъ вниманіемъ отнесется къ образовательнымъ нуждамъ мѣстнаго населенія и энергично возьмется за удовле-

твореніе насущнѣйшей его потребности—широкаго распространенія образованія.

В. Д.

Обзоръ журналовъ текущаго года.

Для настоящаго номера разсмотрѣны слѣдующіе журналы: 1) Русскій Архивъ, № 7; 2) Русская Старина, № 8; 3) Историческій Вѣстникъ, № 8; 4) Журналъ Министерства Народн. Просвѣщ., № 7 и 8; 5) Вѣстникъ Европы, № 8; 6) Русская Мысль, №№ 6, 7 и 8; 7) Научное Обозрѣніе, №№ 6, 7 и 8; 8) Кіевскія Университетскія Извѣстія, 7 и 8; 9) Варшавскія Университетскія Извѣстія, № 5; 10) Труды Кіевской Духовной Академіи, № 7 и 8; 11) Земскій Сборникъ Черниг. губ., № 5; 12) Книжки Восхода, № 7; 13) Ученыя Записки Императорскаго Казанскаго Университета, № 7—8; 14) Літературно-Науковий Вістник, № 8; 15) Ateneum, № 7—8; 16) Biblioteka Warszawska, № 7 и 8; 17) Przewodnik naukowy y literacki, № 7 и 8.

Русская Старина № 8.

Изъ записокъ Д. А. Кармазина (*1839—1857 г.*) Кармазинъ—уроженецъ Новороссіи; воспитывался въ Одессѣ, сначала въ уѣздномъ училищѣ, потомъ въ гимназіи и наконецъ въ лицеѣ. Во время обученія его въ гимназіи попечителемъ округа былъ назначенъ Н. И. Пироговъ, кратковременное правленіе котораго (1857—1858) показало въ немъ «не только великаго мыслителя и замѣчательнаго хирурга, но и выдающагося администратора и педагога.» Предоставивши лицеистамъ право имѣть „свою“ библіотеку, кассу и право сходокъ, Пироговъ являлся нерѣдко среди молодежи и напоминалъ, что предоставленіе извѣстныхъ правъ налагаетъ и обязанности, и что для студентовъ будетъ горькимъ упрекомъ, если предоставленныя имъ права будутъ отняты по ихъ винѣ. При новомъ подъемѣ духа среди молодежи зародилась добрая мысль о преобразованіи лицея въ университетъ, а помѣщеніе въ газетѣ «Nord» статьи объ освобожденіи крестьянъ вызвало въ молодежи пирушку съ восторженными тостами, которые «соглядатаями» записаны въ «государственное преступленіе». Гуманное вліяніе Пирогова и тутъ сказалось—исторія была забыта. Но скоро и Пироговъ оставилъ Одессу.

Историческій Вѣстникъ № 8.

М. А. Щепкинъ. Воспоминанія о М. С. Щепкинѣ (стр. 435—465). (Окончаніе слѣдуетъ).

Авторъ печатаетъ интересныя воспоминанія о своемъ дѣдѣ, знаменитомъ артистѣ, Михаилѣ Семеновичѣ Щепкинѣ, записанныя со словъ родителей и другихъ близкихъ родственниковъ; разсказываетъ между прочимъ о рѣдкой памяти М. С. Щепкина, знавшаго наизусть всего «Ревизора», «Тараса Бульбу», «Мцыри», «Кобзаря» Шевченка (стр. 444), объ участіи его въ малорусскихъ пьесахъ («Наталкѣ-Полтавкѣ, Москалѣ Чарівныкѣ»), о болѣзни его и смерти. (9 августа 1863 г.)

Баронъ Н. В. Дризенъ. Очеркъ театральной цензуры двухъ эпохъ (1801—1856 гг.) (стр. 556—585).

Авторъ сообщаетъ новые, любопытные матеріалы по исторіи русской цензуры въ Александровскую и Николаевскую эпоху. Матеріалы ярко обрисовываютъ положеніе театральнаго дѣла, между прочимъ и въ Малороссіи.

Въ отдѣлѣ «Критика и библіографія» (стр. 712) данъ отзывъ о книгѣ *А. В. Стороженка* «Очерки Переяславской старины. Изслѣдованія, документы и замѣтки». Кіевъ, 1900 г.

—

Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія № 7 и 8.

Н. В. Шляковъ. О поученіи Владиміра Мономаха. (Окончаніе) (№ 7, стр. 1—21). Опредѣливъ въ прежнихъ главахъ время написанія Поученія, авторъ теперь останавливается на опредѣленіи мѣста, гдѣ Владиміръ Мономахъ писалъ его. Мѣсто это устанавливается имъ въ Угличѣ, раньше именовавшемся погостъ Волга, неподалеку отъ Ростова. Въ заключеніи этой статьи даны итоги главныхъ положеній автора, изъ которыхъ важнѣйшее: *написано Поученіе въ 1106 году 8—10 февраля на погостъ Волга.*

Въ отдѣлѣ *библіографіи* помѣщенъ *С. Пташицкимъ* обстоятельный разборъ «Палеографическаго сборника, издан. кіевской коммиссіей для разбора древнихъ актовъ; вып. 1-й». (№ 8, стр. 385—398). Тамъ-же данъ краткій отзывъ о книгѣ *А. В. Стороженка* «Очерки Переяславской старины». (стр. 411—412).

—

Вѣстникъ Европы № 8.

Ѳ. Воропоновъ. Крестьянская реформа въ юго-западномъ краѣ. (По личнымъ воспоминаніямъ). Въ этой прекрасной статьѣ авторъ, лично принимавшій дѣятельное участіе въ крестьянской реформѣ въ юго-западномъ краѣ, замѣчательно живо и просто разъясняетъ сущность осложненій, которыя явились въ крестьянскомъ дѣлѣ для нашего края. Чтобы понятнѣе были дальнѣйшія затрудненія при введеніи реформы, онъ кратко, но вполнѣ удобопонятно, знакомитъ читателя съ основнымъ положеніемъ такъ называемыхъ «Бибиковскихъ инвентарей», а затѣмъ отмѣчаетъ характерныя особенности въ дѣятельности по крестьянскому вопросу трехъ губернскихъ комитетовъ юго-западнаго края и кіевской общей коммиссіи для обсужденія способовъ крестьянскаго устройства по всѣмъ тремъ губерніямъ. Далѣе авторъ разсматриваетъ моментъ приведенія въ дѣйствіе крестьянскихъ положеній въ тотъ первый періодъ, когда это дѣло находилось въ рукахъ мировыхъ посредниковъ изъ мѣстныхъ помѣщиковъ, и отмѣчаетъ факты неудобствъ, вытекавшихъ изъ этого. (Стр. 754—804).

Въ *Литературномъ Обозрѣніи* данъ отзывъ о слѣдующихъ книгахъ: 1) *П. Житецкаго.* «Энеида и древнѣйшій списокъ ея, въ связи съ обзоромъ малорусской литературы XVIII вѣка»; 2) «Викъ» (1798—1898 гг.); 3) *В. Антоновича.* «Къ вопросу о галицко-русской литературѣ». (По поводу статьи проф. Т. Д. Флоринскаго).

—

Русская Мысль № 6, 7 и 8.

Въ отдѣлѣ библіографическомъ данъ отзывъ о журналѣ «Кіевская Старина», 1900 г. №№ 1—6 (№ 8-й, стр. 321—323).

—

Кіевскія Университетскія Извѣстія №№ 7 и 8.

М. В. Довнаръ-Запольскій. Государственное хозяйство Литовской Руси при Ягеллонахъ (№ 7, стр. 1—88). Напечатана пока 1-я глава, составляющая введеніе и выясняющая классификацію средствъ, шедшихъ на удовлетвореніе потребностей государства, а также тѣ условія, при которыхъ возникли извѣстные источники доходовъ. На выясненіи этого послѣдняго авторъ останавливается болѣе подробно, опредѣляя, что какъ самое происхожденіе Литовскаго государства, такъ и различіе въ этнографическомъ составѣ его населенія имѣли вліяніе на установленіе извѣстной системы государственнаго хозяйства.

—

Варшавскія Университетскія Извѣстія № 5.

Очеркъ славянской кирилловской палеографіи. Изъ лекцій проф. *Е. Ѳ. Карскаго.* (Продолженіе). Окончивъ обзоръ начертанія кирилловскихъ буквъ, авторъ останавливается на слѣдахъ глаголическихъ начертаній въ рукописяхъ кирилловскаго письма, на обозначеніи числовыхъ величинъ, на обозначеніи лѣтоисчисленія, на знакахъ препинанія, на знакахъ надстрочныхъ и на нотныхъ знакахъ. Далѣе слѣдуетъ разсмотрѣніе порядка письма, т. е. *внѣшняго вида записанной страницы*, главнымъ-же образомъ—характеръ сплошного письма и вязи (№ 5-й, стр. 217—248).

—

Труды Кіевской Духовной Академіи № 7 и 8.

А. Бѣлородскій. Кіевскій митрополитъ Іероѳей Малицкій (1796—1799 гг.), (№ 8-й, стр. 569—616). (Продолженіе слѣдуетъ).

Біографія Іероѳея Малицкаго до вступленія его на каѳедру Кіевской митрополіи (включительно). Дѣятельность митрополита (церковное благоустройство). Устройство правильной организаціи въ системѣ епархіальнаго управленія.

—

Земскій Сборникъ Черниговской губерніи № 5.

Добровольскій П. М. Старинные украинскіе тракты. Авторъ на основаніи «Любопытнаго мѣсяцеслова на 1775-й годъ» перечисляетъ всѣ украинскіе тракты, причемъ въ этомъ перечисленіи обращаетъ на себя вниманіе то обстоятельство, что всѣ тракты въ районѣ собственно Черниговской земли имѣютъ направленіе отъ Глухова, какъ малороссійскаго центра.

Василенко Н. П. Генеральное слѣдствіе о маетностяхъ Нѣжинскаго полка. (Продолженіе).

—

Літературно-Науковий Вістник № 8.

Наш альбом: І. Перезва, В. Залізняка, П. Поезия в прозі, Гната Хоткевича, Ш. Еврейські мельодні, Лесі Українки, IV. Із поэзий Осипа Дорохольського, V. Із наддунайських мельодий, Сильвестра Яричевського. (Стр. 121—127).

Із малюнків Одарки Романової: І. Віковічня крішачка, П. Баба Марина. (Стр. 128—143).

На заводі, нарис Ів. Стешенка (III—IV), стр. 144—163.

Перехресні стежки, повість І. Франка (XXXIII—XXXVII), стр. 164—189.

Оповіданя Івана Липи. І. Прохожалий. (Стр. 190—211).

Челкаш, оповіданіе М. Горкого (I—III). (Стр. 212—247).

Із французьких поетів. І. Із Манюеля, переклав Павло Грабовський. (Стр. 248).

Стефан Ковалів, написав Осип Маковей. (Стр. 81—91).

Біографическій очеркъ съ критической оцѣнкой литературной дѣятельности Стефана Коваліва.

Народний театр, Б. Гринченка (далі). (Стр. 92—104).

Объ общенародности театра, о формахъ и обработкѣ, необходимой въ лучшихъ произведеніяхъ народнаго театра, о сюжетахъ драмъ народнаго театра, о требованіяхъ отъ народныхъ драмъ.

З росийськои Украіни. Новини нашоі штуки, написав Гнат Хоткевич. (Стр. 105—122).

Обширный обстоятельный разборъ художественнаго альбома, изданнаго А. Марксомъ,—«Изъ Украинской Старины».

Евген Борисів, посмертні згадки,—М. Комара і Ів. Франка (стр. 123—128). Обширный некрологъ, посвященный этому безвременно угасшему дѣятелю на народной нивѣ.

Хроніка і бібліографія. (Стр. 129—144).

—

Przewodnik naukowy i literacki, №№ 7 и 8.

№ 7. Fr. Rawita-Gawroński. Uposażenie duchoweństwa rzymsko-katolickiego na kresach ukrainnych w końcu XVIII w. (Продолженіе). (Стр. 675—682).

Авторъ продолжаетъ разсматривать даренія и легаты, а затѣмъ экономическія условія селъ, бывшихъ во владѣніи духовенства: Чорнобыль, Хабне, Иваньковъ, Макаровъ.

I. Horosskiewicz. Pamiętnik o stroju narodowym w Rzeczypospolitej polskiej. (Продолженіе). (Стр. 724—730).

Исторія пояса; различіе поясовъ съ точки зрѣнія матеріи, формы и способа ношенія. Исторія сабли; нововведеніе въ XIII в. въ видѣ кривой сабли. Весь костюмъ.

№ 8. Fr. Rawita-Gawroński. Uposażenie duchoweństwa rzymsko-katolickiego na kresach ukrainnych w końcu XVIII w. (Окончаніе). (Стр. 788—798).

Матеріальное обезпеченіе р.-катол. духовенства въ м. Коростышевѣ, Ржищевѣ, Фастовѣ, Паволочи, Билыловкѣ, Умани.

I. Horoszkiewicz. Pamiętnik o stroju narodowym w Rzeczypospolitej polskiej. (Окончаніе). (Стр. 837—842).

Уборы, возникшіе послѣ четырехлѣтняго сейма: «czamara», «kapota», а также простонародные: сукманы или свиты (бѣлыя и черныя на Руси); свитки или гуни, бурки, которыя впервые явились въ Украйнѣ и затѣмъ уже отсюда распространились и на Польшу; опанча.

Извѣстія о новыхъ книгахъ и журнальныхъ статьяхъ.

Въ № 162 газ. «Кубанскія Областныя Вѣдомости» помѣщенъ разборъ новой драмы сочин. Барвинка «Жертва», игранной въ іюлѣ мѣс. въ Екатеринославѣ, сюжетъ которой заимствованъ изъ поэмы Т. Г. Шевченка: «Гайдамаки». По сообщенію газеты, драма не выдерживаетъ самой снисходительной критики, являясь произведеніемъ прямо уродливымъ: гайдамаки только и дѣлаютъ, что пьютъ «горилку» или «отдираютъ трепака»; Гонта представленъ фанатикомъ-изувѣромъ; Оксана принуждена умереть въ 4-мъ актѣ, хотя смерть эта къ ходу драмы не имѣетъ никакого отношенія.

—

Въ № 16 «Кіевскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей» помѣщена интересная статья свящ. А. Недѣльскаго: — *«Кіево-Софіевское училище по воспоминаніямъ 1847—1853 г.*

Авторъ вспоминаетъ время своего пребыванія въ Софіевской бурсѣ, живописно рисуетъ порядки, существовавшіе тогда въ этомъ училищѣ, тождественные во всѣхъ духовныхъ училищахъ того времени, съ голоданіемъ, сѣченіемъ, аудиторами и т. п. атрибутами.

Воспоминанія читаются съ большимъ интересомъ.

—

Въ № 138 «Полтавскихъ Губернскихъ Вѣдомостей» помѣщена статья М. Діонисьева подъ загл. *«Изъ мѣстной старины»*.

Авторъ, на основаніи записи, занесенной въ древнюю церковную опись градской Харьковской Николаевской церкви, пополняетъ фактами описаніе путешествія константинопольскаго патріарха Афанасія

черезъ Украину—въ Москву (около 1654 года). Попутно авторъ останавливается на изложеніи нѣкоторыхъ любопытныхъ свѣдѣній объ упомянутой Николаевской церкви.

—

Въ № 172 газ. «Волынь» помѣщена статья А. О—каго «Мстиславовъ храмъ въ г. Владимірѣ-Волынскѣ».

Авторъ даетъ историческую справку о времени основанія храма, о его первоначальной архитектурѣ, говоритъ о состояніи его послѣ Брестской уніи до конца прошлаго столѣтія. Въ заключеніи вкратцѣ разсказываетъ объ исторіи реставраціи храма въ концѣ истекающаго столѣтія.

—

Въ № 915 газ. «Приднѣпровскій край» помѣщена статья А. Л. «*Маркъ Лукичъ Кропивницкій*», въ которой послѣднему воздаются похвалы, какъ виновнику необычайнаго расцвѣта малорусской сцены за послѣдніе годы, въ особенности въ 80—тые. Остановившись на исторической заслугѣ М. Л. Кропивницкаго, авторъ воздаетъ затѣмъ должное таланту его, какъ артиста-художника.

—

Въ «Подольскихъ Губернск. Вѣдомостяхъ» продолжается печатаніемъ обширный трудъ г. Гульдмана «*Памятники старины въ Подоліи*». Глава XIV. «Фигуры» (придорожные кресты, столбы, статуи и т. п.); гл. XV. Церковныя древности (храмы, монастыри и иконы).

—

Въ послѣднихъ № № «Gazet'ы Lwowsk'ой» помѣщается цѣлый рядъ писемъ Стефана Витвицкаго къ Богдану Залескому. Въ одномъ изъ такихъ писемъ, а именно отъ 11 сентября 1839 г. (№ газеты 190) изъ Парижа, Витвицкій по адресу польско-украинской литературной школы выражается слѣдующимъ образомъ: «Украинская дичь производитъ, какъ вижу, нешуточные наѣзды на нашу литературу; Грабовскій, не удовольствовавшись тремя своими томами о «Krytyce i literaturze», предпринялъ, какъ слышу, романъ въ 4-хъ томахъ о какомъ-то *Гуляйполѣ*. Сумасшедшій шляхтичъ!».

—

Въ № 176 «Полтавскихъ Губернскихъ Вѣдомостей» помѣщена большая «библіографическая замѣтка» А. Д—скаго о сборникѣ «Викъ (1798—1898)».

Давая въ общемъ сочувственный отзывъ объ упомянутой книгѣ, авторъ высказываетъ между прочимъ нѣкоторыя сужденія, съ которыми трудно согласиться; такъ напр., авторъ предлагаетъ «редактирующимъ разные сборники на украинскомъ языкѣ» избѣгать словъ «съ неславянскими корнями» (!): «къ чему такія слова какъ *«друкарня»* и редаще (?) (очев.—редагуе). На замѣчаніе автора о желательности внесенія въ сборникъ не только однихъ стихотвореній, но и другого рода литературныхъ произведеній, написанныхъ въ теченіе указаннаго періода, можно отвѣтить, что это недопустимо хотя бы уже самимъ объемомъ книги, содержащей и такъ до 500 страницъ. Что же касается идеи изданія въ видѣ сборника и другихъ родовъ лучшихъ литературныхъ произведеній, то, какъ намъ достовѣрно извѣстно, таковое изданіе предполагается осуществить въ недалекомъ будущемъ, а именно: отдѣльный томъ (или даже два) прозаической художественной литературы, отдѣльный томъ драматической и отдѣльный томъ музыкальныхъ произведеній.

—

Во Львовѣ вышла «Księga pamiątkowa Uniwersitetu lwowskiego», изданная ко дню 500-лѣтняго юбилея основанія ягеллонскаго университета. Эта памятная книжка, въ нѣсколько десятковъ печатныхъ листовъ, состоитъ изъ весьма цѣнныхъ изслѣдованій и работъ профессоровъ львовскаго университета и др. польскихъ ученыхъ. Среди другихъ, отмѣтимъ статьи Ал. Колессы—«Ukraińska rytmika ludowa w poezyach Bohdana Zaleskiego«, Tadeusza Pilata «Przyrost wewnętrzny ludności Galicyi w latach 1874—1898».

—

Малорусскія пьесы, дозволенныя драматическою цензурою къ представленію по 1 мая 1900 года:

1. *Дочь запорожца XVII в.* Малорусская мелодрама въ 5 дѣйствіяхъ. Соч. Николая Мартыновича Качинскаго (сюжетъ заимствованъ).

2. *Повишеный.* Водевиль у одній діи зъ спивамы. Сочиненіе А. Н. Десятинникова-Васильева (Василенко).

3. *Тетушка изъ Глухова.* Музыкальное попури въ 2-хъ дѣйствіяхъ. Соч. Д. А. Мансфельда.

По 1 іюня 1900 г.

1. *Панъ Штукаревичъ, або оказія, якои не бувало.* Сельськи сцены въ 2-хъ діяхъ и 4 одминахъ. Зъ спивамы. Соч. С. Е. Зиневича (По печатному изданію. Каменецъ-Подольскъ, 1900).

2. *Галька, або хата въ лиси.* Драматычни картыны въ 4 діяхъ, зъ писнямы, танцямы и народными сценами. Сочиненіе З. И. Фигнера (Бурлаченка).

3. *Маруся, Кочубей и Мазепа.* Малороссійская драма въ 5 дѣйствіяхъ и 6 картинахъ временъ гетманщины, съ пѣніемъ и танцами. Соч. А. Н. Десятинникова-Васильева (Василенко).

4. *Пажъ Мазепы.* Драма у 5 діяхъ и 7 картынахъ. Перероблено зъ южно-словацького Катерыною Гай-Сагайдачною та К. А. Туркевичемъ.

5. *Панъ Халявскій.* Комедія-фарсъ въ 4 дѣйствіяхъ, сочинен. А. Т. Грабины.

6. *У черкеській неволи.* Драма изъ Кубанського и черкеського побуту, зъ спивамы и танцямы въ 4 діяхъ. Сочин. А. Н. Десятинникова-Васильева (Василенко).

По 15 іюня 1900 г.

На Зеленый Клынъ. Комедія въ 5 діяхъ—Л. Яновской.

(«Правительств. Вѣстникъ, №№ 122, 138).

Списокъ вновь вышедшихъ книгъ.

Авдикович Орест. Метелики. Львів, 1900. Накладом А. Хойнацкого, стр. 1—80.

Авдикович Орест. Нетлї. Львів, 1900. Накладом А. Хойнацкого З друк. В. А. Шийковского. Ст. 150, in 16, ціна 2 кор. Зміст: Хмари, До місяця, Перший снїг, Нерви, Ялинка, Requiescat, Марево, Акорди, Хрести, Nocturno.

Алфавитные списки драматическихъ произведеній, разрѣшенныхъ къ представленію на народныхъ театрахъ. Изд. состоящаго подъ Августѣйшимъ покровительствомъ Е. И. В. Государя Императора Русскаго театральнаго Общества. С.-Пбр. 1899, тип. А. Лейферта, in 8°, 1—44. Ц. 20 коп.

Безшляхъ Г. (Пущанській-Крывый). Не любо— не слухай, брехать не мишай. Фантазія югового руського народу. Выдане 2, выправл. и доповнене. Николаевъ, 1899. Тип. А. Шнейдера, in 16°, 39 стр.

Бертенсонъ. В. А. «По югу Россіи». Сельско-хозяйственные очерки, наблюденія и замѣтки. Выпускъ. III., in 8°, стр. 1—116. Одесса, 1900 г. ц. 60 коп.

Бібліотека «Молодои Украіни». Книжка II. Вернер Сомбарт: Соціялізм і соціяльний рух у XIX століті. Переклав Льонгин Цегельский. У Львові. Накладом українськоі молодіжи. «Друкарня Уділова». 1900, ст. 197, in 16°. Ціна 1 кор. 40 сот.

Борисякъ. А. Геологическія изслѣдованія въ зап. части Изюмскаго у. Харьковской губерніи (Отд. отт. изъ т. XVIII «Извѣст. Геологич. Комитета»). Спбр. 1899, in 8°, стр. 139—250. Ц. 15 к.

Викъ. Збирныкъ найкращыхъ поэзій украинськыхъ (1798—1898). Кыивъ, 1900. Друкарня С. В. Кульженко, in 4°, 1—464+1—IX. Ц. 2 р., на велен. пап.—3 р., слонов.—4 р.

Вовчокъ Марко. Оповидання: 1) Максымъ Грымачъ, 2) Выкупъ, 3) Данило Гурчъ. Изданіе Кіевскаго Общества Грамотности. Кіевъ, 1900, in 16°, 1—32. Ц. 4 к.

Вовчокъ Марко. Оповидання: 1) Свекруха, 2) Отець Андрій. Изданіе Кіевскаго Общества Грамотности. Кіевъ, 1900, in 16°, 1—14. Ц. 2 коп.

Видане Р. У. П. Ч. 2. Дядько Дмитро. Оповидання. Ціна 30 сот. Львів, 1900. Видае Е. Косевич з «Друкарні Уділовоі». Ст. 35, in 16

Домашний писар, збірка примірів, як укладаты ріжні письма: I. Родинні листи, II. Ділові письма, III. Приватні грамоти, IV. Урядові подання. Видав Др. Теодот Галіп. Власним накладом. Чернівці, 1900. З друк. «Руськоі Ради». Ст. 147, 8°. Ціна 1 кор. 60 сот.

Зиневичъ. Панъ Штукаревичъ, або оказія, якои не бувало. Сельськи сцены въ 2-хъ діяхъ и 4-хъ одминахъ зо спивамы. Каменецъ-Подольскъ, 1900, 1—52, in 8°. Ц. 50 коп.

Ібзен Генрих. Як ми мертві воскреснемо. Драматичний епільогъ у 3-х актах. Переклав Антін Крушельницкий. Львів, 1900. Накладом Товариства «Академична Громада».

Катерина. Опера у трехъ діяхъ. Музыка Н. Аркаса, либретто по Т. Г. Шевченку. Склавъ Н. Аркасъ. Николаевъ, 1900. Цина 3 р. 50 к. Стр. 137, in 8°.

Кіевъ и его святыни. I. Жизнь преп. Антонія и Ѳеодосія Печерскихъ. II. Кіево-Печерская Лавра съ ея святынями и драгоцѣнностями. III. Пещеры Кіево-Печерскія Лавры и украшенія ихъ церквей, IV. Достопримѣчательности г. Кіева. Изд. 4-ое. Москва, 1899. Тип. Полякова, in 8⁰., 1—111.

Kolessa Alexander. Ukraińska rytmika ludowa w poezyach Bohdana Zaleskiego. Lwow, 1900. Nakladem autora. Стр. 1—78, in 4⁰ (Оттискъ изъ Памятн. книги, изданной львовскимъ университетомъ въ честь 500-лѣтняго юбилея краковскаго университета).

Коробка, Н. И. Весенняя игра-пѣсня «Воротаръ» и пѣсни о князѣ Романѣ. Спб. 1899. Тип. Имп. Акад. Наукъ, in 8⁰, 1—52 (Отд. отт. изъ «Извѣст. Отд. рус. яз. и Словес. Им. Акад. Наукъ, т. IV, кн. 2).

Краткій каталогъ малорусскихъ книгъ, имѣющихся въ книжной торговлѣ редакціи журнала «Кіевская Старина», Кіевъ, 1900, 1—8, въ два столбца) (Безплатно).

Кулишъ, П. О. Оповидання. Зъ переднимъ словомъ М. Чернявського. Бахмутъ, 1900, 1—159+I—VIII, in 16⁰. Печатня М. Крамарева. Цина 40 коп. Содержаніе: Передне слово (I—VIII), Орыся (1—3), Сичови гости (14—34), Гордовыта пара (35—47), Дивоче серце (48—75), Сира кобыла (76—81), Пивпивныка (82—88), Цыганъ (89—93), Лысты зъ хутора (I—V) (94—149).

Кулишъ П. О. Чорна рада. Хроника 1663 року. Выдане друге. (Зъ портретомъ автора). Одесса, типогр. Е. И. Фесенко, 1900, in 8⁰, 1—249+III (словарь). Ц. 50 к.

Левицкій Костъ. Новий закон для селян, поменьших міст і місточок. В додатку: *Франко Іван.* Старорускі оповіданя. Видане Товариства «Просвіта».

Мешко Франц. Драма на селі. Повість. З словинського переклавъ Ілько Кузів. Львів, 1900. Ц. 10 сотиків.

Народный календарь для южной Россіи на 1900 годъ (Годъ 36-й) Изд. И. Федорова. Одесса, 1899. тип. Л. Нитче, in 4⁰, 1—57.

Неврозовъ А. Иванъ Степановичъ Мазепа, малороссійскій Гетманъ. Историческая повѣсть. Изд. книгопродавца Т. Губанова. Кіевъ, 1899. Тип. Н. Чоколова, in 16⁰, 108 стр. Ц. 5 к.

П—кій. За батьковскій грѣхъ. Повѣсть изъ украинскихъ преданій. Изд. книгопрод. Т. Губанова. Москва, 1899, тип. П. Булгакова, in 16⁰, стр. 1—108. Ц. 15 к.

Перебендя. Острожниця і К. Зорян. Хто винен. Львів, 1900. Накладом А. Хойнацкого. З друкарни В. А. Шийковского.

Розвідки Михайла Драгоманова про українську народню словесність и письменство, том II. (Збірник фільольогічної секціні Наук. Тов. ім. Шевченка, т. III). У Львові 1900. стр. 238. Зміст: 1) Байка Богдана Хмельницького. 2) Українські пісні про волю селян. 3) Два українські «фабльо» та їх джерела, нарис із історії загальної порівняної літератури. 4) Шолудивий Буняка в українських народніх оповіданях. 5) До оповідань про Шолудивого Буняку. 6) Українські народні оповідання у французькій мові. 7) Іще про укр. нар. оповідання у французькій мові. 8) Фатальна вдова, карно-псіхольогічна тема в укр. нар. пісьні 9) Псоване українських нар. пісень. 10) Покажчик до тт. I и II.

Сборникъ лучшихъ новыхъ сценъ, разсказовъ и анекдотовъ изъ русскаго, еврейскаго, малорусскаго, цыганскаго и нѣмецкаго быта лучшихъ авторовъ. Изд. книготор. Е. Губанова, Москва, 1899, in 16°, стр. 1—104+IV. Ц. 15 коп.

Собко Н. П. Словарь русскихъ художниковъ-ваятелей, живописцевъ, зодчихъ, рисовальщиковъ, граверовъ, литографовъ, медальеровъ и пр. съ древнѣйшихъ временъ до нашихъ дней (XI—XIX вв.). Составл. на основаніи лѣтописей, актовъ, архивн. документовъ, автобіогр. замѣтокъ и печатныхъ матеріаловъ (съ 1867 по 1892 г. включит.) Томъ III, вып. 1 (700 именъ) Спб. 1899. Тип. М. Стасюлевича, in 4°, 1—508 столб. Ц. 3 р.

Сперанскій М. Южнорусскіе тексты апокрифич. евангелія св. Луки. Кіевъ, 1899, тип. Унив. св. Владимїра, in 8°, стр. 1—22.

Справоздане діреккиі Ц. К. академічної гімназиі у Львов за рік шкільний 1899—1900. У Львові, 1900. З друкарні Наук. Тов. ім. Шевченка. Стр. XXI+57. Зміст: 1) *Іллл Кокорудз.* Ягайлонський університет, его засновок, розвиток і значіне; 2) Урядова часть.

Стороженко А. В. Очерки Переяславской старины. Изслѣдованія, документы и замѣтки. Кіевъ, 1900, 235 стр.

Сужденіе православнаго галичанина о реформѣ церковнаго управленія проэктируемой русскими либералами нашего времени. Харьк., типографія губернск. правленія, 1899.

Сумцовъ Н. Ѳ. Къ исторіи изданій малорусскихъ историческихъ пѣсенъ. Спб. 1899. Тип. Акад. Наук., in 8°, стр. 15.

Толстой Лев. Два старці. З великоруського перівів М. Павлик. Виданне «Народної бібліотеки М. Яцкова і С—ки», ч. 3. Ц. 20 сот.

Трушъ К. А. О духовныхъ завѣщаніяхъ древнерусскихъ князей. Москва, 1899. Тип. Университета, in 8°, 1—8.

Флоринскій Т. Д. «Зарубежная Русь и ея горькая доля». Кіевъ, 1900. Ц. 25 коп.

Франко Іван. Із днів журби. Поезиі. Львів, 1900. З друкарні В. Шийковского. Накладом автора. 127 стр., in 8°. Ціна 2 кор. Зміст: Із днів журби (I—XII), Споминн (I—XII); В плен-ері (I—X); Іван Вишенський, поема; на Святоюрській горі д. 30 жовтня 1655—поема.

Хвиля за хвилею. Вирши и проза (Альманахъ). Выдавъ Б. Гринченко. У Чернигови, 1900, стр. 1—343, in 8°. Цпна 1 р. Змистъ: 1) *Бордулякъ.* Перший разъ. Оповидання; *Гринченко.* Съ поезій, I—IV и Середъ бури. Драма; *Днипрова Чайка.* Морськи малюнкы; *Зинькивськый.* Кудою йты. Рпздвяна повистка; *Коцюбынськый.* За для загального добра. Оповидання; *Крымськый.* Самотою на чужыни,—вирши; *Маковей.* Вуйко Дорко. Оповидання; *Самійленко.* Съ поезій, I—III и Драма безъ горилкы,—жартъ; *Франко.* Съ поезій, I—IV и Лесышына челядь. Оповидання.

Хроника Наукового Товариства імени Шевченка у Львові. 1900, січень—цьвітень. Ч. 2. З друк. Наук. Тов. ім. Шевч. Ст. 30 вел. 8°. Зміст: Загальні збори. Засідання Виділу. Засідання секций.

Ц..... батько, О. Стародавня Украина въ драматычныхъ справахъ: VII. Злыгодни. VIII. За булаву. Одесса, 1899, тип. акціон. юж.-рус. Общества печ. дѣла, in 4°, 104+106. (Литографированное).

Чернявськый В. Пантелеймонъ Олександровычъ Кулишъ и його оповидання (съ портретомъ). (Оттискъ изъ «Оповидання М. О. Кулиша»). Бэхмутъ, печатня М. М. Крамарева, 1900, I—VIII.

Ясинскій Евгеній. Кара божа. Оповидання. Луцкъ, 1899, 1—19, in 16°. Ц. 12 коп.

Ясковичъ Г. Псалма (Изъ псалма). Полтава, 1900, тип. Д. Подземскаго, стр. 1—4.

Ясковичъ Г. Швець (изъ казкы). Полтава, 1899, стр. 1—15. Цѣна 5 коп.

Археологическая лѣтопись.

Собираніе свѣдѣній о памятникахъ украинской старины.

Нижеслѣдующія строки написаны подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ только что совершенной экскурсіи, къ сожалѣнію очень кратковременной, порученной мнѣ Импер. Московскимъ Археологич. Обществомъ. Читатели «Лѣтописи» знакомы съ ходомъ этого дѣла, всѣмъ очевидна своевременность возбужденія этого вопроса, но очевидны также и трудности, съ которыми приходится считаться. Прежде всего отсутствуютъ данныя, которыми можно руководиться при избраніи того или другого пути экскурсіи; если-же такія данныя и существуютъ о нѣкоторыхъ памятникахъ старины, то они такъ разбросаны, что первая задача—составить имъ болѣе или менѣе систематическіе своды. Этотъ послѣдній пунктъ, какъ извѣстно, и вошелъ въ программу дѣятельности коммиссіи, образованной при Обществѣ Нестора Лѣтописца, это-же отсутствіе данныхъ и было поводомъ отказа большинства лицъ, предполагавшихъ отправиться въ экскурсіи въ настоящемъ году, отъ совершенія таковыхъ до слѣдующаго лѣта. Смущала затѣмъ и обширность задачи—на долю каждаго изъ экскурсантовъ приходилось по нѣсколько уѣздовъ, свободнаго-же времени было maximum два мѣсяца—при выполненіи цѣлей экскурсіи въ полномъ видѣ, куда входятъ не только замѣтки о видѣнномъ, но и подробное описаніе предметовъ, обмѣры памятниковъ зодчества, нанесеніе ихъ на планы, фотографированіе и т. п.—хотя-бы и въ теченіе двухъ мѣсяцевъ многаго не сдѣлаешь. Несомнѣнно, что на собираніе свѣдѣній, сводку ихъ, на экскурсіи для систематическаго и полнаго знакомства съ памятниками старины на мѣстѣ потребуется не одинъ годъ работы.

Наша экскурсія имѣла лишь пробный характеръ,—это былъ опытъ для дальнѣйшихъ изслѣдованій. Осмотрѣно нѣсколько мѣстностей по прибрежной полосѣ въ южной части Кіевскаго у. и въ уу. Каневскомъ и Черкасскомъ. Осмотрѣны исключительно лишь церкви, такъ какъ другихъ памятниковъ зодчества въ данныхъ мѣстностяхъ не было. Пункты остановокъ выбраны отчасти на основаніи «Сказаній о населенныхъ мѣстностяхъ Кіевской губерніи» Л. Похилевича, отчасти на основаніи очень немногочисленныхъ, имѣвшихся для Кіевской губерніи, «Метрикъ» Академіи Художествъ 1887 г. Свѣдѣнія, помѣщенныя какъ въ тѣхъ, такъ и въ другихъ, очень неполны, руководствоваться лишь ими нельзя. Вотъ примѣръ: с. Жуковцы, Кіевск. у. «Метрики» для него нѣтъ, въ «Сказаніяхъ» Похилевича, въ четырехъ строчкахъ, сообщается лишь о числѣ населенія и о томъ, что въ этомъ селѣ существовала церковь еще въ XVI. Между тѣмъ, въ теперешней церкви, построенной въ началѣ настоящаго столѣтія, находится грандіозный рѣзной иконостасъ съ превосходными образцами иконописи XVIII в., перенесенный сюда изъ какой-то кіевской церкви. Такимъ образомъ, для полной регистраціи памятниковъ необходимы разъѣзды и разспросы на мѣстѣ. Въ вышеприведенномъ примѣрѣ дѣло идетъ о цѣломъ иконостасѣ,—что-же говорить объ отдѣльныхъ иконахъ и другихъ предметахъ церковной утвари, облаченій? Ихъ никто не знаетъ, не интересуется ими и они преспокойно валяются гдѣ-нибудь въ коморахъ, сжигаются, обмѣниваются, продаются...

Въ посѣщенныхъ мной селахъ и мѣстечкахъ, гдѣ еще существуютъ церкви (деревянныя) старой постройки,—всѣ они такъ или иначе передѣланы въ послѣдующее время, главнымъ образомъ пристройкой боковыхъ придѣловъ и колоколенъ. Конечно, нечего было и думать встрѣтить въ данномъ раіонѣ церкви XVII в., нѣтъ уже и церквей начала прошлаго столѣтія, рѣдки—середины, чаще встрѣчаются—конца XVIII в; обычный типъ церквей—въ формѣ корабля, съ тремя куполами. Съ каждымъ годомъ старыя церкви разбираются, на ихъ мѣста ставятся новыя, при этомъ отъ старыхъ не остается и слѣда, хотя бы въ видѣ рисунковъ или фотографій внѣшняго вида и плановъ. Въ одномъ селѣ мнѣ какъ-то посчастливилось захватить тотъ моментъ, когда рядомъ съ новой церковью самой шаблонной архитектуры еще стояла крошечная, старая трехкупольная, постройки середины прошлаго вѣка, предназначенная къ продажѣ на сносъ,—

только благодаря этому случаю можно было снять съ нея фотографію и обмѣрить—въ сотняхъ-же другихъ случаевъ церкви, почти единственные у насъ остатки стариннаго зодчества, исчезаютъ безслѣдно.

Не лучше, если не хуже, обстоитъ дѣло съ иконостасами. Почти во всѣхъ осмотрѣнныхъ мною церквяхъ старинные иконостасы замѣнены новыми, старые же или совсѣмъ уничтожены, или жалкіе, изломанные остатки ихъ валяются на колокольняхъ. Старинная рѣзьба иконостасовъ, носящая характерные признаки эпохи, отличавшаяся зачастую вкусомъ и выдержкой стиля, требовавшая для выполненія затраты большого труда, пошла на дрова. Иконы изъ иконостаса, если замѣняются новыми,—или разбираются прихожанами, или подвергаются той-же участи, что и рѣзьба; если-же переходятъ въ новый иконостасъ, то безбожно уродуются новѣйшей «реставраціей». Напримѣръ, одна большая икона изъ церкви с. Жуковецъ, объ иконостасѣ который мы упомянули выше, икона, бывшая такой-же хорошей кисти какъ и остальныя, къ счастью еще не обновленныя, попала въ одну изъ сосѣднихъ церквей, такъ какъ въ жуковецкую церковь весь иконостасъ не вмѣщался; здѣсь какіе-то маляры изъ м. Обухова привели ее въ неузнаваемый видъ, и такъ повсюду.

Старинная церковная утварь исчезаетъ еще съ большей легкостью. Во время поѣздокъ то и дѣло приходилось слышать, что раньше и то, и то было въ церкви, кое-гдѣ удавалось найти старую опись церковнаго имущества, причемъ оказывалось, что почти ничего изъ помѣщеннаго въ описи въ настоящее время нѣтъ, удавалось узнавать и тѣ пути, по которымъ разошлись предметы. Большинство ихъ уничтожено (главнымъ образомъ сожжено) за ненадобностью, часть пошла въ обмѣнъ на новые предметы. Еще не такъ давно разъѣзжалъ по Кіевской губ. нѣкто Теленковъ, онъ возилъ за собой возъ съ различной церковной утварью, очень не важнаго достоинства, и въ обмѣнъ за нее получалъ массу цѣнныхъ и въ прямомъ, и въ переносномъ значеніи предметовъ. Въ одной изъ посѣщенныхъ мной церквей онъ получилъ, напр., за пару поручей, износившихся уже черезъ годъ, старинный поясъ, шитый серебромъ, набедренникъ изъ плотной шелковой матеріи и, кажется, еще что-то! Исчезли предметы и другимъ путемъ,—тутъ уже независимо отъ воли блюстителей церквей. Во многихъ церквяхъ побывалъ въ свое время г-нъ Кибальчичъ, снабженный различными оффиціальными полномочіями, имъ и было

увезено все, что болѣе или менѣе заслуживало вниманія и что можно было увезть. Самая незначительная часть взятыхъ предметовъ передана въ кіевскій Церковно-Археологическій музей, куда же ушли остальные—неизвѣстно.

Вопросъ объ уничтоженіи памятниковъ церковной старины—старый вопросъ. На него не разъ обращали вниманіе и періодическая печать, и ученыя общества, духовное начальство издавало соотвѣтствующія распоряженія, но все это, какъ видно, не дѣйствовало и не дѣйствуетъ: памятники старины гибнутъ безвозвратно. Непростительно махнуть рукой на это дѣло. Но какъ помочь? Намъ кажется, что циркулярныя распоряженія начальства не оказываютъ надлежащаго дѣйствія въ силу своей неопредѣленности: говорится о сохраненіи старинныхъ предметовъ,—этого мало: нужно хотя въ общихъ чертахъ обозначить, что именно нужно хранить, такъ какъ не спеціалистамъ, какими являются сельскіе священники, трудно составить надлежащее мнѣніе о цѣнности того или другого предмета. Болѣе раціонально было-бы вообще запретить отчужденіе изъ церквей и уничтоженіе какихъ-бы то ни было предметовъ, до обломковъ старыхъ иконостасовъ включительно.

Но, конечно, самымъ надежнымъ средствомъ являются осмотры церквей и церковнаго имущества спеціальными лицами, т. е. именно то, что и предполагается предпринять въ болѣе широкихъ размѣрахъ съ будущаго года. Экскурсіи разсчитаны всего лишь на одно лѣто. Этого конечно очень мало. Во время нашей пробной поѣздки, не смотря на вышеуказанное массовое исчезновеніе предметовъ старины, *во всѣхъ безъ исключенія церквяхъ* удавалось найти еще кое-что интересное какъ по старинѣ, такъ, въ особенности, по художественному исполненію: въ одной церкви образа изъ стариннаго иконостаса, въ другой—рѣзной ставникъ, въ третьей—шитую серебромъ епитрахиль или расшитые шелкомъ подризники и т. д. Такимъ образомъ, представляется необходимымъ подвергнуть осмотру всѣ церкви,—только тогда регистрація памятниковъ украинской старины будетъ доведена до конца. Но для этого нужны люди, нужны средства. Московское Археологическое Общество сдѣлало починъ, пора отозваться и мѣстному обществу,—послѣднему должна быть ближе родная старина. Жаль будетъ, если дѣло остановится, съ нимъ нужно спѣшить, иначе будетъ уже поздно.

Н. Бѣляшевскій.

Изслѣдованія и раскопки.

Экскурсія отъ Городецкаго музея Волынской губ. барона Ѳ. Р. Штейнгель. 10-го іюля вернулась въ с. Городокъ экскурсія, снаряженная барономъ Штейнгелемъ въ Житомирскій, Овручскій и отчасти Новоградъ-Волынскій уу. Изслѣдованія экскурсантовъ продолжались безъ малаго мѣсяцъ, всего пройдено около 500 верстъ, осмотрѣны слѣдующія мѣстности: *въ Житомирскомъ у.*: предм. Гоголевка, кол. Песчанка, с. Троковичи, с. Б. Горбаши, м. Черняховъ, кол. Андреевъ, с. Топорища, с. Селецъ, с. Каменный Бродъ, д. Рудня Боровая, д. Ковали, уроч. Веселовка, кол. Лисовщина, м. Ушомиръ, д. Ушица, с. Бѣлка, д. Баскаки, с. Расное, с. Бараши; *въ Овручскомъ у.*: с. Могильно, м. Искорость, д. Шатрище, д. Немеровка, с. Ходаки, с. Татариновичи, с. Сарновичи, хут. Тартакъ, с. Закусилы, д. Селецъ, м. Нерадичи, с. Ласка, с. Кацовщина, с. Раковщина, д. Яцковичи, г. Овручъ, с. Шоломки, д. Жуки, с. Збрадки, д. Бондары, Рудня Папирня, м. Норинскъ, м. Веледники, Рудня Мощаница, д. Полчъ, м. Лугины, д. Литки; *въ Новоградъ-Волынскомъ у.*: с. Андреевичи, г. Новоградъ-Волынскъ, с. Пилиповичи, с. Дидовичи, м. Корецъ. Кромѣ этой главной линіи, нѣкоторыми экскурсантами совершались также поѣздки и въ стороны. Благодаря массѣ посѣщенныхъ мѣстъ, опредѣлился и характеръ экскурсіи: это были развѣдки, давшіе однако довольно много и положительныхъ результатовъ; во всякомъ случаѣ, можно сказать, что вездѣ, гдѣ только ни побывали экскурсанты, все болѣе интересное отмѣчено, зарегистрировано, сфотографировано.

Археологической секціей (бар. Ѳ. Р. Штейнгель, И. С. Абрамовъ, Н. К. Рексъ, Е. И. Корниловичъ) сняты планы городищъ: въ м. Искорости, м. Ушомирѣ, м. Норинскѣ и с. Топорищахъ; кромѣ Ушомірскаго городища, въ остальныхъ были сдѣланы пробныя раскопки—въ результатѣ получилось небольшое собраніе предметовъ—колецъ, пряслицъ, бусъ, черепковъ и т. п., по которымъ можно опредѣлить эпоху и принадлежность городищъ; собраніе это было пополнено покупкой предметовъ у крестьянъ изъ случайныхъ находокъ на городищахъ.

Обслѣдованы затѣмъ стоянки неолитической эпохи каменнаго вѣка около м. Норинска, с. Збранокъ, д. Бондарей, Рудни Папирни—все на правомъ берегу р. Норина. Здѣсь собрана большая коллекція каменныхъ орудій, къ которой присоединены также прекрасные образцы

издѣлій этого рода, пріобрѣтенные у крестьянъ (м. п. у извѣстнаго собирателя каменныхъ орудій Ивана Кныша) и у торговца древностями Дубинскаго (въ г. Овручъ). Такъ что, въ общемъ, въ Городецкій музей, благодаря экскурсіи, поступило около 250-ти предметовъ каменнаго вѣка, происходящихъ изъ 20-ти мѣстностей Овручскаго у.

Пробныя раскопки кургановъ произведены въ слѣдующихъ мѣстностяхъ: въ Руднѣ Боровой (трупосожженіе), въ д. Ковалях (трупосожженіе), въ кол. Веселовкѣ (погребеніе безъ гроба), въ м. Искорости (одиночныя погребенія въ гробахъ), въ с. Татариновичахъ (одиночныя и двойныя погребенія въ гробахъ), въ с. Кацовщинѣ (ярусныя погребенія въ гробахъ, въ одномъ курганѣ погребенія шли въ 3 яруса и заключали 9 гробовъ), въ м. Норинскѣ (погребенія). Составъ предметовъ изъ кургановъ—обычный въ славянскихъ могилахъ Волынской губ.: кольца для волосъ и пальцевъ, бусы, пряжки, грузила, ножи, глиняные сосуды. Помимо раскопокъ, обмѣрены отдѣльные курганы (м. п. «Игорева могила» у с. Воронева и «Олегова могила» у г. Овруча), а нѣкоторые изъ могильниковъ нанесены на планъ.

Историческая секція (А. А. Матвѣевъ, Я. В. Яроцкій, А. Я. Яроцкая, В. В. Нейкирхъ) производила фотографическую съемку старинныхъ церквей, иконостасовъ, иконъ, городищъ, замчищъ, снимала копіи старинныхъ плановъ нѣкоторыхъ, интересныхъ въ историческомъ отношеніи, мѣстностей, занималась разборкой архивнаго матеріала, при чемъ нѣкоторые изъ старинныхъ актовъ были пріобрѣтены для музея или подарены. Записывались также преданія и легенды, относящіяся къ тѣмъ или другимъ памятникамъ старины. Особое вниманіе секціи было обращено на г. Овручъ и на имѣющіеся тамъ развалины церкви св. Василія.

Этнографическая секція (В. А. Мошковъ и И. Х. Боговскій) собирала матеріалы по матеріальной культурѣ и фольклору (для записей иногда служилъ фонографъ), снимала фотографіи съ народныхъ построекъ, костюмовъ и т. п. Матеріалъ этотъ будетъ разработанъ В. А. Мошковымъ и поступитъ въ историко-географическіе сборники музея. Для коллекцій музея пріобрѣтено около 60-ти различныхъ предметовъ—различныхъ частей народнаго костюма, вышивокъ и т. п. Собирались также данныя и по кустарной промышленности.

Всѣми тремя секціями, за время экскурсіи, было сдѣлано болѣе 250-ти фотографическихъ снимковъ.

Помимо вышеуказанной дѣятельности, члены экскурсіи (кромѣ перечисленныхъ еще—А. В. Думанскій, Ю. В. Мошкова, Д. В. Мошковъ) собирали коллекціи по ботаникѣ, зоологіи, палеонтологіи и минералогіи.

Благодаря вниманію, съ какимъ отнесся къ цѣлямъ экскурсіи волынскій губернаторъ І. Я. Дунинъ-Борковскій, экскурсанты всюду встрѣчали радушный пріемъ и содѣйствіе мѣстныхъ властей.

—

Раскопки кургановъ у с. Колодистаго, Звенигородскаго у. Кіевской губ. Въ концѣ іюля и началѣ августа В. Н. Доманицкимъ были произведены у названнаго села раскопки остатковъ жилищъ съ керамикой до-микенской культуры и кургановъ. О раскопкахъ жилищъ мы сообщимъ въ одномъ изъ ближайшихъ номеровъ «Лѣтописи», покаже даемъ краткія свѣдѣнія объ изслѣдованіи кургановъ, пользуясь любезно намъ предоставленнымъ дневникомъ раскопокъ.

Раскопанные курганы лежатъ на в. и ю.-в. отъ села по направленію къ мѣсту впаденія ручья Колодистаго въ Гнилой Тикичъ; тянутся они по направленію съ с.-в. на ю.-з. и занимаютъ въ данной мѣстности самый возвышенный пунктъ; многіе изъ нихъ едва примѣтны, а нѣкоторые и совсѣмъ исчезли—лишь болѣе желтый цвѣтъ земли или мелкіе каменья даютъ знать объ ихъ существованіи.

Изъ имѣющихся здѣсь 15-ти кургановъ раскопано 9. Оказалось, что курганы заключаютъ въ себѣ погребенія, относящіяся къ всевозможнымъ эпохамъ, начиная съ каменнаго вѣка и кончая кочевниками X—XI в. При изложеніи мы будемъ слѣдовать тому порядку, въ какомъ шли раскопки.

Курганъ № 1, высотой 2 ар. 12. в. На поверхности его, на глубинѣ 4-хъ вершк. оказались остатки костяка, по направленію съ з. на в., головой на в.; у правой ключицы костяка—нѣсколько кусковъ обожженнаго дерева и обгорѣлая половинка повидимому конскаго зуба. Въ западной части насыпи, на глубинѣ 1 арш.—второй костякъ въ скорченномъ положеніи, на лѣвомъ боку, въ томъ же направленіи, что и первый; у скелета—обернутое вверхъ днище грубаго сосуда, а немного глубже костей, по направленію къ центру—небольшой шлифовальный камень. Въ центральной части насыпи—третій костякъ, сильно пострадавшій отъ времени, въ направленіи с. с. в.—ю. ю. з., головой на с. с. в.; на костяхъ—слѣды красной охры, подъ

ними—подстилка изъ березовой коры. На 12 вершк. глубине сохранились истлѣвшіе дубовые брусья, закрывавшіе собой могильную яму. Могильная яма—12 вершк. глубины, на днѣ ея, также на подстилкѣ изъ березовой коры—четвертый костякъ, головой на з., со скорченными ногами; въ правой ключевой кости его найдена застрявшая и сломавшаяся кремневая стрѣлка; скелетъ густо окрашенъ красной охрой. Итакъ, здѣсь мы имѣемъ погребенія каменнаго вѣка.

Курганъ № 2, высотой $1^3/_4$ арш. Въ восточной части насыпи обнаружено вставное, позднѣйшее погребеніе (женское); костякъ въ вытянутомъ положеніи, головой на сѣверъ; у лѣвой руки—изящный глиняный кувшинъ съ ручкой, у ногъ—небольшая глиняная чашка, грубой работы; кромѣ того, у костяка, въ разныхъ мѣстахъ собрано до 80-ти бусъ, главнымъ образомъ изъ стеклянной композиціи и перламутровыхъ. Подъ насыпью, въ центрѣ—могила, въ ней—сожженный скелетъ, со слѣдами окраски.

Слѣдующій курганъ, № 3, оказался совершенно разрушеннымъ, повидимому въ недавнее время.

Курганъ № 4, въ 1 арш. высотой; основаніе его—кругъ изъ валуновъ, сложенныхъ въ одинъ рядъ, а иногда въ 2 и 3, одинъ надъ другимъ; повидимому, въ нетронутомъ видѣ курганъ былъ весь обложенъ камнями—владѣлецъ поля вывезъ изъ кургана не одинъ возъ «бутягъ» (булыжныхъ глыбъ). Подъ слоемъ камней, у края круга, было положено 6 дубовыхъ бревенъ, образовавшихъ довольно правильный шестиугольникъ; подъ насыпью—яма, въ которой головой на с. с. в. лежалъ отличной сохранности скелетъ, въ вытянутомъ положеніи; у лѣвой руки его—желѣзныя ножницы, на пальцѣ—серебряный перстень съ овальнымъ камнемъ, на которомъ вырѣзана надпись, какъ кажется, арабская.

Курганъ № 5, по сосѣдству съ предыдущимъ; раньше раскопанъ кладоискателями. Въ могильной ямѣ—скелетъ въ безпорядкѣ, помѣщавшійся въ досчатомъ гробѣ (найдены остатки), скрѣпленномъ желѣзными скобами; въ ямѣ найдены: желѣзная ромбовидная стрѣла, куски желѣза и кожи. Почти параллельно съ упомянутой ямой, на разстояніи 2-хъ аршинъ, оказалась другая яма, гдѣ найденъ остовъ лошади въ опрокинутомъ положеніи съ желѣзными удилами въ зубахъ.

Курганъ № 6 заключалъ, подобно предыдущему, также двѣ ямы—въ одной лошадь съ удилами, въ другой—скелетъ человѣка, въ

вытянутомъ положеніи, въ гробу изъ дубовыхъ досокъ, скрѣпленныхъ скобами. У костяка найдены: часть бронзоваго зеркала, желѣзный ножъ съ орнаментированной костяной рукоятью, бронзовая серьга, бронзовая застежка, кусочки перстней и шелковой матеріи. Сверху на гробѣ находилась пара желѣзныхъ стремянъ.

Всѣ три вышеописанные курганы принадлежатъ кочевникамъ.

Курганъ № 7, съ основаніемъ, обложеннымъ камнями, совершенно разрушенъ кладоискателями; на днѣ могильной ямы, въ кучѣ костей найденъ кусокъ желѣзнаго ножика и дѣтскій черепъ.

Болѣе всего интересъ представляютъ курганы №№ 8 и 9. Курганъ № 8 не имѣлъ въ настоящемъ положеніи сверху никакой насыпи,—онъ былъ обставленъ по окружности валунами гранита, въ 2 и 3 слоя шириной $^1/_2$—1 арш; отдѣльные камни встрѣчались и въ срединѣ; кромѣ того, въ ю.-з. части каменнаго обвода оказалась огромная плита (3 ар. дл. и около $2^1/_2$ арш. шир.), упавшая болѣе тонкимъ концемъ внутрь круга и первоначально, вѣроятно, находившаяся въ стоячемъ положеніи. На глубинѣ не болѣе 4—5 вершковъ оказалось два скелета на разстояніи одинъ отъ другого $1^1/_2$ арш. Одинъ скелетъ былъ въ вытянутомъ положеніи, головой на з.; другой—съ согнутыми ногами и руками, головой на в. Оба костяка носятъ на себѣ слѣды окраски охрой, въ особенности черепа и нижнія конечности. Все пространство между костяками и вокругъ перваго изъ нихъ заполнено сосудами различной величины и формы; сосуды хорошей выдѣлки, въ глинѣ имѣется примѣсь кварца и песку. Нѣкоторые изъ сосудовъ помѣщались одинъ въ другомъ, встрѣтилось даже три горшечка, вставленные одинъ въ другой. Большинство сосудовъ (ихъ всѣхъ болѣе 10-ти) было наполнено нережженными костями животныхъ и рыбъ, среди которыхъ встрѣчались кремневые отбивные ножи, скребки, костяныя орудія и глиняныя грузила. Сосуды имѣютъ ушки, украшены выдавленнымъ и *расписнымъ* орнаментомъ. Подъ этими погребеніями, на глубинѣ 2-хъ аршинъ, въ могильной ямѣ, встрѣчено еще одно погребеніе; скелетъ со слѣдами окраски, лежавшій головой на ю.-з., совершенно истлѣлъ.

Въ двадцати-пяти шагахъ къ востоку обнаружена совершенно аналогичная могила (№ 9), оказавшаяся совершенно испорченной. На глубинѣ $^1/_2$ арш., въ перекопанной землѣ найдены 2 костяка, лежавшіе почти параллельно. Возлѣ костяковъ обнаружены двѣ кучи не-

реженныхъ костей животныхъ, гдѣ были также черепки, кремневые ножи и скребки, костяныя шила, грузило.

Найденные сосуды по формамъ и орнаментаціи очень напоминаютъ сосуды изъ лежащихъ тутъ-же по близости остатковъ жилищъ съ керамикой до-микенскаго типа. Если тождество будетъ доказано болѣе точнымъ изслѣдованіемъ добытыхъ предметовъ, то въ данномъ случаѣ мы имѣемъ очень любопытный, новый и давно ожидаемый фактъ—открытіе могилъ племени, оставившаго намъ остатки своихъ жилищъ, что дастъ возможность прослѣдить ритуальную сторону погребальнаго обряда и сдѣлать антропологическія наблюденія. Раскопанная могила (№ 8) интересна еще и потому, что заключала въ себѣ два яруса: болѣе раннее погребеніе и болѣе позднее.

Кромѣ вышеописанныхъ, В. Н. Доманицкимъ были вскрыты еще 3 курганныя насыпи; одна въ $1^1/_2$ верст. отъ с. Колодистаго на поляхъ с. Беребисъ (Гуляйполе) и двѣ у самаго села Колодистаго. Всѣ три кургана оказались уже раскопанными и испорченными.

Подробный отчетъ о раскопкахъ будетъ представленъ В. Н. Доманицкимъ въ Имп. Археологическую Коммиссію.

—

Палеолитическая стоянка на Кирилловской улицѣ въ Кіевѣ за послѣднее время дала нѣсколько интересныхъ предметовъ. Здѣсь открыты части громадныхъ деревьевъ, принадлежащихъ повидимому къ фаунѣ, уже не существующей въ нашихъ широтахъ. Затѣмъ найденъ бивень молодого мамонта, 175 стм. длиной, съ искусственно продѣланнымъ почти по всей длинѣ бивня желобкомъ, 4—5 стм. шириной и 1—3 стм. глубиной. Выдающійся интересъ представляетъ находка конца бивня мамонта, 30 стм. длиной, сплошь покрытаго рисунками, вырѣзанными вглубь гравировкой. Намъ пришлось видѣть его въ тотъ моментъ, когда онъ подвергался консервировкѣ, а потому нельзя было хорошо разсмотрѣть рисунковъ. Отчетливо видно изображеніе какого-то животнаго, скорѣе всего птицы, затѣмъ предмета, напоминающаго лодку. Сохранившійся кусокъ составляетъ лишь незначительную часть бивня; расположеніе рисунковъ показываетъ, что они покрывали и дальше поверхность бивня. Своевременно мы постараемся дать болѣе подробное описаніе этой находки и снимокъ съ рисунковъ.

—

Музеи и собранія древностей.

Въ Кіевскій Музей Древностей и Искусствъ поступила коллекція древностей недавно умершаго Е. А. Зноско-Боровскаго. Коллекція состоитъ изъ 356 номеровъ, въ свою очередь заключающихъ до 1500 отдѣльныхъ предметовъ. Покойный Е. А. Зноско-Боровскій, въ сотрудничествѣ съ Е. И. Шилинской, въ теченіе многихъ лѣтъ производилъ раскопки, главнымъ образомъ въ Каневскомъ у. Большинство предметовъ коллекціи и происходитъ изъ личныхъ раскопокъ покойнаго; сюда присоединены немногочисленные въ общемъ предметы изъ случайныхъ находокъ. Въ топографическомъ отношеніи предметы имѣются изъ Каневскаго, Черкасскаго и Кіевскаго уу. Кіевской губ. и Переяславскаго и Золотоношскаго уу. Полтавской. Такъ что и въ этомъ отношеніи коллекція представляетъ извѣстную цѣльность. Еще болѣе цѣльной является коллекція по составу предметовъ: преобладающая масса ихъ относится къ скифо-сарматской эпохѣ, и здѣсь мы имѣемъ довольно полную характеристику культуры, сладывавшейся изъ мѣстныхъ издѣлій и привозныхъ греко-римскихъ. Кромѣ кургановъ скифо-сарматской эпохи довольно часты въ Каневскомъ у. могилы кочевниковъ. Въ коллекціи есть содержимое раскопки единственнаго въ своемъ родѣ погребенія этого типа (у с. Ковали); скелетъ помѣщался въ деревянномъ гробу, по обѣ стороны котораго стояли скелеты двухъ лошадей; при покойникѣ найдено полное вооруженіе: желѣзный шишакъ съ предохранительной сѣткой сзади, желѣзная маска съ бронзовыми ушами (это скорѣе принадлежность погребальнаго обряда), желѣзная кольчуга, окислившаяся въ то время, когда тѣло еще не разложилось, такъ что складки кольчуги обрисовываютъ формы туловища, воротникъ кольчуги немного отвороченъ, приподнята и нижняя часть съ лѣвой стороны—здѣсь висѣла кривая сабля; тутъ-же были: стремена, наконечники копья и стрѣлъ, желѣзный боевой топоръ и др.; характеръ предметовъ этого погребенія указываетъ на XII—XIII в. Всѣмъ раскопкамъ велись дневники, поступившіе также въ Музей, и вообще коллекція оставлена покойнымъ въ образцовомъ порядкѣ.

Разныя извѣстія.

Реставрація церкви Трехъ Анастасій въ г. Глуховѣ, Черниговск. губ. Въ настоящее время въ г. Глуховѣ производится реставрація старинной церкви во имя Трехъ Анастасій, основанной въ 1717 г. гетманшей Анастасіей Скоропадской на мѣстѣ, гдѣ раньше былъ деревянный храмъ Воскресенія. Церковь эта была придворной гетманской; въ 1722 г., послѣ пожара, она возобновлена и затѣмъ, въ 1784 г. снова пострадала отъ пожара. Въ 1816 г. надъ одноэтажной первоначальной церковью былъ надстроенъ второй этажъ, и въ такомъ видѣ церковь просуществовала до послѣдняго времени, когда пришла въ полный упадокъ, такъ что былъ даже указъ св. Синода о полной разборкѣ церкви. Возобновляется церковь на средства П. П. Скоропадскаго,—изъ нея будетъ устроена часовня въ стилѣ малорусскихъ церквей конца XVII вѣка. При реставраціи будутъ сохранены лишь тѣ части, которыя остались отъ первоначальной постройки, именно: склепы и алтарная часть со сводчатымъ потолкомъ. Можно лишь пожалѣть, что не былъ пощаженъ этотъ сводчатый потолокъ: для того, чтобы сдѣлать часовню выше, его разобрали; этимъ нарушенъ старинный характеръ постройки.

СОДЕРЖАНІЕ ТОМА 70-го:

ІЮЛЬ-АВГУСТЪ, СЕНТЯБРЬ, 1900 г.

Книга первая и вторая—іюль-августъ.

ОТДѢЛЪ I-й.

I. ЗАПИСКИ ПРОТ. І. Г. ЛЕБЕДИНЦЕВА О КОЗАЩИНѢ 1855 года . . . . . 1—50
II. НАРОДНАЯ МЕДИЦИНА ВЪ ЛУБЕНСКОМЪ УѢЗДѢ, ПОЛТАВСКОЙ ГУБ. *(Окончаніе)*. **В. Милорадовича**. . . . 51—65
III. ВТОРАЯ КІЕВСКАЯ ГИМНАЗІЯ. (1852—1861). *(Окончаніе)*. **М. Чалаго** . . . . . 66—88
IV. СТАРЕ И НОВЕ. Оповидання. (*Окончаніе*). **В. Левенко.** 89—141
V. МОИ ВОСПОМИНАНІЯ. Прот. **Андрея Лебединцева**. . 142—210
VI. НОВАЯ БИБЛІОГРАФИЧЕСКАЯ НАХОДКА. **К. Харламповича** . . . . . 211—224
VII. НАЛІИ. **Б. Гринченка** . . . . . 225—234
VIII. ПО ПОВОДУ НАШИХЪ НЕОЛИТИЧЕСКИХЪ НАХОДОКЪ СЪ ЦЕРАМИКОЙ ДО-МИКЕНСКАГО ТИПА. **Ѳ. Волнова.** 235—245

ОТДѢЛЪ II.

I. ДОКУМЕНТЫ, ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Истребленіе еврейскихъ безцензурныхъ книгъ и судебное преслѣдованіе евреевъ за ихъ утайку. **О. Л.**; б) Могила гетмана Дорошенка. **В. Краснова**; в) На могилѣ Е. П. Гребенки. **Н. Сто-**

роженка; г) Чудотворная икона Божіей Матери въ селѣ Ржавцѣ, Прилукскаго у., Полт. г. **Н. Стороженка**; д) Засѣданіе музыкально-этнографической коммиссіи въ Москвѣ. **А. Г. Хат—а**; е) Мелочи изъ архивовъ юго-западнаго края. Сообщ. **А. Мёрдеръ**; ж) Въ Лебединскомъ «будынкѣ» Г. П. Галагѣна. **В. Василенка** . . . . . 1—24

Текущія извѣстія . . . . . 24—30

II. БИБЛІОГРАФІЯ: а) Юбилейный сборникъ въ честь Всеволода Ѳедоровича Миллера, изданный его учениками и почитателями. **В. Д.**; б) Иванъ Левицькый. Повисти и оповидання. Т. II. Старосвитськи батюшки та матушки. **Л. Ч.**; в) «Отчетъ благотворительнаго общества изданія общеполезныхъ и дешевыхъ книгъ за 1899 г.» **В. Д.**; г) Обзоръ журналовъ текущаго года; д) Извѣстія о новыхъ книгахъ и журнальныхъ статьяхъ . . . . . 31—58

Археологическая лѣтопись . . . . . 59—76

III. ПРИЛОЖЕНІЕ: Описаніе Старой Малороссіи. Томъ третій. Прилуцкій полкъ. **Ал. Лазаревскаго**. Листъ 3-й и 4-й . 33—64

Книга третья—сентябрь,

ОТДѢЛЪ I.

I. ЛѢСНАЯ ЛУБЕНЩИНА. **В. Милорадовича** . . . . . 247—296

II. НОВЫЕ МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ БІОГРАФІИ ШЕВЧЕНКА. **Н. Стороженка** . . . . . 297—326

III. ВЪ НАЧАЛѢ РЕФОРМЫ БУРСЫ. (Изъ воспоминаній). **П. Борзаковскаго** . . . . . 327—357

IV. ПОКУПКА. **Б. Гринченка** . . . . . 358—362

V. ИЗЪ ИСТОРІИ МАЛОРУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ 20-хъ и 30-хъ ГОДОВЪ XIX ВѢКА. **П. Вл. Каллаша**. . . . 363—374

VI. ИДЕАЛЬНЫЙ БАТЬКО. **Л. Яновской** . . . . . 375—403

ОТДѢЛЪ II.

I. ДОКУМЕНТЫ, ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Празднество 8-го сентября въ Холмѣ. **А. Ирпенскаго**; б) Печатное дѣло

въ Малороссіи въ началѣ XIX ст. **В. Д.**; в) Варьянтъ пѣсни про голоту. Сообщ. **В. Милорадовичъ**; г) Варьянтъ пѣсни про дурня; д) Два неизвѣстныя письма И. П. Котляревскаго; е) Глуховская сатира. Сообщ. **В. Н.**; ж) Подписка на памятникъ И. П. Котляревскому въ Полтавѣ . . . . 77—98

Текущія извѣстія . . . . . 99—100

II. БИБЛІОГРАФІЯ: а) Протоколы Верховнаго Тайнаго Совѣта, какъ матеріалъ для исторіи Малороссіи XVIII в. **В. Василенка**; б) А. Лотоцкій. Народное образованіе въ Подоліи въ его прошломъ и настоящемъ. **В. Д.**; в) Обзоръ журналовъ текущаго года; г) Извѣстія о новыхъ книгахъ и журнальныхъ статьяхъ . . . . . 101—135

Археологическая лѣтопись. . . . . 136—147